

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 17



**Москва
2001**

ББК 81
Я410

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Рецензенты:
д.п.н., проф. *Ю.Е. Прохоров*
д.ф.н., проф. *Ю.А. Сорокин*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с её безгонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном и/или электронном виде, включая размещение в Интернете

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2001. —
Вып. 17. — 152 с.

ISBN 5-317-00226-5

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, коннотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Выпуски 1 и 2 опубликованы в 1997 г., выпуски 3, 4, 5, 6 – в 1998 г., выпуски 7, 8, 9, 10 – в 1999 г., выпуски 11, 12, 13, 14, 15 – в 2000 г., выпуск 16 – в 2001 г.

ББК 81
Я410

ISBN 5-317-00226-5

© Авторы статей, 2001

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

<i>Тухарели Н. Л.</i> Детская языковая картина мира как предмет лингвистического изучения.....	5
<i>Тухарели Н. Л.</i> Психолингвистические аспекты процесса номинации в онтогенезе.....	11
<i>Лихачева А. Б. (Литва)</i> Современный русский телезритель: фрагменты языкового сознания.....	19
<i>Полищук Е. В.</i> О некоторых трудностях и условиях успешности американо-иноязычной межличностной коммуникации	30
<i>Изотова А. А.</i> Деформация «устойчивых метафор» в стиле массовой коммуникации	34
<i>Стафеева О. В.</i> Космонимы «Солнце» и «Луна» как объекты лексикографического и текстологического описания (на материале современного английского языка).....	38
<i>Зильберт А. Б., Зильберт Б. А.</i> Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи	45
<i>Чой Чжи Ен (Республика Корея)</i> Чужая речь и способы ее передачи (на материале корейского и русского языка).....	56
<i>Чой Юн Хи (Республика Корея)</i> Фразеологический образ в коннотативном аспекте (на примере соматических фразеологизмов русского и корейского языков).....	81
<i>Ким Ю Чжин (Республика Корея)</i> Семантический класс предложений, отражающих ситуацию со значением передачи / перехода предмета от одного лица к другому	98
<i>Перфильева С. Ю.</i> Эмономы в контекстуальном употреблении: анализ экспериментальных материалов.....	125

ЛИНГВОПОЭТИКА

<i>Малюга Е. Н.</i> Одна из закономерностей стандартной и нестандартной речи в основных вариантах английского языка	128
---	-----

ЛИНГВОДИДАКТИКА

<i>Судиловская О. И.</i> «Московский бедкер», или «Путешествие с классиком» (русская культура в иностранной аудитории)	140
---	-----

ЛИНГВИСТИКА

Детская языковая картина мира как предмет лингвистического изучения

© кандидат филологических наук Н. Л. Тухарели, 2001

В современной лингвистике все большую актуальность приобретает подход, позволяющий путем собственно лингвистического анализа описать картину мира (КМ) как отдельных носителей языка, так и целого этноса. Открывая в языке человека его систему видения мира, исследователи исходят из постулата об антропоцентричности языка¹.

Понять КМ через язык, выявить в языке определенное представление о внешнем и внутреннем мире его носителей – вот та основная задача, которую ставят перед собой лингвисты в процессе исследования различных фрагментов языковой картины мира (ЯКМ). На сегодняшний день утвердилось понимание ЯКМ как всей совокупности знаний о внешнем и внутреннем мире, закрепленной средствами живых разговорных языков [3]. ЯКМ существует как важная составная часть концептуальной картины мира (ККМ), объединяющей знания о мире, “полученные как чисто вербальным путем, так и невербальным, т.е. в ходе невербального по своей сути опыта”² [13, с. 144].

Любая КМ является проекцией целостного восприятия внешнего мира определенным типом человеческого сознания: индивидуальным, коллективным обыденным, коллективным научным [10]. Представляется возможным заявить еще об одном типе человеческого сознания – коллективном детском сознании, проецирующем особую “точку зрения” на мир.

Ребенок, на наш взгляд, – это особый тип языковой личности, формирующий свой, особый взгляд на мир и на себя в этом мире. Образ мира, запечатленный в языке детей, во многом отличается от КМ взрослых носителей языкового сознания, что объясняется свойствами мышления детей, своеобразием их мироощущения и мировосприятия.

¹ Ср.: Н. Д. Арутюнова: “Почти в каждом слове можно обнаружить следы человека. Язык насковзь антропоцентричен. Присутствие человека дает о себе знать на всем пространстве языка (...)” [1, с. 3].

² Ср. также: Р. И. Павилёнис: “Концептуальная система — система взаимосвязанной информации, отражающая познавательный опыт индивида на самых разных уровнях (включая довербальный и невербальный) и в самых разных аспектах познания, осмысления мира” [17, с. 387].

Опираясь на работы по психологии раннего детства (К. Бюлер, В. Штерн, Ж. Пиаже, А. Валлон и др.), а также на психолингвистические разработки в области изучения особенностей детской речи (Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев, А. М. Шахнарович и др.), мы высказываем гипотезу о существовании детской языковой картины мира (ДЯКМ), отображающей особенности детского знания о мире, а также особенности ценностной ориентации ребенка.

ДЯКМ – особый способ концептуализации действительности, специфическое отображение физических и психических реалий в языке детей. В содержательных единицах языка детей и их речевых реализациях представлен особый уровень видения и осмысления мира, особая “точка зрения” на мир.

Все изменения, производимые ребенком в языке, являются, на наш взгляд, результатом особого целостного представления о мире, которое формируется в коллективном детском сознании. Данное положение подтверждается результатами многочисленных исследований в области детской речи, в которых делаются выводы об обусловленности конкретных грамматических и лексико-семантических особенностей языка детей спецификой детского мышления и мировосприятия³.

Следует сразу заметить, что исследования в области ДЯКМ должны проводиться строго с учетом возрастной периодизации. Необходимо учитывать тот факт, что, как отмечает Л. С. Выготский, “к началу каждого возрастного периода складывается своеобразное, специфическое для данного возраста, исключительное, единственное и неповторимое отношение между ребенком и окружающей его действительностью” [5, с. 258]. Предполагается, что дети определенной возрастной группы обладают “особой, определенным образом структурированной совокупностью знаний и представлений” [6, с. 42]. Это подтверждается, на наш взгляд, тем фактом, что в детском коллективе успешная коммуникация возможна лишь между детьми одной возрастной группы⁴.

С учетом того факта, что только к 3-м годам у ребенка создается устойчивая картина мира, упорядоченного в предметном отношении [5], исследования ДЯКМ предлагается проводить на материале речи детей дошкольного и младшего школьного возраста (с 3 лет и до 9), т.е. до того момента, пока ребенок не включается в активную систему обучения, что сразу приводит к резким изменениям в его ККМ – разрушается уникальное видение мира ребенком. Немаловажным является и тот факт, что, как отмечает А. В. Захарова, к 7-8 годам в основном заканчи-

³ См. работы И. В. Столяровой [20], Д. М. Калашник [8], В. К. Харченко [21], Ю. А. Пупынина [18], А. О. Костылева [11], В. Д. Черняк [22].

⁴ Ср.: “... необходимым условием коммуникации является наличие общих знаний коммуникантов” (Д. Б. Гудков) [6, с. 40].

вается формирование ядра словаря ДР, т. е. складываются некоторые главные семантические координаты, определяющие собой семантическое пространство данного языка [7, с. 77].

Детское мировосприятие ребенка детерминировано и рядом других социальных факторов⁵. В раннем детстве и в дошкольный период наиболее значимое влияние на формирование мироощущения ребенка, на его отношение к миру оказывает семья. Характер этого влияния обусловлен “речевой и неречевой деятельностью взрослых” [12, с. 120], системой воспитания, системой обучения в дошкольный период, психологической обстановкой в семье и другими факторами⁶. Именно в семье “формируется неповторимая социальная ситуация развития, которая и определяет индивидуальные особенности ребенка, его интеллектуальный и личностный потенциал” [19, с. 120].

Ребенок не только член определенной социальной группы, но и представитель конкретного национально-культурного сообщества⁷. В связи с этим представляется интересным сопоставительное изучение ДЯКМ детей – представителей разных культур. Предполагается, что исследования подобного рода позволят выявить универсальное и различное в когнитивных процессах у детей, представляющих различные лингво-культурные сообщества.

ДЯКМ проявляется в детской речи (ДР). Как известно, во второй половине XX века в отечественной психолингвистике был сделан существенный скачок в изучении особенностей ДР. Исследования велись, главным образом, в следующих направлениях: 1) анализ фонетических, грамматических и лексико-семантических особенностей ДР, 2) раскрытие особенностей усвоения ребенком грамматических категорий, 3) выявление и описание индивидуальных лексиконов (детских идиолектов) и др.⁸.

В последнее время все чаще высказываются мнения по поводу того, что наступило время для обобщения всех этих исследований. По мнению Е. С. Кубряковой, результатом такого обобщения может стать соз-

⁵ Ср.: Надо считаться с неумышленными влияниями среды, в которой родился ребенок, среды физической и психической с ее социальной, национальной и религиозной окраской, а также с умышленными воздействиями воспитания (К Бюлер) [4, с. 70].

⁶ В этом плане показательны результаты эксперимента, в ходе которого ученикам младших классов было предложено определить лексическое значение слова *стол*. Один из ответов: *На столе кушают и играют в карты* – указывает, по мнению исследователя, на “направленность семейного воспитания” [15, с. 21].

⁷ По наблюдениям У. Каудилла, культура может “врасти” в индивида уже трех месяцев отроду: уже в 3-4 месяца младенцы двух различных культур (США и Японии) приучены вести себя в соответствии с моделями, принятыми в культурах [цит. по: А. А. Белик. Культурология. Антропологические теории культур. Уч. пособие. М., 1999].

⁸ В последнее время наметилось новое направление – исследование ДР в свете теории коммуникации. Подробный анализ формирования аспектов, форм и средств коммуникации в онтогенезе см. в [16].

дание целостной и непротиворечивой теории развития речи ребенка на разных возрастных этапах, а также пересмотр имеющихся данных с точки зрения их значимости для общего языкознания, для уточнения и разъяснения некоторых его фундаментальных понятий и категорий [12].

Собранные на сегодняшний день данные о ДР, могут быть также успешно использованы и в целях решения поставленной нами задачи – описания ДЯКМ. Вместе с тем можно наметить и некоторые перспективные разработки в рамках данного направления исследования. В числе первоочередных задач, решение которых представляется нам весьма плодотворным в плане выявления в языке детей совокупности их знаний о мире, мы предлагаем следующие:

1) выявление и системное описание лексических макросистем в языке детей, и прежде всего – семантических полей, обслуживающих важнейшие понятийные сферы: “время”, “пространство”, “движение”, “человек” и т. д.. Особое внимание при этом следует уделять принципам группировки и классификации понятий, находящим формальное выражение в структуре языка, поскольку, как отмечает Е. С. Кубрякова, они в большей степени, чем отдельные слова, позволяют судить о КМ в голове человека [13]⁹;

2) концептуальный анализ важнейших для ребенка семантических оппозиций: “свой – чужой”, “маленький – большой”, “хороший – плохой”, “близкий – далекий”, “живое – неживое”, “человек – нечеловек” и др.;

3) анализ детских лексических инноваций, и прежде всего, с точки зрения их мотивированности. Как известно, исследование мотивированности знаков языка в онтогенезе позволяет вскрыть свои, особые взаимосвязи и взаимоотношения реальных в известном ребенку окружающем мире. Как отмечает А. М. Шахнарович, “если для взрослого носителя языка несущественно, обладает ли акустический образ слова-наименования образной мотивированностью по отношению к обозначаемому им предмету, то ребенок стремится найти в акустическом образе слова буквальное отражение каких-то сторон, свойств предмета” [23, с. 131]. Особое внимание, на наш взгляд, следует уделить анализу наименований тех реальных, которые существуют лишь в детском воображении. Знания, закрепленные в этих словах, должны представлять особый интерес в ходе реконструкции принципов осмысления и членения мира в детском сознании;

4) анализ примеров детских словоупотреблений, свидетельствующих об определенном сдвиге в привычной референции используемого

⁹ Ср. также: “В принципах классификации и группировки понятий, в способах установления зависимостей между ними, безусловно, отражается известное представление о внешнем мире, некоторая «картина мира»” (Ю. Н. Караулов) [9, с. 267].

слова (ср., например: *У этого жука скоро будут птенцы; Какие большие цыплятки у гусей выросли; Под кроватью живут мышкыны птенчики; Плывет утка и с ней ее маленькие цыпки; А из птиц кто любит сахар? Пчела любит?*). Е. С. Кубрякова, описывая подобные акты “сдвинутой референции”, обращает внимание на тот факт, что в этом случае отклонения от нормы мотивированы “своим собственным пониманием границ обозначаемого” [14, с. 7]. Размытость денотативных границ слова встречается во всех возрастных группах детей дошкольного возраста [21].

Интересным представляется также исследование влияния на формирование детской ККМ знаний и сведений, содержащихся в художественных и фольклорных описаниях мира. Так, например, влиянием мифологической КМ, сведения о которой поступают к ребенку в языковой форме (через услышанные и прочитанные сказки и мифы), можно объяснить, на наш взгляд, тот факт, что представление ребенка о множественности пространств и времен и их неоднородности, формирующееся в период допонятийного, наглядного мышления [2], удерживается в детском сознании вплоть до подросткового возраста.

В заключение следует заметить, что, приступая к выявлению особенностей детского мировосприятия в языке детей, мы не должны забывать о том, что ребенок – это творческая личность, способная к самостоятельному мышлению. При этом, как отмечает К. Бюлер, ребенок, в отличие от взрослых, “ничего не знает о трудностях, не знает границ своих способностей” [4, с. 275]. Поэтому правы те исследователи, которые “неправильное” употребление слова ребенком рассматривают не только как результат бедности словаря ребенка или как знак непонимания конвенционального употребления значения слова и незнания норм его системного функционирования, но и как “доказательство яркого творческого начала в речевой деятельности ребенка” [14, с. 10], доказательство способности ребенка “мыслить самостоятельно, ассоциативно, проводя самые неожиданные и остроумные аналогии” [20, с. 117].

Л и т е р а т у р а

1. Арутюнова Н. Д. Введение // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999.
2. Ахундов М. Д. Концепции пространства и времени: Истоки, эволюции, перспективы. М., 1982.
3. Брутян Г. А. Язык и картина мира // НДВШ. Филос. науки. 1973. № 1.
4. Бюлер К. Духовное развитие ребенка. М., 1924.
5. Выготский Л. С. Психология детства // Собр. соч. в 6-ти тт. Т.4. М., 1984.
6. Гудков Д. Б. Межкультурная коммуникация: проблемы обучения. М., 2000.
7. Захарова А. В. Опыт лингвистического анализа словаря детской речи. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1975.

8. *Калашиник Д. М.* Использование прилагательных “большой – маленький” на начальном этапе развития речи // *Детская речь: проблемы и наблюдения.* Л., 1989.
9. *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. М., 1976.
10. *Корнилов О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999.
11. *Костылев А. О.* Обращение в детской речи // *Детская речь как предмет лингвистического изучения.* Л., 1987.
12. *Кубрякова Е. С.* Данные о детской речи с общелингвистической точки зрения // *Детская речь как предмет лингвистического изучения.* Л., 1987.
13. *Кубрякова Е. С.* Роль словообразования в формировании языковой картины мира // *Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира.* М., 1988.
14. *Кубрякова Е. С.* Специфика актов референции в детской речи // *Детская речь: проблемы и наблюдения.* Л., 1989.
15. *Кусова М. Л.* Связь лексического и логического в детской речи // *Детская речь и пути ее совершенствования.* Екатеринбург, 1992.
16. *Лепская Н. И.* Язык ребенка (Онтогенез речевой коммуникации). М., 1997.
17. *Павилёнис Р. И.* Понимание речи и философия языка // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып 17. Теория речевых актов. М., 1985.
18. *Пупынин Ю. А.* Содержание и способы выражения субъектно-объектных отношений в процессе их усвоения ребенком // *Детская речь как предмет лингвистического изучения.* Л., 1987.
19. *Разорина Л. М.* Семья как социальная среда и как социальная ситуация развития // *Семья в изменяющемся мире.* М., 1994.
20. *Столярова И. В.* Явление сверхгенерализации в речи ребенка // *Детская речь: проблемы и наблюдения.* Л., 1989.
21. *Харченко В. К.* Семантика слова в детской речи // *Детская речь как предмет лингвистического изучения.* Л., 1987.
22. *Черняк В. Д.* Отражение системных связей лексических единиц в детской речи // *Детская речь как предмет лингвистического изучения.* Л., 1987.
23. *Шахнарович А. М.* Мотивированность знаков языка в онтогенезе речевой деятельности // *Вопросы семантики.* Калининград, 1978.

Психолингвистические аспекты процесса номинации в онтогенезе

© кандидат филологических наук Н. Л. Тухарели, 2001

Процесс именованя “вещей” и людей – важнейший этап в освоении ребенком окружающего мира, в формировании образа мира в детском сознании. Как справедливо заметил А. Моруа, “жизнь начинается с периода имен” [9, с. 217].

В рамках данной статьи мы предполагаем подробнее остановиться на описании некоторых особенностей процесса номинации в раннем детстве. В частности, будут рассмотрены некоторые важнейшие особенности отношения “ребенок – слово”, во многом определяющие своеобразие детской языковой картины мира. В качестве основного источника фактического материала в работе использованы данные о детской речи (ДР), представленные в русской автобиографической прозе о детстве (“Котик Летаев” А. Белого, “Детство Люверс” Б. Пастернака, “Другие Берега” Вл. Набокова, автобиографические очерки М. Цветаевой)¹.

Как отмечает Н. А. Николина, в основе данного источника сведений о развитии ДР “лежат самонаблюдения говорящего (автора)” [11, с. 143]. Попытка анализируемых нами авторов воссоздать детское восприятие мира, реконструировать детскую картину мира в ее становлении заслуживает, на наш взгляд, особого внимания, поскольку речь в данном случае идет о “самонаблюдениях” выдающихся людей своей эпохи.

Размышляя об эпохе рубежа XIX-XX вв. в России, Н. А. Бердяев писал: “Много даров было послано русским людям того взволнованного времени” [1, с. 134]. Одним из таких даров, на наш взгляд, был “дар детства”, которым несомненно обладали многие из блестящих творцов русской культуры той эпохи. Создается ощущение, что впитывая в себя мир во всех его мельчайших деталях, звуках и запахах, “дети рубежа веков” как будто спешили набрать побольше впечатлений, запастись воспоминаниями, которые потом будут так необходимы². Вл.Набоков,

¹ Мы считаем, что для решения того круга вопросов, которые затронуты в рамках нашего исследования, использование данного источника сведений о ДР столь же правомерно, как и использование дневниковых записей ДР и результатов специальных экспериментов. При этом мы, безусловно, принимаем во внимание тот факт, что “детские восприятия” в анализируемых нами текстах могут быть переданы “знаками, чуждыми детскому языку” [15, с. 48].

² Ср.: Вл. Набоков: “В смысле этого раннего набирания мира русские дети моего поколения и круга одарены были восприимчивостью поистине гениальной, точно судьба в

как впрочем и А. Белый, и Б. Пастернак, и М. Цветаева, бесспорно принадлежат к той особой породе людей, которые, по словам А. Моруа, “на всю жизнь отмечены печатью детства” [9, с. 235].

Анализируемые нами мемуарные и художественные тексты блестяще, на наш взгляд иллюстрируют весь круг вопросов, касающихся психологических и лингвистических особенностей отношения “ребенок – слово”. Данное отношение рассматривается нами в рамках другого отношения – “ребенок – вещь”, внутри которого оно и складывается, что, собственно, и обуславливает особенности детского “контакта” со словом.

Каждая эпоха и жизнь отдельно взятого человека имеют свой “вещный” облик. В разные периоды нашей жизни меняется не только круг вещей, в которых мы живем, но и наше отношение к ним. Неизменным остается лишь одно: с самого начала отношение человека к вещам не только утилитарное, но и эмоциональное. Этим, в частности, объясняется тот факт, что часто вещи, окружающие человека, заряжены только ему известным смыслом³.

Ребенок изначально вплетен в реальные разнообразные связи с окружающими его предметами, и среди первых впечатлений ребенка об открывающемся ему мире особое место занимают впечатления о предметах⁴. Нельзя не оценить важность этих первых впечатлений, поскольку они во многом определяют особенности формирующегося мировосприятия и мироощущения.

Отношение “ребенок – вещь” складывается уже на самом раннем этапе жизни ребенка: еще в младенчестве. По наблюдению психологов, в первые годы жизни ребенка его взаимоотношение с окружающим предметным миром по-своему уникально, что обусловлено известной психологической особенностью ребенка – свойственным ему ощущени-

предвидении катастрофы, которой предстояло убрать сразу и навсегда прелестную декорацию, честно пыталась возместить будущую потерю, наделяя их души и тем, что по годам им еще не причиталось” [Другие берега (в тексте принято условное сокращение ДБ), с.368]. Цит. по: В. Набоков. Машенька. Защита Лужина. Приглашение на казнь. Другие берега (фрагменты): Романы. М., 1988.

³ Ср.: М. Эпштейн: “Каждая вещь обладает или может обладать лирической ценностью. Это зависит от степени пережитости и осмысленности данной вещи, от того, насколько освоена она в духовном опыте владельца” [18, с. 303].

⁴ Не случайно лексический анализ произведений, посвященных теме детства, показывает высокую частотность конкретной вещной лексики, с помощью которой строятся описания разнообразных ситуаций повседневной жизни, запечатленных навсегда в детской памяти. Такая лексика составляет, например, по наблюдению О. Г. Ревзиной, почти половину словаря ранних сборников М. Цветаевой // Ревзина О. Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта. Доклад ... д-ра филол. наук. М., 1998. С. 48.

ем слитности со средой⁵. Как отмечается в работах по психологии раннего детства, до трех лет ребенок еще не выделяет себя из окружающего мира, он как бы растворен в нем⁶.

Первоначальная “растворенность” ребенка в мире – причина анимистического мышления детей. Ребенок еще ощущает предметы неодушевленного мира в себе, так же как ощущает себя в них. Это состояние хорошо иллюстрируют слова Котика Летаева из одноименной повести А. Белого: *Все во мне, я – во всем* [с. 301], *Я и все кругом – связаны* [с. 315]⁷. Следствием этого соучастия, этого ощущения слитности с окружающим миром является то, что “ребенок начинает приписывать предметам тот же образ жизни, что и его собственный” (3, с. 109)⁸.

В исследованиях в области ДР уже отмечалась такая ее особенность, как семантическое единство одушевленного и неодушевленного субъекта. Следствием данного факта является, в частности, отмеченное А. О. Костылевым расширение круга номинативных единиц в функции обращения в ДР – за счет использования наименований неодушевленных предметов (ср., напр.: *Карандашик, нарисуй мамочку. Не брызгайся, кран*). Неограниченные возможности персонификации реально неодушевленных предметов и использование подобных номинаций в позиции обращения свидетельствуют о том, что ребенок еще не освоил разделение мира на живое и неживое [6, с. 74].

В силу тех же особенностей детского мышления (диффузность мышления и анимизм) у ребенка устанавливается особый контакт с окружающими его предметами. Ребенок по-своему “видит” вещи, он “слышит” их голоса, он ощущает “тихую работу вещей” над собой.

Как замечает М. Эпштейн, “мир артикулируется, «выговаривается» в вещах” [18, с. 304]. Услышать же голос, заключенный в вещах, легче ребенку, чем взрослому. Вл. Набоков вспоминает, как, стоя как-то в кабинете своего отца, он чувствовал, как его чувства подвергаются “це-

⁵ Подробнее об этом см. в работах К. Бюлера [2], В. Штерна [17], Ж. Пиаже [12], А. Валлона [3], К.-Г. Юнга [19], Л. С. Выготского [4].

⁶ Невольно вспоминается строка Р.-М. Рильке из стихотворения “Детство”: “Там [в детстве] ты среди животных и вещей Как равный жил...” // Р.-М. Рильке. Новые стихотворения. М., 1996. С. 94.

⁷ Примечательно, что на смену этим фразам приходят высказывания типа: *А вот он — “я”... А вот — “муха”* [с. 367], *Вот он — “я”, вот он — пруд* [с. 371], свидетельствующие уже о том, что в процессе развития самосознания героя, слитность ребенка с окружающим миром исчезает. Цит. по: *Белый А. Котик Летаев* (в тексте принято условное сокращение КЛ) // Собр. соч.: в 2-х тт. Т. 1. М., 1990.

⁸ Не случайно одним из ярких стилистических приемов, воспроизводящим особенности ДР в художественном тексте, является олицетворение. Тот “совершенно откровенный антропоморфизм” [20, с. 329], который затрагивает мир неодушевленных предметов в анализируемых нами литературных произведениях, отражает реальную особенность детского мышления — анимизм, приписывание сознания предметам.

леобусловленному” воздействию со стороны окружающих его предметов, “как будто собравшиеся в полутьме знакомые предметы сознательно и дальновидно стремились создать тот определенный образ, который у меня теперь запечатлен в мозгу” [ДБ, с.410]⁹.

Итак, ребенку присуще особое видение вещей, особое ощущение, которое впоследствии, как правило, утрачивается взрослыми. Первое видение, первое ощущение предмета не сопоставимо с последующими. Различие в восприятии мира ребенком и взрослым очень точно, на наш взгляд, сформулировал В. Шкловский. Автоматизм восприятия, свойственный взрослым, приводит, по мнению В. Шкловского, к тому, что вещи “не видятся” нами, а всего лишь “узнаются по первым чертам”¹⁰. Ребенок же, в отличие от взрослого воспринимающий и познающий мир без размышления, “только чувством, иррационально” [15, с. 45], “видит” вещь и поэтому может что-то “сказать” о ней, ему открыт смысл вещей¹¹.

Вместе с тем в вещном мире, который во всем своем многообразии обрушивается на ребенка с первых дней его жизни, много непонятого, а следовательно, тревожного. Боязнь нового, непривычного – еще одна известная психологическая особенность ребенка – имеет, по мнению психологов, “определенную инстинктивную основу” и “выполняет защитную функцию” [18, с. 241]. Напряженность детского непонимания отчетливо проступает в следующих фразах Котика Летаева: *С террасы ведут на дорожку четыре ступеньки (...) ты сойди – потеряешь себя; и открыта глубокая яма (...) в яме – страшно (...) бессмысленно – все* [с. 370]; *Там пучился мир (...) и в бестолочь разбивались там бреды* [с. 371]; *(...) Бабушка там, бывало, сидит, копошится: непонятная она; мне страшна* [с. 424].

Преодолеть страх перед неизвестным предметом, лицом можно, только установив с ним контакт, вступив с ним в какие-нибудь отношения, а для этого, в свою очередь, необходимо знать его имя. Узнать имя

⁹ Отношение “человек — вещь” понимается Набоковым как двустороннее: с одной стороны, предметы “впечатлеют” нам в душу, с другой — мы оживляем их собой, вкладывая частички нашей души. Не случайно герой романа “Дар”, покидая нелюбимую обитель испытывает жалость к вещам, “которые собой не оживил”. Потому что “этот мертвый инвентарь, — убежден Набоков, — уже не воскреснет потом в памяти”. Цит. по: *Набоков В. В. Собр. соч.: в 4-х тт. Т. 3. М., 1990. С. 130.*

¹⁰ Ср.: *В. Шкловский*: “Вещи, воспринятые несколько раз, начинают восприниматься узнаванием: вещь находится перед нами, мы знаем об этом, но ее не видим. Поэтому мы не можем ничего сказать о ней” [16, с. 15].

¹¹ Тема особого знания, присущего детству, звучит в следующих строках М. Цветаевой: *Все скажи, — ведь дети знают все!* [с. 20]; *Мы [дети] знаем, мы многое знаем Того, что не знают они [взрослые]* [с. 13]; *Что ясно нам — для них совсем туманно* [с. 43]; *“О, я знаю о многом, о многом, Но откуда — сказать не могу”* [с. 68]. Цит. по: *Цветаева М. Собр. соч.: в 7 тт. Т. 1.: Стихотворения. М., 1994.*

вещи – верный способ “приручить” ее, включить ее в “свой” мир. Великолепные примеры успокоительного действия имени на ребенка находим у А. Белого: *Круглота, деревянная голова, мне бывало стрекочет со стены очень строгими стрелками (...), но Раиса Ивановна посмотрит и скажет: – “Часы”. Круглота, деревянная голова, не страшит* [КЛ, с. 411]¹².

Причиной такого успокоительного действия слова на ребенка может служить тот факт, что, как неоднократно отмечалось в работах по психологии детства и психолингвистике, слово – наименование предмета – служит ребенку “не только символом, но и определением, и даже объяснением” данного предмета [12, с. 227]. На ранней стадии развития речи в сознании ребенка создается связь между предметом и его наименованием: имя предмета, т. е. знак языка становится как бы частью или свойством предмета, дифференциация на слово и предмет еще не происходит. Как пишет Л. С. Выготский, “для ребенка само слово есть прозрачное стекло, через которое ребенок смотрит на то, что скрыто за этим стеклом, но не видит самого стекла” [4, с. 364]¹³.

Но ребенок не долго довольствуется лишь знанием имени вещи. На следующем этапе освоения мира появляется потребность все объяснить, дойти до смысла той или иной вещи. Потребность в обосновании во что бы то ни стало – “общий закон вербального понимания ребенка” [12, с. 151]. Каждое явление, по мнению ребенка, может быть обосновано тем, что его окружает. При этом ребенку необходимо иметь свою мысль о вещи. Важнее всего для него то, что он сам думает об окружающем его мире. А. Белый: *Мое “я” было связано с лабиринтами комнат; и комнаты мне менялись мгновенно: от моих о них мнений (...)* [КЛ, с. 367].

Вещи, имена которые еще не “проросли смыслами”, о которых нет еще собственной мысли, подобны глухонемым: они не “слышат” тебя и не могут тебе ничего “сказать”. Не случайно в эпизодах, передающих мучительное непонимание Котика Летаева окружающих его предметов

¹² Ср. также известный эпизод из “Детства Люверс” Б. Пастернака: *Чай в стаканах был красен. Манжеты и карты — желты, сукно — зелено. Это было похоже на бред, но у этого бреда было свое название, известное и Жене: шла игра.*

Зато нипочем нельзя было определить того, что творилось на том берегу, далеко-далеко: у того не было названия (...). Женя расплакалась. Отец вошел и объяснил ей (...). Объяснение отца было коротко: — Это — Мотовилиха. (...) Девочка ничего не поняла и удовлетворенно сглотнула катившуюся слезу. Только это ведь и требовалось: узнать, как зовут непонятное, — Мотовилиха. В эту ночь это объяснило еще все, потому что в эту ночь имя имело еще полное, по-детски успокоительное значение [Детство Люверс (в тексте принято условное сокращение ДЛ, с. 57)]. Цит. по: *Пастернак Б. Л. Воздушные пути.* М., 1982.

¹³ Ср. также: *Е. С. Кубрякова: “Имя вещи — это та «крыша», под которую подводится вся вещь в целом, первые акты референции — это потому соединение вещи или образа вещи с ее именем, их связывание в единую структуру”* [7, с. 8].

или явлений, так частотны слова *немой, глухонемой, невнятица* и т. п.: (...) *И открыта глубокая яма (...) глухонемой тоской тяготит* [с. 368]; (...) *Порхает невнятица листьев* [с. 369]; (...) *Двигаюсь – в сонные сумерки, в него нецветные воды болота* [с. 370]; *Все – сжималось; и – уходило в невнятицу* [с. 402]; (...) *Но кишит бестолковица (...) Какая такая – не знаю* [с. 371].

Поскольку смысл вещи “просвечивает”, “прорастает” сквозь ее имя, понимание каждой новой ситуации приходит к ребенку через освоение слов, описывающих эту ситуацию. Вспоминаются слова М. Мамардашвили: “В действительности мы воспринимаем не вещи, не предметы, а воспринимаем предметы в терминах и в свете их названий” [8, с. 446].

Отсюда особое “ощущение” слова, свойственное ребенку. Звуковой или графический облик конкретного слова может вызывать самые разнообразные эмоции: удовольствие, неприязнь, восторг, страх и т.д. Слово может даже иметь свой цвет и вкус. Б. Пастернак: *Путешествие было обоим в новинку, но он знал и любил уже слова: “депо”, “паровозы”, “запасные пути”, “беспересадочные”, и звукосочетание “класс” казалось ему на вкус кисло-сладким* [ДЛ, с. 66]; *Какой-то край, какая-то местность (...) у нее есть громкое, горное имя, раскатившееся кругом – Урал* [ДЛ, с. 68]; М. Цветаева: *И слово любила “бемоль”, такое лиловое и прохладное (...)*¹⁴.

Ребенку свойственно устанавливать определенную связь между звучанием слова и его значением, определять внутреннюю форму каждого вновь услышанного слова. А. Белый: *Поражает звук слова “Кремль”: “кре” – крепость выступцев (кре-мя, кре-ма, кре-пости), а “мль” – мягкость, сладость* [КЛ, с. 349]. Б. Пастернак: (...) *граны, драхмы, скрупулы и унции, казавшиеся ей всегда четыремя возрастами скорпиона* [ДЛ, с. 75]. М. Цветаева: (...) *скрипичный ключ. Слово – такое чудное и протяжное и именно непонятностью своей (почему скрипичный, когда – рояль) внедрявшееся (...)* [ММ, с. 17].

В исследованиях, посвященных проблеме мотивированности знаков языка в онтогенезе речевой деятельности, не раз отмечалось стремление ребенка “вскрыть или использовать в своей речевой деятельности внутреннюю форму слова” [5, с. 77]. Дневниковые записи ДР, а также результаты специальных экспериментов убедительно свидетельствуют о том, что ребенок “практически постоянно держит под контролем внутреннюю форму слова” [15, с. 28]. Как отмечает А. В. Захарова, способность ребенка семантически мотивировать незнакомое слово, помогает

¹⁴ Цит. по: *Цветаева М.* Мать и музыка (в тексте принято условное сокращение ММ) // Собр. соч. в 7-и тт. Т. 5. С.17

ему определить место данного слова в кругу других лексических единиц [5]¹⁵.

Точное, буквальное понимание слов, свойственное ребенку, приводит к тому, что всякую метафору ребенок переживает как реальность. “Ребенок верит в реальность метафорических мифов”, – писал А. Белый, подтверждая свои слова многочисленными примерами оживления устойчивых метафор, “воскрешения живого, изначального слова”¹⁶. Вот, например, к какому выводу приводит логический ход рассуждений маленького Котика Летаева, пытающегося понять смысл выражения “падать в обморок”: (...) *упал в обморок – значит: упал, куда падают; а ведь падают – вниз; внизу – пол; под полом доктор Пфеффер проказникам дергает зубы; и – попадают к нему* [КЛ, с. 328].

Итак, в процессе освоения ребенком окружающего мира очень важная роль отводится особому, “магическому” сцеплению вещи со словом. Имя вещи, воспринимаемое как ее неотъемлемая часть, служит ребенку своего рода объяснением данной вещи, и, главное, дает тем самым возможность “приручить” вещь, сделать ее “своей”.

Как известно, отождествление имени и именуемой реалии является характерной особенностью первобытного сознания, что отражается в ритуалах имяположения, установления имени, отмеченных для многих архаичных культур. “Через имянаречение, – пишет В. Н. Топоров, – элементы мира вызываются из небытия к бытию, из хаоса в космос и усваиваются (становятся “своими”) коллективом. Тем самым язык, слово, имя как бы вторично творят мир в самих себе, обезвреживают его от всего опасного и деструктивного (...)” [13, с. 147]. Все сказанное можно с известным основанием отнести и к процессу именованию вещей в раннем детстве, когда мир вещей и людей, в который вступает ребенок, начинает “осваиваться – усваиваться” словом.

Мир, освоенный словом, это уже “свой” мир – мир, каждый элемент которого имеет свое объяснение, свой смысл. И с каждым вновь усвоенным словом мир вокруг ребенка не только расширяется, но и становится все более упорядоченным.

Язык для ребенка выступает, на наш взгляд, в роли своего рода упорядочивающей структуры, в роли “идеального”, “умного” предмета, наблюдение за которым, приобщение к которому способствует, по мне-

¹⁵ Анализ детской лексики с точки зрения мотивированности представляет, на наш взгляд, особый интерес в плане изучения детской языковой картины мира, поскольку позволяет вскрыть свои, особые взаимосвязи и взаимоотношения реалий в известном ребенку окружающем мире.

¹⁶ См.: Предисловие А. Белого к неосуществленному изданию романа “Котик Летаев” (публикация А. В. Лаврова) // Русская литература, № 1, 1998. С. 219.

нию философов, установлению гармонии во внутреннем мире наблюдателя¹⁷.

Ребенок организывает, упорядочивает свое бытие через язык. В этом смысле процесс именования вещей в раннем детстве можно считать особым средством гармонизации мира, условием воспроизводства порядка в мире хаоса.

Л и т е р а т у р а

1. Бердяев Н. Самопознание. М., 1990.
2. Бюлер К. Духовное развитие ребенка. М., 1924.
3. Валлон А. Психическое развитие ребенка. М., 1967.
4. Выготский Л. С. Психология детства // Собр. соч. в 6-ти т. Т. 4. М., 1984.
5. Захарова А. В. Опыт лингвистического анализа словаря детской речи. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1975.
6. Костылев А. О. Обращение в детской речи // Детская речь как предмет лингвистического изучения. Л., 1987.
7. Кубрякова Е. С. Специфика актов референции в детской речи // Детская речь: проблемы и наблюдения. Л., 1989.
8. Мамардашвили М. Лекции о Прусте. М., 1995.
9. Мориа А. Литературные портреты. М., 1970.
10. Николина Н. А. О способах воспроизведения детской речи в художественном тексте // Детская речь как предмет лингвистического изучения. Л., 1987.
11. Николина Н. А. Слово в детской картине мира и лексико-семантическая организация автобиографических произведений о детстве // Детская речь: проблемы и наблюдения. Л., 1989.
12. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. С.-П., 1997.
13. Топоров В. Н. О некоторых предпосылках формирования категории притяжательности // Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. Категории possessивности. М., 1986.
14. Харченко В. К. Семантика слова в детской речи // Детская речь как предмет лингвистического изучения. Л., 1987.
15. Чернейко Л. О. Сознание как объект художественного осмысления в повести А. Белого "Котик Летаев" // Серебряный век русской литературы. М., 1996.
16. Шкловский В. О теории прозы. М., 1983.
17. Штерн В. Психология раннего детства. Петроград, 1922.
18. Эпштейн М. Вещь и слово. К проекту "лирического музея" или "мемориала вещей" // Вещь в искусстве. М., 1986.
19. Юнг К.-Г. Конфликты детской души. М., 1995.
20. Якобсон Р. Заметки о прозе Б. Пастернака // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987.

¹⁷ Как известно, античные философы относили к таким "предметам" звездное небо, музыкальное произведение и др. В философской концепции М. Мамардашвили роль упорядочивающей структуры отводится любому истинному произведению искусства и мысли. Подробнее об этом см. в: Мамардашвили М. Лекции по античной философии. М., 1997.

Современный русский телезритель: фрагменты языкового сознания

© кандидат филологических наук А. Б. Лихачева (Литва), 2001

Используя принцип, зафиксированный в известном высказывании "Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты", возможно восстановить некоторый обобщенный образ нашего русского современника по любимым им телепередачам. Чем и как откликаются в массовом сознании тексты, произносимые с домашнего экрана? Сегодняшняя действительность вообще в значительной степени определяется многообразием видов общественной коммуникации, при этом традиционно мощным воздействием на изменение контуров национальной ментальности, мировосприятие, определение ценностных ориентиров всего общества и отдельных возрастных групп обладают средства массовой информации, среди которых самым влиятельным является телевидение. "Телевизор – не просто средство массовой информации, а как бы костер, очаг, вокруг которого когда-то собирались древние люди поесть, потусоваться и посплетничать," – считают психологи [АиФ 2001]. По мнению искусствоведов, телевидение привлекательно для аудитории "доставкой зрелища непосредственно на дом, возможностью прямой трансляции событий, особой формой интимного контакта со зрителем", при котором "популярность телеведущих, обладающих даром такого контакта", способна превосходить популярность кинозвезд [Липков 2000: 30]. К примеру, О. Костенко-Попова, "телевед" из "Аргументов и фактов" в 1999 году писала о Е. Киселеве, "самом рейтинговом политобозревателе российского телевидения" и о "неувядающем интересе благодарной российской аудитории к политической информации": "Только у нас рейтинг информационной программы может достигать до 40%, в то время как в США "потолок" – 15%"... Он (Е. Киселев – А. Л.), будучи *журналистом*, умудрился занять значимое место в рейтинге ста ведущих *политиков* России, а газета "Нью-Йорк Таймс" вообще назвала его одним из героев нашего времени" [АиФ 1999].

Предлагаемое исследование базируется на материалах передач лишь одного жанра, обладающего самой массовой зрительской аудиторией по сравнению с иными видами телепередач, представляющих интерес для более узких категорий телезрителей. 57% российских телезрителей на вопрос о том, что прежде всего должно делать телевидение, дают ответ – "информировать" [АиФ 2000]. Мы считаем возможным реконструировать языковое сознание современного телезрителя на основании текстов как собственно новостных, так и авторских аналитиче-

ских программ (Н. Сванидзе, С. Доренко, П. Шеремета, Е. Киселева), поскольку систематическая обработка текстов указанных передач приводит к мысли об их значительной стилистической близости, что поддерживается общностью корреспондентского корпуса. В качестве иллюстративного материала используются лишь те примеры из новостных и аналитических программ основных каналов российского телевидения – ОРТ, НТВ, РТР, ТВ Центр, ТВ-6 – за период с начала 1997 г. до конца 2000 г., которые описывают внутрироссийские реалии. В исследование не вошли цитаты из интервью и другие высказывания гостей передач: мы сосредоточились на речи телевизионщиков, считая возможным лишь при таком ограничении говорить о некоторых тенденциях, складывающихся в новостном дискурсе, и об их воздействии на телепотребителя.

Мы полностью согласны с автором недавно вышедшей работы "Время телевидения", который пишет об "экранной музе": "Телевидение прямо и непосредственно связано с нами через информационные программы, т. е. через выпуски новостей ..." [Михалкович 2000: 18]. Действительно, день – или по крайней мере вечер – у большей части телезрителей разбит на время до и после "Вестей", "Итогов" или программы "Время". Негативный психологический отклик, сопровождающий сообщения о военных действиях, катастрофах или бюджетных катаклизмах, компенсируется возможностью предельно откровенной зрительской реакции на увиденное и услышанное в новостях – от одобрительного приятия ("Вот именно!") до критической отстраненности ("Еще чего!"), осознанием собственной вменяемости на фоне неразумного мира за порогом дома, выходом из одиноких сомнений и тревог и обретения своего круга пусть виртуальных, но врагов или единомышленников. Думается, программы именно этого жанра дают ощущение наиболее актуальной зрительской свободы: телепотребитель может "заставить умолкнуть даже выступающего главу государства" [там же: 10], он получает "шанс властвования над дематериализованным и облегченным миром", а "минута перед выпуском новостей, репрезентированная бегом секундной стрелки по циферблату, словно и есть тот "всеобщий, один и тот же" момент времени, в отсутствии которого убеждена современная физика... мы имеем дело со временем intersубъективным. Этим последним телевидение отличается от всех других коммуникативных средств..." [там же: 10-11]. "Всякое явление действительности, войдя в поток интерперсонального времени, уже не равно себе, поскольку оказывается преображенным – не по своим формальным, внешним характеристикам, а в своей семантике и своем воздействии на аудиторию, точнее – на ее воображение" [там же: 17]. Воздействие телевидения на аудиторию, отмечает автор цитируемой работы, роднит его с воздейст-

вием фольклора. Таким образом, происходит возврат к дописьменной культуре, "реинкарнация" устности. Показательно, что у филологов, изучающих состояние русского языка наших дней, не вызывает сомнения тот факт, что языковые пристрастия нашего современника формируются в первую очередь устными, не письменными источниками, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Во "Введении" к "Толковому словарю русского языка конца XX века" Г. Складневская [1998: 5-10] отмечает, что языковое сознание сегодняшнего русскоязычного социума, естественно, отражает и воспринимает языковые изменения, сопровождающие общественные и психологические катаклизмы нашего времени. К числу таких языковых изменений относятся: нестабильность, открытость русской лексической системы, с одной стороны, и ее освобождение от прежнего идеологического балласта в виде "однопартийных" речевых клише – с другой, "лавинообразность", избыточность словообразования, семантические сдвиги и стремительное расширение сочетаемости слов, удовлетворение потребности в экспрессивном описании жизненных реалий за счет периферийных участков лексической системы.

В книжке М. Горбаневского, Ю. Караулова и В. Шаклеина "Не говори шершавым языком" [1999] собрана целая коллекция нарушений норм русского литературного языка в СМИ, на такого рода отклонениях построен комплексный справочник "Русская речь в эфире" [2000], исследования В. Костомарова [1997], В. Шапошникова [1998], О. Лаптевой [2000]. Анализ сложившейся ситуации в звуковых масс-медиа предполагает не только фиксацию и объяснение неправильностей, но и, по выражению Ю. Караулова, их апологию, признание "неизбежности... ошибки "речевой", неосознаваемой, появляющейся в спонтанной речи", признание того факта, что "живая устная речь стимулирует языковое творчество, которое иногда может идти вразрез с традиционной нормой" [Горбаневский и др. 1999: 174, 155]. "В телевизионной речи, – пишет О. Лаптева, – **все более необязательным** становится точный выбор языкового средства, **все более обязательным** (выделено нами – А. Л.) обращение к устно-литературной норме, которая с кодифицированной не совпадает" [Лаптева 2000: 4]. Преобладает тенденция "к расширению "свободных" жанров" и соответственно к сокращению "протокольной" части телепередач. Это... напрямую связано... с наиболее полным проявлением функции воздействия телеречи, которая наряду с функцией сообщения (информативной) является ведущей в языке средств массовой информации" [там же: 11]. Как относится к языковой даже не раскованности, а, скорее, нескованности телеведущих зрительская аудитория? В книге О. Лаптевой приводится одно из характерных, на наш взгляд, мнений: "Когда человек с унылым лицом и кар-

тонным голосом бормочет мне самую святую правду, мне тоскливо. Мне скучно верить. Хочется открытой улыбки, свободной речи и не такого окостенелого позвоночника. Кто не может – сослать на радио" [там же: 15].

Импровизационность телевидения "перетекает с того, что фиксируется, на саму фиксацию, на телевизионный дискурс. Тем самым импровизационность становится стилем, манерой речи" [Михалкович 2000: 20]. Эмоциональная небесстрастность, стилистические эксперименты, неудержимое стремление к "своему", пусть обреченному на секундное языковое существование, словесному знаку, пренебрежение к прежним требованиям безупречно шлифованной русской эфирной речи – все это, на наш взгляд, следствие осознания "принципиальной внеисторичности информационных программ", для которых "существует лишь день сегодняшний, актуально переживаемый" [там же: 18]. Звуковая пресса – к которой в первую очередь относятся новостные телепрограммы – сегодня не может не обладать живыми чертами спонтанности, иначе нам и вправду станет скучно – не только верить, но и вообще смотреть и слушать. Имеют ли эти явления право на присутствие в выпусках новостей? Полагаю, да. Русской журналистике и ее телевизионной разновидности претит роль бесстрастного фиксатора событий. Роль зрителя тоже не пассивна: он со-анализирует события и со-итожит прожитый день или неделю. Для этого от обоих участников сегодняшнего теледиалога требуется не просто их совместное пребывание в одном и том же геополитическом и языковом пространстве, но зачастую и их интеллектуально-эмоциональное совпадение.

Аналитико-новостной телетекст последнего десятилетия XX века – это текст проективного типа, обладающий не только затекстным фоном, но и "подводной", подтекстовой частью: не обязательной для восприятия прагматичной информации, но припасенной для любителей языковых игр на "поле метафор". В нынешних новостях нет профессиональных дикторов и штампованных корреспондентов и репортеров. Есть команды авторов – образованных и умных. Однако, как точно отметил Г. Горин, "блестящий ум без щепотки острот пресен и грозит несварением мысли". Таким образом, ироничность российских телеведущих суть продолжение их интеллекта.

Российское телевидение последнего времени испытывает непреодолимый соблазн в апробировании самых неожиданных, иногда эпатажирующих, ярких языковых средств и их сочетаний при освещении окружающей действительности.

"Языки различаются между собой не только тем, что они «имеют», но и тем, как они используют то, что они имеют", – пишет В. Г. Гак [2000: 54]. Существенное значение "в языковом самовыражении народа

имеет отбор языковых элементов в речи, в процессе организации высказывания. Этот отбор показывает, какие элементы действительности, какие их свойства и отношения имеют приоритетное значение в речевом сознании говорящих на данном языке людей" [там же]. Косвенные, транспонированные средства выражения (лексические метафоры и другие переносы значений, использование синтаксических структур во вторичных – тоже переносных – функциях) отражают психологию говорящих подчас в большей степени, нежели прямое употребление языковых средств, они позволяют выявить глубинные ассоциации, устанавливаемые говорящими" [там же: 56-57].

Как нам представляется, российская телевизионная речь влияет на языковое сознание русских потребителей информации четырьмя основными способами:

1. многократно и регулярно повторяя метафоры, клишированные телеречения, экранные журналисты вызывают устойчивые реакции зрителей на использование данных языковых средств в комментариях, что приводит к усилению коннотативности русского языкового сознания (ср.: *российская политическая сцена, знаковая фигура, знаковое событие, кадровая чехарда, политический диагноз, информационная война, карманная Дума, верный путинец* и т. д.). Общие фоновые знания находящихся по обе стороны экрана обеспечивают предсказуемые ассоциации, связанные с понятиями *семья, интрига, игра, карты, театральное действо*. Примеры: (о Лужкове и его окружении) *московская семья* (ОРТ); *одна из ключевых фигур так называемого "семейного призыва"* (НТВ); *кремлевская семья* (ОРТ); *интрига, которая закручивается вокруг премьера* (НТВ); *виртуозная политическая интрига* (ОРТ); *игра на импичмент президента* (НТВ); *коммунисты боятся оказаться вне игры* (ОРТ); *козырная карта с изображением Юрия Скуратова... была извлечена из российской политической колоды* (ОРТ); *экспремьера провоцируют раскрыть карты* (НТВ); *официальные власти держат мхатовскую паузу* (НТВ); *тем, кто сеет хлеб, некогда следить за политическим спектаклем в Москве* (ТВ-6); (о заявлении Ельцина об отставке) *сцена в кабинете останется в истории политического театра* (НТВ); *кремлевские кукловоды* (ТВ-6);

2. активно обращаясь к общеизвестным феноменам, телеведущие провоцируют формирование прецедентно-ориентированного языкового сознания русской телеаудитории. Причем, несмотря на относительно молодой возраст телевидения по сравнению с другими источниками "крылатых" явлений (литературой, кино), и у него уже накоплен свой фонд потенциально прецедентных текстов, визуальных явлений – особенно в области рекламы и так называемого политического фольклора (ср.: *Зюганов и Березовский, как хлеб и "Рама", созданы друг для друга*

(РТР); *В оппозиции стало скучно: ноль перспектив и, что немаловажно, ноль калорий* (ведущий повторяет жест из рекламы "Пепси") (РТР); (о предстоящем чемпионате мира по футболу) *Мужчины хотели бы, чтобы их подруги не заставляли их выбирать между футболом и... – ну, вы знаете. А мужчинам в эти критические дни посоветуем...* (ТВ-6); *Хотели как лучшие, а вышло даже хуже, чем всегда* (РТР);

3. используя индивидуальные краски, единичные приемы, авторы новостных программ рассчитывают на мгновенную реакцию, чувство юмора, определенный уровень интеллекта зрителей – так возникают неожиданные метафоры, афоризмы-перевертыши, новые идиомы, ср.: (о панике в стране) *эти настроения и есть фашистские дрожжи* (РТР); *денежный кран правительства* (РТР); *нефтяные деньги* (ТВ-6); *газовые отношения* (между Украиной и Россией) (ОРТ); *кругосветное политическое путешествие... премьерская кругосветка* (ТВ-Центр); (о протесте пивоваров против постановления Главного санитарного врача России) *пивная война; всероссийский пивной путч* (НТВ); *откупорить валютную кубышку* (РТР); *политический бег на месте* (НТВ); (о создании новой партии, объединившей многие старые силы) *большой политический пылесос* (ОРТ); *возможности политического клонирования... каждый губернатор назначит своего преемника по схеме "Ельцин – Путин"* (ОРТ); *Совет Федерации согласился сделать себе хакакири* (НТВ); *кадровый листопад* (НТВ); (о гимне) *музыкально-политическая дискуссия* (ТВ-6);

4. отказываясь от строгого деления языка на центр и периферию, тележурналисты способствуют отмене многих прежних запретов – в синтагматике, стилистике, в категоризации действительности через язык. "Разжижение общественно-политического императива" [Шапошников 1998: 148] влечет за собой "изменение общественного вкуса к стилевым сферам и стилистически маркированным средствам" [там же: 225]. Расширение пределов речемыслительной свободы ведет к смене речевой тональности теленовостей, к степени экспрессии, которая до недавнего времени была чрезмерной не только для новостных и аналитических программ, но и для телевидения в целом.

Общеизвестно интенсивное проникновение жаргонизмов в новостные тексты, ср.: *претенденты на посты в правительстве "легли на дно"* (РТР); *банки кинули миллионы вкладчиков* (НТВ); *даст дуба нацумевший план... "Транскаспия"* (РТР); *вся политическая братва уже конкретно стартует в направлении парламентских выборов* (РТР); *президент обещал не сдавать своего премьера* (НТВ). Телекомментаторы объяснили это явление еще в 1997 г. следующим образом: *Из фильма "Джентльмены удачи", из уст любимого Леонова по стране пошли некоторые слова и выражения, на которых и раньше говорил ГУЛАГ,*

но которые никогда не попадали в язык всего общества... С тех пор сделан большой шаг вперед. Угловатый брежневский новояз обогатился феней... Народ и мафия едины... Мы уже говорим на языке "братвы". Значит, мы уже живем по этим законам... (НТВ).

Изменившаяся модальность современной телеречи – это и откровенно оценочные определения, ср.: *власти повели себя поразительно топорно (НТВ); Чубайс объяснил настырной прессе (НТВ); вот еще одна потрясающая подробность... (ТВ-6); наш незадачливый министр иностранных дел (НТВ); и употребление стилистически сниженных глаголов, ср.: граждане России продолжают скидываться на благополучие банков (ОРТ); потрафить вкусам высококого гостя (НТВ); часть белорусских властей вляпалась в серьезную проблему (ОРТ); хотят приструнить слишком самостоятельных журналистов (РТР); и появление нейтральных глаголов в "неположенном" месте (иногда рядом с просторечным глаголом), вследствие чего актуализируются их коннотативные приращения: депутаты Государственной Думы стали активно капризничать (РТР); Виктор Геращенко рассердился и обескуражил журналистов вопросом: "Вы за страну или за народ?" (ОРТ); Жириновский засуетился: ему надо протолкнуть своих во что бы то ни стало (ТВ-6); всякая попытка Думы обидеться на президента... будет выглядеть как желание помахать кулаками после драки (РТР); Думское большинство не хочет Черномырдина, а несколько месяцев назад Дума любила Виктора Степановича (РТР).*

Вообще матримониально-эротическая тема постоянно присутствует в комментариях о различных политических союзах: *губернаторы уже наставили рога Примакову и Лужкову (ОРТ); демократы назвали брак "Единства" и коммунистов извращением (ТВ Центр); медовый месяц власти и прессы длился гораздо дольше тридцати дней (НТВ); влюбчивость и переменчивость нашего электората известна (ОРТ); Невинность – прелестная штучка, но годам к сорока иногда хочется ее кому-нибудь подарить. Левые мечтают отдаться Путину (РТР).* Перед нами фрагмент новой системы метафорического структурирования мира сегодняшними масс-медиа. Самостоятельной метафорой, вызывающей тревогу и горькую иронию, в последние годы стал август (как бы придя на смену прежнему октябрю): *Известно, что август – месяц для России наигрустнейший. Из года в год в конце лета страна превращается в остров невезения... Хочется запретить август президентским указом, но это не поможет, потому что тогда все запланированные неприятности произойдут в июле и сентябре соответственно. И напрасно говорят, что журналисты вбивают клин между властью и народом. И власти, и журналисты, и народ сейчас действительно вместе. И в очередной раз стало понятно, в каком именно (НТВ); У каждого из*

наших последних лидеров был свой август. У Ельцина даже два: 91-го и 98-го годов. Теперь и у Путина тоже есть свой (РТР). Таким образом, масс-медиа не только фиксируют то, что происходит в окружающей действительности, но и укореняют в массовом языковом сознании новую образную категоризацию мироустройства, используя метафоры в качестве рабочего инструмента.

С определением типов эфирного воздействия на потребителя смыкаются наблюдения Т. Николаевой относительно целей, с которыми говорящий употребляет так называемые стереотипы: паремии, крылатые слова, цитаты, афоризмы – т. е. то, что мы обобщаем как прецедентные тексты. "К речевым стереотипам относятся такие, которые говорящий употребляет как **чужую речь**, и сам это ощущает, и это же ощущает слушающий" [Николаева 2000: 114]. "Чужой текст-стереотип возникает либо в знак **согласия**, либо в знак **протеста**... стереотип всегда создает дополнительную строку в высказывании. То есть он в широком смысле суперсегментен" [там же: 115]. Идиоматика имеет социальную ориентацию, а функция социализации в наше время наиболее ярко "выявляется при употреблении клише-цитат, стереотипов современных средств массовой информации, названий популярных фильмов, рефренов шлягеров и т. д." [там же: 116].

Действительно, репортажи могут начинаться с анекдота, притчи, песни, детской считалки: (начало репортажа о юбилее Г. Алиева) *На свадьбе узнаешь о том, сколько у тебя родственников, на похоронах – как тебя любили, на юбилеях – как тебя уважают. Клятву скрепляют кровью, дружбу скрепляют нефтью* (РТР); (о сокращении армии и высшего военного руководства – звучит начало песни) *Как хорошо быть генералом!..* (ОРТ); *С главным событием в сфере бизнеса в эти полгода связана загадка: А и Б сидели на трубе, пересели на алюминий* (НТВ).

"Случаи употребления речевых стереотипов в функции неприятия, отталкивания, **культурного протеста** ... классифицируются на несколько подвидов. Так, во-первых, говорящий употребляет клише буквально, но часто с некоторой особой "цитатной" интонацией, давая понять, что для него это ЧУЖОЕ. Во-вторых, клише может быть трансформировано и тем самым модернизировано... Именно такая модернизация может служить средством более или менее мягкого протеста, иронии..." [там же: 117]. Приведем примеры, иллюстрирующие употребление в аналитических и новостных программах оригинальных или перифразированных прецедентных текстов – от пословиц до цитат из классики: *Неисповедимы пути реформы* (НТВ); *Новое правительство повторяет вслед за Высоцким: "Чую с гибельным восторгом: пропадаю, пропадаю!"* (ОРТ); *Банк полагает, а правительство располагает* (РТР); *Все это*

было бы смешно, когда бы не было так (НТВ); Теперь в моде высокий партийный стиль и аплодисменты, переходящие в овации (НТВ); Маслюков объяснил Западу, что в России дважды два не всегда четыре, чем подтвердил мнение поэта по поводу того, что умом Россию не понять (РТР); Премьер в России больше чем премьер (ОРТ); Язык Селезнева велик и могуч (РТР); Чубайс собирается сообщить граду и миру о своих решениях (РТР).

Соотношение "подводной" и "надводной" частей словесного айсберга приводит к стилистическим колебаниям – от легкой иронии до язвительного сарказма: *Самое неожиданное время года случилось вновь... Обнаружилось, что в этом году – вопреки ожиданиям городских властей – тоже будет зима (ОРТ); (о словах депутата-коммуниста) доводы были простые и жизнеутверждающие: "Мы выросли под слова этого гимна и должны умереть под него". Желание депутата умереть непременно под музыку Александра не вызвало желаемого ответного отклика депутатов (РТР); (после репортажа об обезьянах) На этой человекообразной ноте мы и заканчиваем передачу (ТВ-6); Скоро народные депутаты вернутся бодрыми из регионов: кто из Франции, кто с Кипра (РТР); Тем, что умерших не хоронят ни на третий день, ни через 80 лет, кого в России удивить?! (НТВ); Все время мешают экономика – лучше бы ее вообще не было. Экономика путается под ногами и мешает нести счастье людям (РТР). В телеречи эффект иронии может поддерживаться эвфемизацией: *новый антисемитский кураж генерала Макашова (НТВ); Минобороны об этом знает, но предпочитает быть неискренним (ОРТ); за такие убеждения в Москве обычно приглашают в тюрьму (НТВ).**

Хорошо удобренную почву для иронизирования по поводу собственного менталитета новостной дискурс получил в виде названий серии известных фильмов о традиционных русских развлечениях, ср.: *особенности национальной охоты за кремлевским креслом (НТВ); особенности национальной системы правосудия (ОРТ); особенности национальной внутренней политики (РТР); особенности национальной охоты на избирателя (ОРТ); новые примеры национальных особенностей российской предвыборной борьбы (НТВ).*

В работе Т. Николаевой обращается внимание на то, что к типичным для русского речевого общения коммуникативным категориям относится "нелюбовь к конкретному единичному факту" – факт отмечен и оценен тогда, когда он сильно укрупнен [Николаева 2000: 130]. "... в категорию укрупнения факта естественно должна входить и преувеличенная по коммуникативной частотности **оценка**", – пишет Т. М. Николаева и приводит недавние наблюдения разных исследователей, отмечающих обывательскую "радость от негативного суждения" (Э. Канет-

ти), "высокий уровень агрессивности в речевом поведении людей", "активизацию жанра речевой инвективы" (Л. Крысин), и, конечно, "гипертрофированную область отрицательных оценочных номинаций" в языке так называемой "оппозиционной прессы" (Е. Какорина) [там же: 126-127].

Язык телекомментариев, с одной стороны, потакает "обывательской тяге к укрупнению факта" [там же: 127], а с другой – ее же и формирует, используя перцептивно маркированные, ненейтральные языковые средства. Прибегая к определенному словесному инструментарию и аранжируя свою речь так, чтобы соблюсти законы жанра (новостной или аналитической программы), но и подбросить нечто нестандартное в копилку своего идеостила, телеведущие одновременно отвечают этим нашим, русским, всеобщим – в большей или меньшей степени – коммуникативным ожиданиям.

Итак, исследование текстов, произносимых с экрана в течение последних четырех лет, позволяет сделать некоторые выводы о потребителе экранной информации. В частности, мы попытались выяснить, как язык сегодняшних телевизионных информационных программ, с одной стороны, отражает, а с другой – определенным образом выстраивает русское языковое сознание.

1. Новостной дискурс, освобожденный от ритуальной заданности, апеллирует к таким качествам его рецептора как ироничность и самоирония, скепсис и критичность в восприятии и сопоставлении информации, нетерпимость к категоричной оценочности, а также – и это может быть самое существенное – к способности отмечать эстетическое оформление речи. Языковое гурманство сегодняшнего телезрителя требует сопровождения новостного видеоряда словесной игрой, введением широкого регистра языковых средств: от стилистически сниженной лексики до детабуированной лексики маргиналов. Судя по рейтингу теленовостей и информационно-аналитических программ, существует особый спрос на остроумие, экспрессивность, предельную свободу в ассоциациях и средствах их языкового воплощения именно в указанном телевизионном жанре. Культивируется речемыслительная раскрепощенность адресата телеречи.

2. Происходит энергичное переключение языкового сознания русскоязычного социума с письменных (в том числе – художественных) текстов как основы литературной нормы на тексты масс-медиа, в первую очередь – на тексты, звучащие с телеэкрана. Ориентация телекомментаторов на устно-разговорную разновидность современного русского языка, с одной стороны, отражает, а с другой – обуславливает грамматическую и орфоэпическую непривередливость телезрителей.

3. Современный русский телезритель должен отличаться воспри-

имчивостью к складывающейся в новостном дискурсе образной категоризации действительности, к метафорической структуризации нового знания о мире. Регулярная "тренировка" зрительского внимания к семантическому потенциалу метафор, проявляющемуся в эффекте недосказанности, намека, обращение в телетекстах к аллюзиям и игре со смежными смыслами приводит к усилению коннотативности языкового сознания массового потребителя телеинформации.

4. Языковое сознание русского телезрителя является прецедентно-ориентированным. Наряду с традиционными феноменами национальной культуры, истории, литературы, статус прецедентных приобретают новые элементы российской действительности.

Таким образом, на фоне усиления социальной стратификации российского общества у адресата телевизионной информации формируется ощущение включенности в консолидируемое новостным дискурсом национальное лингво-культурное пространство. В последние годы XX века русская ментальность трансформировалась и развивалась под влиянием текстов средств массовой информации. Но можно с уверенностью говорить о том, что это был – и пока продолжается – в первую очередь "телевизионный этап" становления языкового сознания нашего русского современника.

Л и т е р а т у р а

1. *Гак 2000 – Гак В.* Язык как форма самовыражения народа // Язык как средство трансляции культуры. М., 2000. С. 54-68.
2. *Горбаневский и др. 1999 – Горбаневский М., Караулов Ю., Шаклеин В.* Не говори шершавым языком: О нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ. М., 1999.
3. *Костомаров 1997 – Костомаров В.* Языковой вкус эпохи. М., 1997.
4. *Лаптева 2000 – Лаптева О.* Живая русская речь с телеэкрана. М., 2000.
5. *Липков 2000 – Липков А.* Новые технические средства — новые возможности киноповествования // Экранные искусства и литература: Телевизионный этап. М., 2000. С. 25-37.
6. *Михалкович 2000 – Михалкович В.* Время телевидения // Экранные искусства и литература: Телевизионный этап. М., 2000. С. 4-24.
7. *Николаева 2000 – Николаева Т.* Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: социолингвистическая дистрибуция // Язык как средство трансляции культуры. М., 2000. С. 112-131.
8. *Русская речь в эфире 2000 – Иванова Т., Черкасова Т.* Русская речь в эфире. Комплексный справочник. М., 2000.
9. *Склярская 1998 – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения.* / Под ред. Г. Склярской. М., 1998.
10. *Шапошников 1998 – Шапошников В.* Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. М., 1998.
11. *АиФ 1999 – Костенко-Попова О.* Парадоксы Евгения Киселева // Аргументы и факты, 1999, № 7.
12. *АиФ 2001 – Костенко-Попова О.* Телезавтра // Аргументы и факты, 2001, № 2.

О некоторых трудностях и условиях успешности американо-иноязычной межличностной коммуникации

© кандидат филологических наук Е. В. Полищук, 2001

Определённым образом, все люди похожи; в определённой мере различные группы людей имеют схожие черты; определённно, каждый человек уникален.

Гэри Алтен,
американский психолог

Широко известно положение психологии о том, что понять – во многом значит победить. Ещё более двух тысяч лет тому назад древнегреческий философ Сократ говорил своим ученикам, что «знания будут неизбежно править миром». В понятие «знания» вкладывалось не только знание и способность применения законов окружающего мира и овладение интеллектуальным и духовным богатством, созданным человеком, но также и понимание человеческой личности как единицы межличностного общения. В современном мире с его развитой системой межгосударственных и межличностных коммуникаций знание и учёт особенностей менталитета представителей определённого народа является необходимым условием для установления адекватных контактов и правильной интерпретации разных видов поведения и поведенческих реакций людей.

Каковы же некоторые главные, характерообразующие (*character forming*) особенности американского национального характера, которые следует обязательно учитывать для правильной интерпретации и реагирования на, казалось бы, некоторые «странные и неадекватные» проявления поведения (в том числе речевого) американцев.

Прежде всего это хорошо всем известный (хотя бы понаслышке) американский **индивидуализм** (*individualism*) и вытекающее отсюда бережное отношение к *свободе личности (privacy)*. С раннего детства американца приучают к самостоятельности, умению отвечать за свои поступки, принимать независимые решения, к способности надеяться в основном на самих себя (*to become self-reliant persons*). Важно отметить, что американцы прежде всего воспринимают себя не как представителей определённой страны или нации, рабочего коллектива или семьи, а как отдельных индивидуумов, самостоятельно выбирающих жизненные ориентиры, идеологию и способ существования. Такое восприятие

собственной личности вызывает у них естественное предположение о том, что окружающие должны вести себя подобным же образом. Американцы уверены, что люди в целом склонны избегать ситуаций, в которых они не могут вести себя как самостоятельно мыслящие и действующие личности. Психологи выделяют следующую триаду, представляющую идеальную личность, с точки зрения американцев:

- 1) индивидуализм (individualism);
- 2) опора на собственные возможности (self-reliance);
- 3) независимость (independence).

Таким образом, «американцы предпочитают атмосферу свободы (каждодневной жизни, работы, самовыражения и т. п.) и избегают диктата извне – будь это какая-либо государственная структура или любая другая внешняя сила» (Althen 1988: 199). Эти особенности американского менталитета могут вызвать (и часто вызывают) такие элементы непонимания и нарушения межличностной коммуникации, когда в глазах представителей иных культур они кажутся эгоцентричными, недостаточно внимательными к мнению и поведению собеседников, ставящими во главу угла только собственную точку зрения. Поэтому, чтобы установить с американцами адекватный контакт, представителям других культур, где силён дух коллективизма, следует проявлять умение мыслить и действовать самостоятельно.

Далее следует отметить такую важную особенность американской ментальности, как понятие *равенства* (equality) в широком смысле слова. Равенство – одно из ключевых понятий американской демократии¹, именно его они считают главной доминантой своей нации, отличающей её от других народов. Согласно американскому пониманию равенства, независимо от социального положения людей, с ними нужно общаться как с равноправными партнёрами. Не приемля панибратства и показного дружелюбия, они предпочитают «преодолевать социальные барьеры в общении и воспринимать и начальника, и его подчинённых как равных» (Young 1999: 45). Такая особенность также может вызвать непонимание и неприятие представителей других культур, считающих, что американцы не принимают во внимание общественный статус человека и неуважительны к своим партнёрам, будучи одинаково поверхностно дружелюбны ко всем.

Но, как было отмечено выше, действительно, в основе знания лежит понимание, и, понимая и принимая во внимание определённые особенности поведения, не навязывая свои стереотипы представителям

¹ Одна из ключевых фраз Декларации о Независимости США гласит: “All men are created equal” (Все люди рождаются равными), – и следовать этому принципу американцы воспитывают всю их сознательную жизнь.

других культур, можно использовать эти особенности во взаимное благо.

Из принципа равенства закономерно следует такая черта, как **неформальность** (informality) в поведении в целом и во взаимоотношениях с людьми, в частности. Будучи воспитанным на принципе равенства, американец с детства привык считать себя достойным, нужным и важным человеком (наравне с окружающими) и поэтому, невзирая на свой возможный невысокий социальный и профессиональный статус, способен на равных общаться с окружающими. У иностранцев вызывает непонимание и неприятие такая, к примеру, ситуация, когда служащий в отеле свободно обратится к высокопоставленному гостю, назовёт своё уменьшительное имя и расскажет шутивную историю. *Именно широко известная американская неформальность в одежде, речи, манере поведения (наиболее ярко проявляющаяся в ежедневном общении) вызывает наибольшее отторжение у иностранцев.* Понимая и принимая как данность такие особенности американцев, иностранец не будет шокирован их «излишней свободой с элементами развязности», а воспримет их как нормальные поведенческие реакции.

Следствием перечисленных особенностей является и **прямота** (**прямолинейность**) (directness) в общении. Известные, часто используемые в Америке пословицы гласят:

Let's lay our cards on the table (Давайте положим наши карты на стол).

Let's stop playing games and get to the point (Прекратим игры и перейдём к сути дела).

Американец воспитан в таком убеждении, что нужно ясно и определённо выражать свои намерения, и уверен, что конфликты и споры лучше всего разрешаются в открытой, прямолинейной дискуссии. Такая эксплицитность может вызвать неприятие иностранцев, считающих американцев слишком «напористыми и настойчивыми в убеждении людей в своей правоте».

Ограниченные рамки статьи не позволяют более подробно проанализировать вышеперечисленные особенности, а также рассмотреть ряд других, не менее важных черт американского менталитета, проявляющихся в кажущейся странной, непонятной или даже неприемлемой для иностранцев американской манере поведения в быту и в общественных ситуациях. Важным является именно желание и возможность понять другой народ, его менталитет, особенности национального характера и характер их проявления. Как гласит ещё одна из любимых американцами пословиц, *Если есть желание, всегда найдутся пути к его выполнению* (*Where there's a will, there's a way*).

Л и т е р а т у р а

1. *Aithen, Gary.* American Ways. A Guide for Foreigners in the United States. Yarmouth, Maine, 1988.
2. *Young, Edward.* To Say Nothing about Americans? Eldridge, Iowa, 1996.
3. *Универсалии и типологические исследования.* Сборник статей, М.: 1974.

Деформация «устойчивых метафор» в стиле массовой коммуникации

© кандидат филологических наук А. А. Изотова, 2001

При рассмотрении стиля массовой коммуникации возникают особые сложности, связанные с разнотильностью данной области речи, существующей как между различными частями или разделами одной и той же газеты, так и между газетами различных направлений, например, официальных газет типа "The Times", "Independent", "The Guardian", выражающих официальную точку зрения, или газет, рассчитанных на массового читателя — "Daily Mirror", "The Sun" и т.д.

Однако, как показывает исследование, явление деформации представляет собой универсальный прием, который можно обнаружить в газетах разных направлений, а также различных их частях — в политическом или спортивном комментарии, публикациях, освежающих ту или иную проблему культуры и т.д.

Более того, высказывается предположение, что деформация в современной английской прессе входит в арсенал своего рода "журнализмов", т.е. таких приемов, которые используют авторы статей для придания тексту большей экспрессивно-эмоциональной окраски. В условиях ограниченности времени, которую постоянно испытывает журналист, этот прием позволяет создавать яркие метаметафоры, не затрачивая при этом большого труда и времени.

Действительно, в современной английской прессе регулярно деформируются те устойчивые метафоры, которые составляют основу литературного метафольклора. Приведем некоторые примеры:

- 1) Perhaps Mr.Heath has another *official Solicitor in his cupboard*. ("Morning Star", 1972)
- 2) Trapped in a vicious circle of fares- chasing-cost those public transport systems became *skeletons* of the services they once were. ("Morning Star", 1987)
- 3) When we clear away *all the skeletons* we will deal with Clay Crose. ("Morning Star", 1974)
- 4) Lew Archer moves through the flashy corrupt world of southern California, *opening the cupboards and watching the skeletons fall out*. ("New Statesman", 1978)

- 5) He turns out to be considerably less pessimistic than most writers whom we think of as "serious", for whom *every silver lining was a cloud*. ("The Listener", 1978)
- 6) "If you went in damaged", said Michael, dabbing the damaged eye with cold water, "and apologised for a motor accident, you would get special hearing, and a good press. Shall I take *the silver lining* out of my tie for a bandage?" (*J. Galsworthy, The Silver Spoon*)

Анализ деформаций, обнаруживаемых в произведениях массовой коммуникации, показал, что они по эстетической ценности, безусловно, уступают в целом ряде случаев тем лучшим образцам деформаций устойчивых метафор, которые мы обнаруживаем в художественной литературе.

Характер деформации обуславливается специфическими задачами, которые ставит перед собой журналист. Как правило, деформация преследует цель выразить отношение пишущего к основному предмету статьи.

Деформация может явиться отражением резко отрицательного отношения журналиста к содержанию высказывания, когда автор критикует существующее положение вещей, борется с оппонентами, отстаивая свою позицию. Ср.:

... education which is more concerned with developing individuals than with moulding them into *pegs suitably rounded to fit an array of round holes*. ("The Listener", 1978)

Ср. обыгрывание той же самой устойчивой метафоры *a square peg in a round hole* в романе Джона Голсуорси:

Poor little snipe-square peg in a round hole wherever he might be; and all those other pegs — thousands upon thousands, that would never fit in. (*J. Galsworthy, The Silver Spoon*)

Ср. также обыгрывание устойчивой метафоры *one's best // trump card* в газете "Morning Star" и в романе К. Эмиса:

Margaret Thatcher *has played her dirtiest trump card* in her continuing battle against the democratic rights and living standards of Britain's people — McCarthysm. ("Morning Star", 1985)

... ten minutes later, it having been established that they were going to that Margaret was on her way out, all smiles, to lock up her exam scripts, to powder her nose, and to phone Mrs. Welch with the news that she wouldn't,

after all, be attending the luncheon-party; Margaret would, instead be lunching off beer and cheese rolls in a pub with Dixon. He was glad that *his trump card* had had such a spectacular effect, but, as is the way with trump cards, it had *seemed valuable enough to deserve to win ten tricks, not just the one, and had looked better in his hand than it did on the table.* (K. Amis, Lucky Jim)

Наиболее распространенными приемами деформации в стиле массовой коммуникации являются вклинивание и замена компонентов устойчивой метафоры, в результате чего исходная единица нередко приобретает значение, прямо противоположное ее основному смыслу. Ср. обыгрывание устойчивой метафоры *between the devil and the deep blue sea* в стиле массовой коммуникации и в романе Джона Голсуорси:

Mrs. Thatcher now stands *between the devil and the deep wet sea.* (The Listener, 1978)

Jolion stood for a moment without speaking. Between *this devil and this deep sea* — the pain of a dreadful disclosure and the grief of losing his wife for two months — he secretly hoped for *the devil*; yet, if she wished for *the deep sea* must put up with it. (J. Galsworthy, To Let)

Ср. также обыгрывание устойчивой метафоры *the pen is mightier than the sword* в газетах The Guardian и TV Times:

(para — military violence compared with law — enforcement by the police) It quickly became apparent that *the gun is mightier than the whistle.* (The Guardian)

Doodle expert Michael Bentine gets together with Spike Milligan in "Quick on the Draw" to show that *the pen can be just as mighty as the spoken word* when it comes to raising laugh. (TV Times)

В английских газетах и журналах мы обнаруживаем обыгрывание тех же устойчивых метафор, что и в произведениях словесно-художественного творчества. Ср. деформации устойчивой метафоры *a knight in shining armour* в газете The Scotsman и в романе Дж. Уэйна:

Lord Brockway is a professional nonconformist, *a knight in rather dusty white intellectual armour.* British politics over the last half-century would have been less honourable without his presence. (The Scotsman, 1978)

"I'd like to oblige you, but I can't. Anything you have to say to Jenny concerns me. If you want to get her on her own, the reason can only be that

you want to play on her feelings and upset her. I'm going to be on hand to prevent that",

"Oh, *take your shining armour off*, Furnivall. Ever since you came into the district you've had a Messiah complex." (*J. Wain, A Winter in the Hills*)

Проведенный анализ показал, что в регистре массовой коммуникации, в отличие от художественной или научной речи, практически отсутствуют развернутые метафоры, что связано со спецификой газетной или журнальной статьи. В тех же случаях, когда деформация является элементом развернутой метафоры, она становится, так же, как и в других функциональных стилях, составной частью текста, все компоненты которого служат для раскрытия образа, отправной точкой для создания которого послужила соответствующая устойчивая метафора.

Обратимся к примеру, содержащему устойчивую метафору *people who live in glass house should not throw stones*:

We would like the rich to acknowledge that all their talk and advice on the economy, and their continual admonishment to the rest of us to pull up our socks, is for them a part-time exercise. What really concerns them and occupies their waking hours is the acquisition of personal wealth. Every time they pretend otherwise they *aim a brick* straight through *their own precious glass house*. (*The Observer*)

Ср. использование той же единицы в художественной речи:

"... I'm not here to point out the arrogance of your assumption of man's a smallness. If your despair does not lend your compassion, then I can only limit ins field of devastation."

"*Your own house, you know, has quite a lot of glass in it, and a well-aimed stone would make an unsightly havoc.*" (*A. Wilson, Henlock and After*)

Итак, в составе стиля массовой коммуникации деформация представляет собой широко распространенный и постоянно воспроизводимый прием усиления экспрессивности речи, оживления повествования, выражения особого отношения автора к тому, о чем он пишет. При этом нередко деформация осуществляется по определенной схеме, что, безусловно, снижает ее эстетическую ценность и придает этому приему характер "журнализма".

**Космонимы «Солнце» и «Луна»
как объекты лексикографического
и текстологического описания
(на материале современного английского языка)**

© О. В. Стафеева, 2001

Солнце и Луна – это уникальные объекты лингвистической номинации и научного описания. Данные космонимы выступают как термины в астрономии, физике и ряде других наук. Обратившись к энциклопедическому словарю, мы найдем важную информацию о солнечном диаметре, массе, плотности, объеме, силе гравитации, периоде вращения вокруг своей оси, скорости вращения у экватора, температуре и др. характеристиках. Но эта информация позволяет выделить довольно обширный ряд терминологических сочетаний, как то:

English	Russian
<i>Mock sun</i>	<i>Ложное солнце (паргелий)</i>
<i>Active/disturbed sun</i>	<i>Активное/возмущенное солнце</i>
<i>Quiet sun</i>	<i>Спокойное/невозмущенное солнце</i>
<i>Optical sun</i>	<i>Солнце, наблюдаемое оптически</i>
<i>Diffuse sun</i>	<i>Рассеянный солнечный свет</i>
<i>Direct sun</i>	<i>Прямой солнечный свет</i>
<i>Reflected sun</i>	<i>Отраженный солнечный свет</i>
<i>Bipolar sunspot</i>	<i>Биполярное солнечное пятно</i>
<i>Following sunspot</i>	<i>Хвостовое солнечное пятно</i>
<i>Sun-seeker</i>	<i>Солнечный датчик</i>

и проч. Все вышеперечисленные терминологические словосочетания отражают наше знание о состояниях и особенностях небесных светил с естественнонаучной точки зрения или вклад человека в создание приборов и приспособлений для изучения данных объектов – все они имеют прямые соответствия в русском и английском языках, отражая прогресс в области научного знания и технологий.

В этой сфере употребления мы также сталкиваемся с дублетами латинского происхождения *lune* & *sol*, которые развивают собственные дериваты:

- a) *lunar, lunation, lunacy, lunarian, lunatic, lunnette, lunation;*
- б) *solar, solary, solarization, solarize, solarism.*

Таким образом, естественнонаучное знание отражается в лексике языка, фиксируя в структуре и значениях языковых единиц определенные структуры знания. Поскольку наука дает многочисленные примеры создания новых слов и словосочетаний, уместно сослаться на слова, приводимые Е.С. Кубряковой, которые раскрывают сущность генезиса языка, детерминированного концептуальным осмыслением действительности и возможностью объективировать это осмысление.

Разные номинативные классы слов закрепляют в актах номинации разные структуры сознания. Однако процесс объективации важен для нас в том смысле, что всякий раз воспроизводя единицу языка в том или ином контексте коммуникации (или речемыслительной деятельности) мы одновременно вызываем у себя и у собеседников разные ассоциации, образы, картины и т.п. представления. Индивидуальный и коллективный процесс вербализации позволяет переключить указанные единицы в новые для них контексты и способствовать развитию новых ассоциаций и представлений, а следовательно, и эмоционально окрашенных значений. Именно этот аспект изучения будет для нас центральным. Отсюда и достаточно большое число деривационных моделей в русском и английском языках.

Количество производных с элементами *sun* и *moon*, зафиксированных в словарях, указывает на культурную значимость данных космонимов в английском языке. Солнце и луна являются мерилami времени (*sundial* – an instrument to show time of day by the shadow of a pointer on a graduated plate or cylindrical surface; *moondial* – a dial showing the hours of the night by moon), направления (*sunwise* – in the direction of the apparent daily movement of the sun i.e. from left to right), вызывают ассоциации по форме и цвету (*sunbirds* – any numerous small brilliantly coloured tropical birds; *sunflower* tall garden plant with large golden-rayed flowers; *sunfish* – a large fish almost spherical in shape; *moonflower* – tropical plant that blooms at night, having large fragrant white flowers; *moonstone* – a milky-white stone used for making jewelry; *moony* – moon-shaped), а также оказывают определенное физическое или психологическое воздействие на человека, причем как положительное (*sunkissed* – описывает приятную внешность человека после пребывания на солнце; *suntanned* – attractively brown skin which you get when you spend a lot of time in bright sunlight), так и отрицательное, вредное, плохо сказывающееся на здоровье (*sunstroke* – illness caused by too much exposure to the sun, esp. On the head; *sunburn* – the condition of having skin that is red and painful as a result of spending too much time in the sun; *moonstruck* – wild and wandering in the mind (supposedly as a result of the moon's influence); *moonblind* – suffering from moon-eye; blind from sleeping under the moon's rays).

Интересно отметить, что производные от двух космонимов часто совпадают по структуре.

<i>Sunny</i>	<i>moony</i>
<i>Sunlight</i>	<i>moonlight</i>
<i>Sunlit</i>	<i>moonlit</i>
<i>Sunshine</i>	<i>moonshine</i>
<i>Sunstone</i>	<i>moonstone</i>
<i>Sunflower</i>	<i>moonflower</i>
<i>Sundog</i>	<i>moondog</i>
<i>Sunrise</i>	<i>moonrise</i>
<i>Sunless</i>	<i>moonless</i>
<i>Sunlike</i>	<i>moonlike</i>
<i>Sunbow</i>	<i>moonbow</i>
<i>Sunset</i>	<i>moonset</i>
<i>Sunstroke</i>	<i>moonstruck</i>

При этом они могут иметь совершенно неидентичные значения, семантика двух структурно-аналогичных производных от космонимов sun and moon может быть неодинаковой. Например, *sundog* – это естественно-научный термин со значением “a parhelion; a small nearly round halo on the parhelic circle”, в то время как *moondog* является, безусловно, словом обывденного языка со значением “a watch-dog”; или “sunshine” – имеет значение “happiness”, в то время как “moonshine” – обозначает “foolish or idle talk or ideas; stupid or impractical remark, idea or plan; also strong alcoholic drink that is produced illegally”.

Все вышеперечисленное позволяет сделать вывод о том, что деривация может рассматриваться как первая ступень переключения структур знания в новые для них структуры сознания. Именно этим объясняется возможность более сложного метафорического переноса значений и создания многочисленных фразеологических оборотов. Например:

В русском языке: *седой как лунь; бледный как лунь; лаять на луну; как с луны свалился; искать/найти свое место под солнцем; и на солнце есть пятна.*

В английском языке: *to aim at the moon; to cry for the moon; to bark at the moon; once in a blue moon; to adore/worship/hail the rising sun; to have the sun in one's eyes; to go round the sun to meet the moon и т.д.*

Довольно богатая фразеология с базовыми элементами “Sun”, “Moon” в английском и “Солнце”, “Луна/Месяц” в русском языках также указывают на их культурную значимость и эмоциональную насыщенность, зафиксированную в сознании носителей русского и английского языков. Словари дают более 20 устойчивых сочетаний с каждым из космонимов в английском языке, а также более 40 пословиц и поговорок, содержащих исследуемые космонимы. При этом, интересно от-

метить, что большая часть зафиксированных пословиц связана с космонимом “Sun”. В русском языке фразеология несколько менее обширна (около 20 пословиц и устойчивых сочетаний приходится на каждый из космонимов), однако количество пословиц, относящихся к Солнцу, также превышает количество тех, которые посвящены луне/месяцу. Что, по нашему мнению, указывает на то, что Солнце воспринимается носителями названных языков как эталон, параметр для измерения многих духовных и физических качеств объектов окружающего мира. Ср. “Выше солнышка не поднимешься, ниже земли не опустишься”, “Правда светлее солнца”, “И сокол выше солнца не летает”. “The Sun never hurts an honest man’s face”, “The same sun that will melt butter will harden clay”.

Солнце в истории и культуре народов известно как объект поклонения, эталон для подражания, нечто реальное и наполненное жизненной энергией. Соответственно, рассматривая лексический состав устойчивых сочетаний с космонимом “sun”, мы сталкиваемся либо с лексическими единицами, относящимися к возвышенному стилю (e.g. to adore/hail/worship the rising sun; Let not the sun go upon your wrath; Out of God’s blessing into the warm sun), либо с нейтральными с точки зрения эмоциональной окраски лексическими единицами (e.g. to go round the sun to meet the moon; as ... as the sun shines on; the morning sun never lasts a day; to rise with the sun). Что в целом создает положительный эмоциональный настрой, то есть такой набор лексических единиц демонстрирует положительные ассоциации и оценки, закрепленные в сознании носителей языка. Что же касается фразеологии с космонимом “moon” здесь, напротив, употребляется сниженная или эмоционально окрашенная лексика (e.g. to cry for the moon; to bark/bay at the moon; the moon doesn’t need the barking dogs; to shoot the moon), что в целом создает отрицательную оценку, вызывает негативные ассоциации. А также некоторые устойчивые сочетания с данным космонимом создают фантастический контекст Ср. to aim/ level at the moon; to jump over the moon; once in a blue moon; the moon is made of green cheese.

Примечательно, что отдельные фразеологические сочетания имеют прямые соответствия в русском и английском языках. Ср.:

to bark at the moon – лаять на луну

a place in the sun – место под солнцем

При чем эти сочетания идентичны не только по структуре, но и по семантике. Так *to bark at the moon/лаять на луну* в обоих языках имеет значение “тратить время и силы попусту”, английское “*a place in the sun*”, также как и русское “место под солнцем” имеет значение “*a favourable position that allows for development; a share in what one has a natural right to*”. Однако в общем переход из области специального научного знания в область общечеловеческих ценностей и культурно-

исторических оценок не характеризуется той симметричностью формы и содержания, которую можно наблюдать в сфере научного знания о солнце и луне. Дихотомия положительной и отрицательной оценки оказывается центральной дихотомией.

Другим объектом изучения можно назвать текстологическую и семиотическую функцию выбранных нами космонимов в контексте индивидуально-авторского употребления, что особенно хорошо прослеживается на примере их функционирования в художественном произведении.

Возьмем для иллюстрации наиболее известный роман Ф. С. Фицджералда “Великий Гэтсби” и проследим авторское употребление выбранных нами космонимов.

На страницах романа встретилось 8 употреблений космонима “Sun” (и его дериватов) и 13 – космонима “moon” (и его дериватов). Безусловно, солнце и луна не являются ведущими художественными образами романа, однако эти космонимы, по-видимому, избраны автором как ассоциативно насыщенные элементы языка для создания особой эмоциональной атмосферы произведения.

Образ луны настойчиво сопровождает главного героя – Джея Гэтсби на протяжении всего романа. Луна и только луна светит в романе не на самого героя и на вещи, принадлежащие ему.

Мы считаем, что образ луны помогает автору выразить три идеи, связанные с главным персонажем романа: а) романтизм, недостижимость мечты; б) ирония, отрицательная оценка; в) трагический конец, смерть, нежизнеспособность героя.

Теперь рассмотрим подробнее каждую из вышеперечисленных идей и проиллюстрируем их примерами из текста, которые, по нашему мнению, подтверждают наши выводы.

Джей Гэтсби резко выделяется на фоне окружающей его среды. Он – романтичный мечтатель-идеалист, неудовлетворенный добытым им богатством, стремится к чему-то иному, не похожему на прозу его жизни, столь монотонной и безрадостной, несмотря на ее лихорадочно-деловой темп и внешний блеск. В обществе богатых прожигателей жизни, в атмосфере блеска и роскоши “века джаза” он чужой. Чужой потому, что поднявшись на вершину материального успеха, он остался верен юношеской мечте. Он живет надеждой совершить невозможное – вернуть прошлое, повторить его, перекрыть на новый лад. (Ср. с английской идиомой to wish for the moon). Все его существование пронизано этой недостижимой мечтой и от того сам он и все, что его окружает несколько нереально, что оттеняется светом загадочной и далекой луны:

“A wafer of a moon was shining over Gatsby’s house, making the night fine as before, and surviving the laughter and the sound of his still glowing garden”

“The moon had risen higher, and floating in the Sound was a triangle of silver scales, trembling a little to the stiff, tiny drip of the banjos on the lawn”

“A universe of ineffable gaudiness spun itself out in his brain while the clock ticked on the wash-stand and the moon soaked with wet light his tangled clothes upon the floor”.

Мысли героя о Дэзи, пронизанные юношеской влюбленностью и тоской, тоже оттенены светом вечной луны:

“Compared to the great distance that had separated him from Daisy it had seemed very near to her, almost touching her. It has seemed as close as a star to the moon”

С другой стороны, Джей Гэтсби, наживший огромное состояние на нелегальном бизнесе, комичен и нелеп. Он отказался от своих родителей и от своего имени, не умеет держаться в обществе, безвкусно и пестро одевается, пересыпает свою речь жаргонными словечками типа “old sport” и “chum” Конечно же он заслуживает неодобрения и насмешки. Ср.:

“I hadn’t gone twenty yards when I heard my name and Gatsby stepped from between the bushes into the path. I must have felt pretty weird by that time, because I could think of nothing except the luminosity of his pink suit under the moon”.

“He put his hands in his coat pockets and turned back eagerly to his scrutiny of the house, as though my presence marred the sacredness of the vigil. So I walked away and left him standing there in the moonlight watching over nothing”.

В конце романа герой гибнет. Его смерть так же неминуема как и крушение его несбыточных надежд, которыми он только и жил. Поэтому, по нашему мнению, приемом “лунного света”, “лунного контекста”, автор в какой-то мере подготавливает читателя к трагическому концу главного персонажа. Ведь ассоциативно луна связана с идеей смерти, загробного мира. (См. все вышеперечисленные примеры).

Космоним “Sun” и его дериваты употребляются в романе значительно реже, возможно потому, что данный космоним сопровождает уже не главного героя произведения. Однако он не менее эмоционально

и ассоциативно насыщен. В сознании носителей английского языка солнце – символ жизненной силы, радости. Солнечный свет символизирует нечто веселое и приятное, красивое и теплое. Отсюда соответствующие сочетания: cheerful sun, glowing sunshine (glowing has the meaning “showing warm colour, or (fig.) enthusiasm), fervent sun (fervent – 1) hot, glowing; 2) showing warmth of feeling; passionate).

Космоним “sun” сопровождает в романе образы Дэзи и Джордан Бейкер в восприятии Ника Каррауэя, от лица которого ведется повествование, и самого Ника, как наиболее духовно цельного, а значит сильного персонажа.

Это и последний солнечный луч на лице Дэзи, беспечной прожигательницы жизни – “the last sunshine falls with romantic affection”, это глаза Джордан Бейкер влюбленный Ник характеризует как “sun-strained”.

Таким образом, наши наблюдения подтверждают, что космонимы “Солнце” и “Луна” культурно значимы, в сознании носителей английского и русского языков за ними закреплены определенные образы, оценки и ассоциации, на изучение которых и направлено наше исследование.

Л и т е р а т у р а

1. Горбунов А.Н. Романы Фрэнсиса Скота Фицджералда. – М.: Наука, 1974.
2. Комова Т.А. Взаимодействие естественнонаучного и филологического знания в контексте языковой категоризации // Сборник научных трудов кафедры иностранных языков ФПС. – М., 2001 (в печати)
3. Кубрякова Е.С. Части речи в когнитивном освещении. – М. 1998. Ч. 1. Гл. 2.

С л о в а р и

1. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – М.: Русский язык, 1984.
2. Англо-русский астрономический словарь / Ред. Михайлов А.А. – М.: Советская энциклопедия, 1971.
3. Cambridge International Dictionary of English, 1995.
4. Cassel's English Dictionary. Cassel-London. 1969.
5. Longman New Universal Dictionary. G&C Merriam Company & Longman Group Ltd, 1982.
6. Longman Dictionary of Contemporary English. Longman, 1995.
7. Longman Dictionary of English Idioms. Longman, 1979.
8. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English, 1995.

Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи

© доктор филологических наук *Б. А. Зильберт, А. Б. Зильберт, 2001*

Выбор темы определяется несколькими причинами.

1. Первую определил французский литератор Франсуа Мориак: «XX век – век спорта». Значимость спортивной коммуникации в том, что спорт – не только «голы, очки, секунды», но огромная сфера человеческой деятельности, включающая социально-экономические, общественно-политические, финансовые проблемы. По свидетельству авторитетного научного издания [13], содержание текстов физкультурно-спортивной тематики в современных условиях включает также социально-философские, исторические, педагогические, психологические и медико-биологические проблемы. Здесь возникает исследовательская задача, связанная с открытостью спортивно-физкультурной сферы, неизбежностью пересечения спортивного дискурса с дискурсами многих других важнейших областей жизни и деятельности современного человека [2].

В то же время специального исследования, где возникала бы целостная картина вербального и невербального общения в сфере физической культуры и спорта, по нашим данным, еще не проведено.

2. Вторая причина – опосредованность даже наиболее «чистых» видов спортивного дискурса средствами массовой информации. Дискурс масс-медиа на рубеже XX-XXI вв. является основным каналом осуществления спортивной коммуникации, в связи с чем правомерно говорить о тенденции к сращиванию спортивного дискурса с дискурсом масс-медиа (о такой же ситуации для политического дискурса см. [14]).

Известно, однако, что дискурс масс-медиа выступает как своеобразная лаборатория, в которой испытываются, осваиваются и апробируются новые средства языкового выражения. Поэтому исследования текстов массовой информации еще долго будут оставаться в центре интересов российских лингвистов. Здесь совершенно необходимо сказать об особой роли телевидения (далее: ТВ), благодаря которому в спортивное общение теперь вовлечены миллиарды людей. Именно на ТВ произошло выделение спорта как самоценного пласта бытия и культуры; применение монтажа, крупных планов, замедленных повторов и

других приемов операторского искусства превратило спортивную информацию в культурно и эстетически значимый факт [5:52].

3. Третья причина связана со статусом дискурсивной лингвистики и дискуссионностью многих ее категорий (институциональность дискурса, базовые концепты, интенциональные типы, жанровое пространство дискурса). Междисциплинарный подход к изучению дискурса находится в фокусе интересов отечественной лингвистики в связи с интегративной тенденцией ее развития и антропологичностью парадигмы исследования институциональных дискурсов: на первый план выходят не внутрисистемные языковые отношения, а характеристики языковой личности как носителя соответствующей культуры и статусно-ролевых отношений.

Прежде всего уточним базовые понятия: **дискурс и институциональный дискурс**. В работах [6] и [14] подробно обсуждены различные аспекты и подходы к пониманию дискурса в ряду смежных понятий «речь – текст – язык». Поэтому скажем сразу, что в данной работе принимается широкое определение **дискурса** (близкое к концепции В. В. Богданова [1], см. также [8]) как всего, что говорится и пишется (в щербовском понимании – речевая деятельность и языковой материал одновременно). В таком случае **речь** и **текст** будут видовыми по отношению к родовому понятию **дискурс**. Такая трактовка дискурса не противоречит принимаемому большинством исследователей метафорическому пониманию дискурса как «речи, погруженной в жизнь». Обобщающий характер понятия дискурс снимает всякую ограниченность признаками «монологический / диалогический, устный / письменный, риторически или идеологически наполненный/разговорно-речевой дискурс (ср. противопоставление риторических и речевых жанров в работе [12])». Следует сказать, что подобная трактовка дискурса в психологии и философии уже стала нормой.

Анализ дискурса как метод, научный принцип и самостоятельная дисциплина – междисциплинарная область знания, включающая социально-культурные и когнитивно-психологические аспекты языкового общения. Феномен языкового общения и есть объект лингвистического анализа в широком щербовском смысле.

Понятие **институциональный дискурс** выделяется в рамках социально-прагматического подхода к дискурсу. В центре внимания при таком подходе оказываются типы языковых личностей, действующие в рамках определенных обстоятельств и условий общения.

На основании критерия характеристики участников общения выделим 4 типа дискурсов, которые мы расположили по степени умень-

шения личностной ориентации и, напротив, увеличения социальной (статусной) ориентации речевого общения:

- бытовой, личностно ориентированный дискурс, исторически первичный (**разговорный** дискурс);

- художественный дискурс (возможно отнести сюда и философские и психологические интроспекции);

- ситуативно-ролевой статусно-ориентированный дискурс (вербальное поведение в соответствии с ожиданиями людей по определенным моделям);

- институциональный статусно-ориентированный дискурс; он «сводится к образцам вербального поведения сложившимся в обществе применительно к закрепленным сферам общения» [6:190-191] или к социальным институтам.

Под социальными институтами принято понимать «любой вид закрепленных действий или нормативных комплексов, характеризующихся социальными правилами и ритуализированными рамками функционирования» ([9], там же на стр. 10-14 дан обзор литературы по теме). Общение в этих институтах и сферах есть составная часть их организации; в каждой сфере существуют специальные виды общения, использующие свои системы профессионально ориентированных знаков, иными словами, имеются специальные тексты, содержащие специальную лексику, фразеологию, паремиологию и терминологию (сферы специальной речи или подязыки).

Социальным институтам соответствует список институциональных типов дискурса: политический, педагогический, юридический, религиозный, спортивный, массово-информационный и др. Эти типы выделены с «известной долей условности», а список носит открытый и исторически изменчивый характер. Проблемам политического, педагогического, религиозного, научного, массово-информационного дискурса посвящены многие статьи, ряд кандидатских диссертаций. Спорт и физкультурно-спортивная сфера фактически не исследованы в плане дискурсивной социолингвистики.

Спортивный дискурс и массово-информационный дискурс (дискурс масс-медиа) в качестве сращенного со спортивным выступают как особые предметы данного исследования.

Личностно-ориентированный дискурс отличен от институционального также по многим структурным и социально-прагматическим параметрам, указанным в таблице 1 [8: 24].

Таблица 1

Разговорный дискурс	Институциональный дискурс
Ориентация на процесс	Ориентация на структуру
Минимум речевых ограничений	Максимум речевых ограничений
Относительно свободная мена коммуникативных ролей	Относительно фиксированная мена коммуникативных ролей
Большая обусловленность непосредственным контекстом	Меньшая обусловленность непосредственным контекстом
Примат локальной организации	Примат глобальной организации
Целей много, и они обычно имеют локальный характер	Целей немного, и они обычно имеют глобальный характер

Возможны институциональные дискурсы, практически не встречающиеся в чистом виде, являющиеся исследовательской абстракцией (вероятно, и по этой причине Е. И. Шейгал предлагает для политического дискурса две системы измерения – реальную и потенциальную, или виртуальную [14:11]). В реальности институциональные дискурсы часто пересекаются и накладываются друг на друга. Последнее особенно относится к спортивному дискурсу в силу его «открытости».

В работе одного из авторов данной статьи подробно показано, что многие группы письменных текстов спортивного дискурса (далее: СД) – научная литература по биомеханике и физиологии спорта, истории спорта, спортивной педагогике и психологии; учебно-методическая литература, используемая в сфере спортивного образования; тексты официально-нормативного характера (правила соревнований, единая спортивная классификация и др.) – скорее принадлежат другим институциональным дискурсам: соответственно научному, педагогическому, деловому, юридическому [2]. О сращивании других устных и письменных видов СД с дискурсом масс-медиа уже было сказано.

Какие же реальные системы речевой и неречевой коммуникации существуют в сфере спорта и физкультуры, какие из них можно полагать разговорными дискурсами, а какие (в той или иной степени) институциональными дискурсами?

Отвечая на эти вопросы, мы отводим социальному институту спорта особо специфичное место, и вот почему. Спортивная коммуникация существует в трех разных ипостасях (коммуникативных сферах),

из которых только две имеют точки пересечения друг с другом. Сферы эти следующие.

1. Само спортивное соревнование в реальном хронотопе, «здесь и сейчас». Активные участники – сами спортсмены, при этом коммуникативные роли адресата и адресанта слиты в игровых амплуа для каждого участника (в неигровых видах спорта эти роли, вообще говоря, трудно определимы). Зрители имеют коммуникативный статус «наблюдателей».

В отличие от коммуникативных ситуаций в других упомянутых ранее институциональных дискурсах в рамках спортивных действий, нормативных комплексов, социальных правил и ритуалов (во время тренировок, соревнований, матчей в игровых видах спорта) **вербальный компонент** не является обязательным.

Во многих видах спорта во время соревнований вербальный компонент общения абсолютно не предусмотрен (плавание, фигурное катание, спортивная и художественная гимнастика и др.), в других видах спорта возможны краткие (однословные, как правило) реплики судей, но эти реплики только поясняют судейские жесты (футбол, хоккей, баскетбол, волейбол и др.). Реплики судей и игроков во время спортивных состязаний нельзя признать текстами, так как они структурно не оформлены, это скорее сигналы, основной функцией которых является директивная (остановка или возобновление, продолжение спортивных действий). Возможны также реплики зрителей как своеобразный вид обратной связи, однако эти реплики, как правило, также мало структурированы.

Если все-таки признать существование вербального СД в этой первой инстанции спортивной коммуникации, то он явно не может быть признан институциональным, это – **разговорный** дискурс.

2. Письменная коммуникация в сферах науки, образования, сфере организации спорта, о которых речь шла выше. Повторим: доказано, что тексты таких письменных дискурсов можно отнести к СД с большой долей условности. Скорее это **тексты других институциональных дискурсов** – научного, педагогического, делового и др., так как они полностью укладываются в рамки всех характеристик соответствующих дискурсов. Более того: многие из этих текстов являются прецедентными для своих дискурсов. Единственным признаком их принадлежности к институту спорта оказывается подъязык (специальная лексика и фразеология).

3. Устные и письменные спортивные дискурсы, транслируемые по каналам масс-медиа, и поэтому сочетающие в себе черты **двух инсти-**

туциональных дискурсов – спортивного и массово-информационного. Существует много печатных спортивных массовых изданий во главе с изданиями ЗАО «Спорт-экспресс» (газеты, еженедельники, ежемесячники, разовые буклеты и др.). Прибавим сюда весьма многочисленные тексты спортивных рубрик ежедневных неспортивных газет («Известия», «Труд», «Новые известия» и др.).

Еще более значимыми в современной коммуникации являются СД на радио и ТВ (устные тексты), подробнее о которых ниже.

Ядром институциональных дискурсов является общение базовой пары участников коммуникации – в нашем случае журналиста и читателя / слушателя / зрителя. Это первое, что объединяет СД и дискурс масс-медиа. Существуют еще две группы важных признаков, указывающих на принадлежность этих текстов к институциональному дискурсу масс-медиа. Во-первых, процедуры создания и распространения текстов носят институциональный характер, что прямо и открыто соотносится с их структурно-языковыми характеристиками. Эти тексты массовой информации создаются путем разделения труда, речедетель здесь коллегиально-кооперативный. Адресатом является массовая анонимная рассредоточенная аудитория, общение имеет несколько ступеней опосредования.

Вторая группа – риторические и жанрово-стилистические характеристики: коммуникативная общезначимость, принципиальная разностильность, социально-оценочный характер языковых средств, частое введение в текст скрытого авторского «Я» (фрагменты личностно-ориентированного общения), постоянное диалектическое единство стандарта и экспрессии (имеющей для СД весьма специфический характер) как текстообразующий конструктивный признак и др. [7; 10; 11; 3; 5].

В электронных видах масс-медиа (радио и ТВ) выделим два основных коммуникативно-прагматических и жанрово-стилистических типа СД:

а) тип «новости», информация об уже состоявшихся событиях иногда с явными элементами анализа и комментирования (обычно в рамках новостных программ «Вести», «Время», «Сегодня» и др.). Журналисты называют такой тип передач «подготовленными»; последнее время этот термин получает новое содержание, близкое к его прямому значению: «новостные» тексты становятся все более и более риторически наполненными.

Приведем для подтверждения сказанного и для оживления статьи любопытный пример. Ниже помещены два текста спортивного журналиста НТВ Михаила Решетова, вышедшие в эфир в один и тот же вечер

в ноябре 2000 г., первый в программе «Сегодня» в 19.00, второй – в той же программе в 22.00. В обоих текстах речь идет об одних и тех же спортивных событиях – теннисном и мини-футбольном турнирах, в обоих текстах видеоряд был полностью повторен.

1. Бразилец Куэртен решительно подвинул М. Сафина в рейтинге на вторую строчку, основательно расположившись на его вершине. Причиной обидной для отечественных болельщиков осечки стал А. Агасси, чисто уступивший главному конкуренту на пути москвича – американцу – во вчерашнем решающем матче на португальских кортах. Три сета по 6:4 в пользу Гуги и ни одного шанса сопернику даже усомниться в силе Куэртена. Впервые с 91-го года, со времен правления Стефана Экберга не коронуется житель США. Для Бразилии это дебютный в истории трофей подобного уровня. Десятку сильнейших замкнул англичанин Хэнман, Е. Кафельников на пятом месте, Пит Сампрас – прочно третий, финалист А. Агасси сделал пару шагов наверх.

Земляки Куэртена из-под носа упускают золото мини-футбольного чемпионата планеты в Гватемале. Золото увозит в своих чемоданах испанская сборная, одолевшая в последний игровой день бразильцев с минимальным перевесом 4:3. А команда Бондарева оказалась ровно вдвое слабее португальцев (2:4) и пропустила их вперед себя в очереди за бронзой. Соответственно, мы – четвертые (19.00).

2. Сегодня Г. Куэртен, триумфатор чемпионата АТР, официально признан первой ракеткой планеты. Соответствующий рейтинг вышел в печать, и М. Сафину в списке отведена вторая строчка. А Агасси, коему досталось в воскресенье от Гуги «на орехи» (в трех сетах по 6:4), сдвинулся тем не менее на два шага вверх. Кафельников – уверенно пятый, замыкает десятку Тим Хэнман. Добавлю, что впервые с момента окончания правления Стефана Экберга, т. е. с 91-го года, короновиали теннисиста не из США.

Южноамериканские мини-футболисты, земляки Куэртена, наоборот, упускают шанс прославиться в Гватемале: их обидели в решающей встрече испанцы (4:3). Причем в последние минуты правил бал житель Пиреней Х. Родригес: его удары и оставили бразильцев у разбитого корыта. Подопечные Бондарева добровольно отдали бронзу португальцам. Мы вели по ходу 2:0, но затем 4 безответных мяча влетают в сетку за спиной О. Денисова, и мы не в числе призеров (22.00).

Читатель сам может судить о степени «подготовленности» двух новостных дискурсов. Перед нами – примеры сознательного планирования и употребления языковых средств в риторических целях, а не только в целях сообщения информации. Автора захлестывает желание выдать в эфир как можно больше сравнений, метафор, перифраз, прецедентных для русского культурологического пространства высказываний (прежде всего паремий) в оригинальных контекстах. В результате получились два разных публицистических рассказа об одних и тех же событиях. Ср. *Куэртен подвинул Сафина на вторую строчку в рейтинге* (текст 1) и *Сафину в списке отведена вторая строчка* (текст 2); *Агасси чисто уступил...* (1) и *Агасси досталось от Гуги «на орехи»* (2); *земляки Куэртена из-под носа упускают золото чемпионата планеты* (1), *золото увозят в своих чемоданах испанцы* (1) и *бразильцев обидели испанцы, ... правил бал житель Пиреней Х. Родригес* (2); *команда Бондарева... пропустила португальцев вперед себя в очереди за бронзой* (1) и *подопечные Бондарева добровольно отдали бронзу португальцам* (2).

б) Тип «репортаж» – прямая трансляция спортивного события. Очень важно, что и тип коммуникативной интенции, и сам ход спортивных событий (часто непредсказуемый), приводит к приобретению журналистом-создателем дискурса статуса как бы реального участника микромира спортивного события, в терминах «дискурсивной социолингвистики», статус «агента». Это позволяет нам признать тексты прямых трансляций проективным жанром на пересечении спортивного и массово-информативного дискурсов. Однако жесткая фиксация институциональности «спортивного дискурса» и здесь не получается. Институциональность имеет градуальный характер. Речевая деятельность спортивного комментатора меняет свой характер в зависимости от складывающейся ситуации в ходе спортивного соревнования. Спокойные моменты игры (состязания) сопровождаются пространственным комментарием, статистической и иной информацией, почерпнутой из заранее подготовленных досье, даже разговорами о погоде и рекламой. Во время напряженных моментов матча (состязания) характер дискурса резко меняется: речь становится спонтанной, устной импровизацией, манера повествования в рамках общей стратегии изменяется. Дискурс приобретает разговорные черты. Вербальная информация максимально насыщена.

Необходимо сказать о характеристиках массово-информативного дискурса, присущих только радио и ТВ, имеющих институциональный характер: многофактурность, семиотическая неоднородность, фенестративный способ подачи информации. Данные факторы затрудняют точ-

ную одновременную фиксацию элементов «спортивного дискурса» в вербальных и невербальных формах.

В последнее время на разных каналах ТВ появились спортивные передачи принципиально нового концептуального типа, по форме приближающиеся к тележурналу: «Футбольный клуб» с Василием Уткиным на НТВ, «На футболе» с Виктором Гусевым (ОРТ), «Футбол + ТВ» с Александром Вайнштейном (РТР), «Третий тайм» с Савиком Шустером (НТВ). В них есть как новостные, так и репортажные фрагменты, присутствуют как разговорные, так и институциональные дискурсы, как диалог, так и монолог. Главное же в них – языковая личность авторитетного талантливому ведущего, создающая целостность формы передачи, включающей разные речевые и риторические жанры. Коммуникативная стратегия таких передач – дать адресату ощущение соучастника спортивного события, видящего это событие то изнутри, то с внешней стороны. Ведущий и другие авторы сюжетов вербально озвучивают ценностные аспекты ключевых концептов «спортивного дискурса», эксплицируют в передаче этические нормы спортивной деятельности («воля к победе», «фейр плей» (честная игра) в рамках ключевых концептов «состязательность в области физической культуры», «спортивная игра как деятельность и общение»).

Особо следует сказать о регулярном включении как в новостные «подготовленные» СД, так и в тексты прямых трансляций, и тем более в состав названных только что спортивных тележурналов разговорных спортивных дискурсов. Это – результат открытости для общества в целом сферы спорта, принципиальной установки на приобщение широчайших масс любителей спорта и зрителей-болельщиков к той или иной форме участия в спортивных действиях. Эти тексты представляют собой самый широкий диапазон устного профессионального общения «агентов» между собой (тренеров, спортсменов), «клиентов» между собой (например, зрителей, обсуждающих перипетии матча), «агентов» с «клиентами» (например, краткие интервью журналистов радио и ТВ со спортсменами или зрителями, диалогические вкрапления подобного же рода в прямые трансляции в перерыве или во время соревнований).

Подавляющее большинство подобных разговорных текстов никогда никем не записывалось и не анализировалось. Предварительные наблюдения показывают, что на всех языковых уровнях (лексика, синтаксис) обсуждаемые тексты обнаруживают свойства, специфичные для спонтанной устной неофициальной разговорной речи, хорошо исследованной лингвистами (см. работы О. Б. Сиротининой, О. А. Лаптевой, Е. А. Земской, Е. И. Ширяева и многих других). Характерен для этих

текстов «спортивный жаргон» (лексика и фразеология метафорического плана, вторичные номинаты, имеющие в своей семантике облигаторные эмотивные компоненты), а также ненормативная лексика и фразеология [4].

Велик процент в разговорных СД нейтрального текста (так называемого «строевого материала»), лично ориентированных фрагментов общения.

Тип устного дискурса в здесь жестко не фиксирован, текст постоянно «соскальзывает» в смежные темы и жанры. Вообще все устные СД и радио, и ТВ, взятые вместе, ярко подтверждают мысль Рут Водак, что институциональный дискурс в чистом виде является скорее исключением, чем правилом [15].

Подведем итоги:

1. Институциональный СД существует только в коммуникативной сфере масс-медиа. В рамках этой сферы его и следует изучать. При этом нужно иметь в виду градуальный характер институциональности СД (градация доминирования институциональных либо разговорных элементов дискурса) и градуальный характер отношений спортивного и масс-медийного виртуальных дискурсов (градация степени доминирования спортивных либо массово-информативных дискурсивных свойств в жанровом пространстве).
2. Следует начать исследование с текстов ТВ как наиболее значимых в современном обществе, представляющих градуальность обоих видов (см. п. I) наиболее подробно и четко, а жанровое пространство СД наиболее полно.
3. До анализа конкретных речевых текстов необходимо определить системообразующие признаки СД и его базовые концепты, учитывая при этом отличие игровых СД от неигровых.
4. Конечный результат исследования всех реальных текстов, связанных с институтом спорта, во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических фактов по причине, указанной в п. I, будет представлять собой виртуальный СД (Е. И. Шейгал определила его для политического дискурса как «семиотическое пространство»). Последний включает вербальные и невербальные знаки, ориентированные именно на обслуживание спортивной сферы коммуникации, тезаурус прецедентных текстов, типичные модели речевого поведения, речевых действий и жанров, специфичных для спортивного общения.

Л и т е р а т у р а

1. *Богданов В. В.* Текст и текстовое общение. СПб.: Изд-во СПб. Ун-та, 1993.
2. *Зильберт А. Б.* Существует ли спортивный дискурс? // Материалы IX страховых чтений. Изд-во Саратов. педагогич. ин-та СГУ, Саратов, 2000.
3. *Зильберт Б. А.* Социопсихолингвистическое исследование текстов радио, телевидения, газеты. / Под. ред. акад. В. Г. Костомарова. Саратов, 1986.
4. *Зильберт Б. А.* Спортивный жаргон (на материале современного русского языка) // Новое в лексике русского языка. Куйбышев, 1983.
5. *Зильберт Б. А.* Тексты массовой информации. Саратов, 1991.
6. *Карасик В. И.* Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2000.
7. *Костомаров В. Г.* Русский язык на газетной полосе. М., 1971.
8. *Макаров М. Л.* Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1998.
9. *Попова Е. А.* Культурно-языковые характеристики политического дискурса (на материале газетных интервью). Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1995.
10. *Рождественский Ю. В.* Введение в общую филологию. М., 1979.
11. Роль языка в средствах массовой коммуникации. Сб. обзоров ИНИОН. М., 1986.
12. *Сиротинина О. Б.* Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999.
13. Физкультура и спорт в современных условиях: состояние, тенденции, перспективы. Омск, 2000.
14. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. Москва – Волгоград, 2000.
15. *Wodak R.* Disorders of Discourse. London: Longman. 1996.

Чужая речь и способы ее передачи (на материале корейского и русского языка)

© Чой Чжи Ен (Республика Корея), 2001

Сопоставление способов передачи чужой речи в корейском и русском языках представляет несомненный теоретический и практический интерес потому, что средства, обслуживающие выделенную семантическую зону данных языков, характеризуются очень большими различиями.

В корейском выражается эмплицитно указание на источник сведений говорящего относительно сообщаемого, в русском – в общем случае – подобная информация не является необходимой.

Важно также то, что в корейском языке представлена сложная система грамматикализованных и лексикализованных средств, с помощью которых в повествовании, передающем чужую речь, выражаются отношения между субъектами речевого акта и “третьим лицом”, о котором идет речь в сообщении, тогда как в русском прагматические смыслы данного типа выражаются нерегулярно.

Заметим, что есть определенные различия в описаниях способов передачи чужой речи, содержащихся в корейских и русских грамматиках.

1. Проблемы описания о чужой речи в лингвистической литературе

Говоря о передаче чужой речи, корейские исследователи предлагают пользоваться не только термином “речь”, но и термином “высказывание”.

В своей монографии «Русское языкознание» Ли Ин Ен утверждает, что при рассмотрении языка на коммуникативно-прагматическом уровне требуется новый термин для обозначения нового предмета, отличающегося от предложения, – коммуникативной единицы. “Если предложение в языковой структуре характеризуется объективностью, независимостью от говорящего или ситуации, то его употребление в речи имеет субъективный характер. Актуализированное предложение называется высказыванием (ср. английский термин *utterance*). Одно предложение может быть представлено в речи несколькими высказываниями. В частности, одно предложение выражает разные значения в качестве высказывания с помощью порядка слов и интонации” [Ли Ин Ен 1997:279]. “Высказывание – это предложение, рассматриваемое в коммуникативном аспекте. Во всех высказываниях имеется намерение говорящего, являющееся стремлением к утверждению содержания данного предложения, важного для ситуации речевого поведения” [Чжо

Нам Син 1997:461]. При рассмотрении вопроса о передаче чужой речи Ким Су Те уточняет содержание термина “высказывание”. Употребляя термин “чужая речь”, Ким Су Те отмечает, что этим термином обозначаются высказывания, выражаемые в форме прямой или косвенной речи.

Корейский лингвист Ли Фил Ен определяет чужую речь как представление чужого высказывания при помощи специальной языковой формы [Ли Фил Ен 1995:12]. По его словам, “прямая речь – это выражение, передающее чужое высказывание буквально, косвенная речь – это такое выражение, через которое субъект авторской речи передает основную мысль и слова чужого высказывания со своей точки зрения; для предложения, передающего чужую мысль, характерна абстрактность” [там же:194]. В книге «Корейский язык как иностранный» дано определение чужой речи как языковой формы, передающей чужие или свои (для говорящего) слова или мысли в другом времени и месте [Ен Се 1993:253].

В корейской лингвистике при рассмотрении интересующего нас явления различают “чужую” и “предчужую речь”. Отметим, что приметами “чужой” и “предчужой” речи считаются сказуемые вводящих чужую речь конструкций (глаголы типа *сказать* или *думать*). В группу глаголов типа *сказать* — глаголов речи — в корейских грамматиках включаются глаголы *сказать, кричать, удивляться, спросить, попросить, умолять, предлагать, побуждать, клясться, призывать, сообщать, насмехаться, ответить, приказать, объяснить, подчеркнуть, возразить* и др. В группу глаголов типа *думать* — глаголов мысли — у корейских авторов входят такие глаголы, как *думать, чувствовать, волноваться, беспокоиться, догадаться, решать, верить, знать, видеть, смотреть* и т.д.

Чужая речь – это конструкция, воспроизводящая чужие или свои слова, включающая глагол речи в качестве сказуемого авторских слов. Если же сказуемым в словах автора является глагол типа *думать*, то эта конструкция называется “предчужой речью” [Ли Сан Вок 1983]. Передача чужой речи, по Ли Сан Воку, – это воспроизведение “реального” высказывания, имевшего место в прошлом. Хотя конструкции предложений с чужой и предчужой речью ничем не различаются, чужая мысль – это не то, что чужая речь: она не являлась высказыванием. При передаче чужой мысли передается не реальный факт речи, а факт, сконструированный сознанием. Существенно, что говорящий предчужой речи не имел “личного доступа” к сообщаемому факту.

Однако есть и такие авторы, которые чужой речью называют конструкции, передающие чужие слова и мысли [Ли Кан Ло 1963, Кан Ин Сен 1977, Хэ Унь 1983, Нам Ги Сим 1985], то есть не различают “чужую” и “предчужую” речь.

Мы согласны с теми учеными, которые различают предчужую и чужую речь. В основе этого различия лежат признаки, которые можно описать как непосредственная/опосредованная информация. Ср:

.....
Чхэлсунын нукунка ондаго мархетта.

Чхэлсу сказал, что кто-то идет.
.....

Чхэлсунын нукунка ондаго сенкакхетта.

Чхэлсу подумал, что кто-то идет.

Если в первом предложении говорящий описывает наблюдавшуюся им ситуацию и передает услышанное им высказывание *Кто-то идет*, то во втором предложении говорящий сообщает о своем предположении (он не воспринимал непосредственно чужое высказывание). Хотя в конструкции соответствующих корейских предложений нет каких-либо различий, определяющихся выбором одного из указанных типов глаголов в составе слова автора, но благодаря тому, что предложение с глаголом типа *думать* выражает мысль, чувство, решение, догадку и т.п. “мысленные операции” самого говорящего, оно представляет собой такое предложение, в котором передается косвенная информация.

В корейском (как и в русском) языке есть различные средства передачи косвенной информации.

Чтобы передать опосредованную информацию (полученную говорящим через 3-их лиц), в корейском языке могут быть использованы описательные конструкции. Например:

.....
Нанын Чхэлсугесо чингуга нэил суопи иттаго мархеттаго дротта.

кто от кого Друг сказал, что завтра будет лекция услышал

От Чхэлсу я услышал, что его друг сказал, что завтра будет лекция.
.....

Чхэлсунын наеге чингуга нэил суопи иттаго мархеттаго хетта.

кто кому Друг сказал, что завтра будет лекция сказал

Чхэлсу сказал мне, что его друг сказал, что завтра будет лекция.

Если указывается на то, что информация получена от неопределенного лица, то в составе предложения не обозначается источник сообщаемого. Например:

.....
Нэил суопи ихттаго хадора.

(Я слышал) говорят, завтра будет лекция.

Выбор глагола в словах автора также указывает на характер получения информации о содержании чужой речи. Автор одной из недавних работ, посвященных описанию способов передачи чужой речи в корейском языке, разграничивает внешнее высказывание (речь) —

оно вводится глаголами типа *сказать* — и внутреннее высказывание (речь), вводящееся глаголами типа *думать*. Он пишет о том, что хотя и внутреннее, и внешнее высказывание могут обозначаться термином “речь”, глагол типа *думать* вводит мыслимое содержание, которое не выражается звуком, не наблюдается говорящим лично. Глаголами типа *думать* чужая мысль только передается субъектом авторской речи. В силу этого конструкция чужой речи с глаголом типа *сказать* может передать чужие слова любого человека, а конструкция чужой речи с глаголом типа *думать* может передать только мысль субъекта авторской речи. Ким Су Те пишет, что “глагол типа *думать* лежит на нейтральной позиции значения ‘сказать’” [Ким Су Те 1999:58-82].

В монографии Ким Су Те подчеркивается, что “передача чужой речи — это не только выражение чужого слова и мысли, но и языковая процедура передачи чужих слов с учетом ситуации чужого высказывания (“речи”) как одного факта” [там же: 12].¹

Автор книги предлагает рассматривать чужую речь, опираясь на понятия субъекта речи, автора, адресата и субъекта самого чужого слова. Отношение между фактом, чужой речью и его авторской передачей (реакцией на него автора) показывается в виде следующей схемы:



При рассмотрении способов передачи чужой речи корейские исследователи различают только прямую и косвенную речь. Большинство корейских лингвистов рассматривает чужую речь главным образом в формально-синтаксическом аспекте. Отмечается, что в письменном тексте чужая речь в виде прямой речи оформляется с помощью кавычек и дополнительных морфем, а в виде косвенной речи — только с помощью дополнительных морфем. Исследователи указывают, что при переходе прямой речи в косвенную изменяются лицо, время глагола, формы местоимений и дейктических слов (типа *здесь*, *сейчас*); в определенных типах речи используются соответствующие формы вежливости, указывающие на отношение говорящего к адресату [Ен Се 1993:253].

Предложения с прямой и косвенной речью в корейстике принято относить к сложно-подчиненным. Так, в «Очерке грамматики корей-

¹Работа этого автора (как, впрочем, и многих других) показывает, что корейские исследования чужой речи опираются на трансформационно-порождающую грамматику, разработанную Н. Хомским.

ского языка» А.А. Холодович пишет, что сложное предложение, в составе которого имеется придаточное, представляющее собою дословную, точную передачу чужих слов, называется сложным предложением с придаточным прямой речи, а сложное предложение, в составе которого имеется придаточное, содержащее пересказ чужих слов или мыслей, называется сложным предложением с придаточным косвенной речи. Главная часть такого сложного предложения указывает на то, кто является субъектом чужой речи, и на то, какое речевое действие он совершил (*сказал, спросил, ответил, подумал* и под.).

В русской грамматике, как известно, различаются прямая, косвенная и несобственно-прямая речь. Прямая и косвенная речь – это для корейского и русского языка соотносительные понятия; что же касается несобственно-прямой речи (НПР), то она характерна лишь для русского языка и является экспрессивной формой передачи чужой речи, совмещающей признаки речи прямой и косвенной.

2. Средства передачи чужой речи в корейском языке (в сопоставлении с русским).

В корейском языке существует несколько специальных морфем, служащих для передачи чужой речи: *раго, хаго, го*.

Корейские авторы по-разному определяют характер употребления этих средств. Так, Нам Ги Сим говорит, что *раго* используется в прямой, а *го* – в косвенной речи [Нам Ги Сим 1988]. Однако Ли Фил Ен сообщает, что такие морфемы не могут являться точными показателями прямой и косвенной речи [Ли Фил Ен: 1995]. Кэн Чже Ил пишет, что *го* используется и в прямой, и в косвенной речи, а *раго* в косвенной речи [Кэн Чже Ил 1998]. Другой исследователь отмечает, что *раго, хаго* употребляется в прямой, а *го* – в косвенной речи [Ким Су Те 1999]. Анализ способов передачи чужой речи в современном корейском языке подтверждает достоверность описания Ким Су Те [Ким Су Те 1999].

В корейском языке при выборе морфем, служащих для передачи чужой речи, учитываются окончания слов, выступающих в роли сказуемого чужой и авторской речи. Морфемы, указывающие на передачу чужой речи, следуют за окончанием единицы, которая употребляется в роли сказуемого чужой речи. Для корейского языка характерно разнообразие форм, выступающих в роли сказуемого в предложении. Отметим, что сказуемое стоит в конце корейского предложения. Слова, выступающие в роли сказуемого чужой речи, в необходимых случаях оформляются также показателями, выражающими категорию вежливости (различаются близкие, чужие, фамильярные, официальные отношения). Выбор показателя вежливости зависит не только от степени вежливости, но и от типа предложения и открытости/закрытости конечного

слога слова с соответствующим показателем². В корейских грамматиках различают 5 типов предложений: повествовательные, вопросительные, повелительные, пригласительные и восклицательные – и 6 степеней вежливости³.

Первая степень выражает отношение старшего к младшему по возрасту. Чаще всего используется, когда взрослый обращается к детям.

Вторая степень выражает дружественные, фамильярные отношения лиц одного возраста или с одинаковым социальным положением. Она используется также, когда старший (не старый) обращается к младшему; возможна, наконец между друзьями в разговорной речи. Эта степень выражает близкие отношения между говорящим и слушающим.

Третья степень употребляется при обращении лица среднего и старшего возраста — от 40 лет — к младшему, а также между друзьями старшего возраста. Эта форма вежливости выражает уважительное отношение к собеседнику. Ее использует, например, профессор в общении со студентом, отец – с другом своего взрослого сына.

Четвертая степень указывает на говорящего и слушающего с одинаковым (или почти одинаковым) социальным положением. Говорящий и слушающий, употребляющие формы этой степени вежливости, могут быть мужчинами старшего возраста, занимающими высокое социальное положение. В настоящее время эта форма постепенно уходит из разговорной речи.

Пятая степень выражает неофициальное уважительное отношение к собеседнику (в том числе к малознакомому или незнакомому лицу) и близость, интимность отношений между собеседниками. Форма этой степени – самая распространенная.

Шестая степень – показатель официального отношения к высокому лицу. Эта форма выражает официальность, учтивость и чаще всего используется при обращении к начальнику, в официальной речи, в публичных выступлениях, при передаче новостей по телевизору и радио. Форма этой степени употребляется и в официально-деловом стиле.

В таблице № 1 показаны способы оформления сказуемого, определяющиеся перечисленными факторами.

² Закрытость/открытость конечного слога определяется по корню инфинитива. Например, у инфинитива *патта* ('получить') корень *пат* (закрытый слог), у инфинитива *када* ('идти') корень *ка* (открытый слог).

³ В корейских грамматиках исследователями степени вежливости выделяются по-разному. Например, Suk Jin Chang различает только 3 степени, см. [Suk Jin Chang 1996]. Поскольку между традиционно выделяющимися 1-2, 3-4, 5-6 степенями имеются тонкие смысловые различия, мы говорим о 6 степенях. Отметим, однако, что неразличение указанных пар степеней не считается в настоящее время нарушением языкового этикета.

Таблица №1

Тип предложения по целеустановке и эмоциональности		Закрытый слог	Открытый слог
Повествовательное	I	Нанын фёнзилыл патнында. Я получаю письмо.	Нанын хаккёэ канда. Я иду в школу.
	II	Нанын фёнзилыл патда. Я получаю письмо.	Нанын хаккёэ ка. Я иду в школу.
	III	Нанын фёнзилыл патне. Я получаю письмо.	Нанын хаккёэ кане. Я иду в школу.
	IV	Нанын фёнзилыл патью. Я получаю письмо.	Нанын хаккёэ као. Я иду в школу.
	V	Нанын фёнзилыл патая. Я получаю письмо.	Нанын хаккёэ каё. Я иду в школу.
	VI	Нанын фёнзилыл патссыннида. Я получаю письмо.	Нанын хаккёэ капнида. Я иду в школу.
Вопросительное	I	Нонын фёнзилыл патни ? Ты получишь письмо ?	Ннын хаккёэ кани ? Ты идешь в школу ?
	II	Нонын фёнзилыл пата ? Ты получишь письмо ?	Нонын хаккёэ ка ? Ты идешь в школу ?
	III	Нонын фёнзилыл патнынга ? Ты получишь письмо ?	Нонын хаккёэ канынга ? Ты идешь в школу ?
	VI	Чжанэнын фёнзилыл патью ? Ты получишь письмо ?	Чжанэнын хаккёэ као ? Ты идешь в школу ?
	V	Кы сарамын фёнзилыл патая ? Он получит письмо ?	Кы сарамын хаккёэ каё ? Он идет в школу ?
	VI	Абочжинын фёнзилыл патссынника ? Отец получит письмо ?	Абочжинын хаккёэ капника ? Отец идет в школу ?

Повелительное	I(.....). Фёнзилыл пата- ра(патгора). Получи письмо.(.....). Хаккёэ кара(кагора). Иди в школу.
	II Фёнзилыл пата. Получи письмо. Хаккёэ ка. Иди в школу.
	III Фёнзилыл патге. Получи письмо. Хаккёэ каге. Иди в школу.
	IV Фёнзилыл патью. Получи письмо. Хаккёэ као. Иди в школу.
	V Фёнзилыл патаё. Получите письмо. Хаккёэ каё. Идите в школу.
	VI Фёнзилыл патыспсио. Получите письмо. Хаккёэ кассыпсио. Идите в школу.
Пригласительное	I Фёнзилыл патчжа. Давай получим письмо.	□□□ □□. Хаккёэ качжа. Давай пойдём в школу.
	II Фёнзилыл патча. Давай получим письмо. Хаккёэ ка. Давай пойдём в школу.
	III Фёнзилыл патысе. Давай получим письмо. Хаккёэ касе. Давай пойдём в школу.
	VI Фёнзилыл патпсида. Давай получим письмо. Хаккёэ капсида. Давай пойдём в школу.
	V Фёнзилыл патаё. Давайте получим письмо. Хаккёэ каё. Давайте пойдём в школу.
	VI Фёнзилыл паысичжиё. Давайте получим письмо. Хаккёэ касичжиё. Давайте пойдём в школу.
Воскли- цательное! Ксарами фёнзилыл пат- нынгуна! Он получит письмо!! Ксарми хаккёэ канынгуна! Он идет в школу!	

При передаче чужой речи должен учитываться и субъект слов автора. В корейском повествовании, передающем чужую речь, по характеру отношения к участникам речевого акта различаются 3 типа форм вежливости, выражающих:

- 1) уважительное отношение к субъекту, передающему чужую речь,
- 2) уважительное отношение к лицу-субъекту чужой речи,
- 3) уважительное отношение к слушающему.

Уважительное отношение к говорящему – субъекту авторских слов – выражается лексическими или морфологическими средствами. Например:

(а) **Профессор говорил** студентам: “Я поеду домой”.

Кёсунимын хаксеньдырэгэ “На хаккёэ кане”хаго **марссымхасиотта.**

В корейском соответствии данному предложению в силу того, что субъект авторских слов ('профессор') занимает более высокое положение, чем слушающий, глагол 'говорил' (*мархетта*), который употребляется в нейтральных высказываниях, нужно заменить на другой *марссымхасиотта*, выражающий уважительное отношение к подобному субъекту. Отметим, что специальный показатель *ним* (его можно перевести как 'господин'/ 'госпожа') свидетельствует об уважительном отношении к старшему и официальному лицу; он присоединяется, если речь идет о людях, занимающих высокую должность или связанных с уважаемой профессией (*профессор, преподаватель, учитель* и т.д.), а также о старших.

Покажем, как выражается уважительное отношение к лицу-субъекту чужой речи. Рассмотрим следующее предложение:

(б)

Кнын кёсуними очже ачиме **ттонасиоттаго** мархетта.

Он сказал, что **профессор уехал** сегодня утром .

В этом предложении субъектом чужой речи является уважаемое лицо ('профессор'). Его действие ('уехал') нужно обозначить так, чтобы было выражено уважительное отношение, для чего глагол *ттонатта* ('уехал') осложняется суффиксом *-си(ттонасиотта)*.

Что касается уважительного отношения к слушающему, то оно должно быть выражено говорящим по-разному в зависимости от того, кому адресована речь. Для этого используются грамматические и лексические показатели, а также обращения. Если слушающий (собеседник) будет старшим по возрасту или если он занимает более высокое социальное положение, говорящий обязан использовать, например, специальный показатель, присоединяющийся к обозначению адресата. Ср. предложения (а) и (в):

(в)

Хаксеньын кёсунимккэ “Чэга нэил каньыэ кагэтссыннида”раго **марссымтырётта.**

Я **сказал профессору**: “Завтра я буду на лекции”.

В последнем примере показатель *эге* – предложения(а), обращенного к студентам, заменяется на *-кке*, а глагол *мархетта* ('сказал') – на

Четвертая степень вежливости выражается показателем *-о*. В косвенной речи используется форма глагола-сказуемого с окончанием *-да*. Например:

1г) “.....” (.....)
Абэцжинын омоникке “На хаккёэ као” раго(хаго) марссымхасиотта.
 Отец сказал маме: “Я иду в школу”.
 1г')
Абэцжинын омоникке хаккёэ касиндаго марссымхасиотта.
 Отец сказал маме, что он идет в школу.

Следует отметить, что форма сказуемого авторских слов *марссым-хасиоттда* ('сказал') предложений (1в), (1в'), (1г), (1г'), в отличие от нейтральной формы *махетта* ('сказал'), также включает средство выражения категории вежливости: она содержит подчеркивающий уважение к говорящему лицу показатель *-си* и особое слово *марссым*, присоединяющееся к глаголу в тех случаях, когда субъект слов автора занимает высокое положение в социальной или возрастной иерархии.

Самой распространенной нейтральной вежливой формой является форма, выражающая пятую степень вежливости с помощью показателя *-ё*. Окончанием глагола-сказуемого косвенной речи является *-да*. Например:

1д) “.....” (.....)
Чхэлсунын омоникке “Чэга хаккёэ каё” раго(хаго) марссымтырётта.
 Чхэлсу сказал маме: “Я иду в школу”.
 1д')
Чхэлсунын омоникке чагига хаккёэ кандаго марссымтырётта.
 Чхэлсу сказал маме, что он идет в школу.

Выразителем шестой степени вежливости является показатель *-нида*. Если в сказуемом прямой речи используется показатель *-нида*, то форма сказуемого чужой речи в составе косвенной содержит *-да*. Например:

1е) “.....” (.....)
Хаксеньнын кёсунимккэ “Чэга нэил хаккёэ кагэссынида” раго(хаго) марссымтырётта.
 Студент сказал профессору: “Завтра я иду в школу”.
 1е')
Хаксеньнын кёсунымккэ чагига нэир хаккёэ кагэхдаго марссымтырётта.
 Студент сказал профессору, что завтра он пойдет в школу.

Как и при передаче повествовательных предложений, при передаче вопросительных предложений формы сказуемого прямой речи выражают различия степени вежливости разными формами; в косвенной речи сказуемое придаточной части представлено формой с показателем - **ныняго**. Особенности вопросительных предложений демонстрируют следующие примеры.

2а) “.....?” (.....)

Чхэлсунын наэге “Нэ хаккёэ кани?” раго(хаго) муротта.

Чхэлсу спросил меня: “Ты идешь в школу?”.

2а') “.....?”

Чхэлсунын наэге хаккёэ каныняго муротта.

Чхэлсу спросил меня, иду ли я в школу.

2а-1) “.....?” (.....)

Абочжинын наэге: “Нэ хаккёэ каныня?” раго(хаго) мурисиотта.

Отец спросил меня: “Ты идешь в школу?”.

2а-1') “.....?”

Абочжинын наэге хаккёэ каныняго мурисиотта.

Отец спросил меня, иду ли я в школу.

Предложения (2а) и (2а-1) выражают одну и ту же степень вежливости. Однако в предложении (2а) употребляется нейтральное сказуемое *муротта* ('спросил'), а в предложении (2а-1) сказуемое слов автора *мурисиотта* ('спросил') содержит суффикс *-си*, выражающий уважение к старшему. Таким образом, в составе чужой речи выражается вежливость по отношению слушающему, в составе авторских слов – вежливость по отношению к говорящему, передающему чужие слова.

2б) “.....?” (.....)

Чхэлсунын “Нэ хаккёэ ка?” раго(хаго) муротта.

Чхэлсу спросил: “Ты идешь в школу?”.

2б') “.....?”

Чхэлсунын хаккёэ каныняго муротта.

Чхэлсу спросил, иду ли я в школу.

2в) “.....?” (.....)

Абочжинын не чхингуэге “Чане хаккёэ канынга?” раго(хаго) мурисиотта.

Отец спросил моего друга: “Ты идешь в школу?”.

2в') “.....?”

Абочжинын не чхингуэге хаккёэ каныняго мурисиотта.

Отец спросил моего друга, пойдет ли он в школу.

2г) “.....?” (.....)

Абочжинын чхингубунэге “Чане хаккёэ као?” раго(хаго) мурисиотта.

Отец спросил своего друга: “Ты идешь в школу?”.

2г)

Абочжинын чхингубунэге хаккёэ каныняго мулысиотта.

Отец спросил своего друга, пойдет ли он в школу.

2д) “ ? ” (. . .)

Намчжанын “ Чхэлсуга хаккёэ каё? ” раго(хаго) муротта.

Он спросил: “ Чхэлсу идет в школу?”.

2д)

Намчжанын Чхэлсуга хаккёэ каныняго муротта.

Он спросил (о том), идет ли Чхэлсу в школу.

2е) “ ? ” (. . .)
.

Чхэлсунын омоникке “Абочжиккесэ хаккёэ кассипникка?” раго(хаго) йочжуотта.

Чхэлсу спросил у мамы: “ Отец пойдет в школу?”.

2е)

Чхэлсунын омоникке абочжиккесэ хаккёэ кассиньяго йочжуотта.

Чхэлсу спросил у мамы, пойдет ли отец в школу.

Отметим, что в предложениях (2е) и (2е') выражается уважительное отношение к слушающему и лексическими средствами: в них употребляется особое слово *йочжуотта* ('спросил'). В предложениях (2е) и (2е') выражено также уважение к субъекту передаваемого высказывания: показателем вежливости является суффикс *-си*, присоединяющийся к глаголу-сказуемому чужой речи.

Прямая речь следующего предложения с глаголом типа *думать* выражает сомнение и адресована самому говорящему; при переходе подобной прямой речи в косвенную снимается характер вопроса. Ср:

2ж) “ ? ” (. . .)

Чхэлсунын “Пига оркка?” раго(хаго) сенкакхетта.

Чхэлсу подумал: “Будет дождь?”

2ж)

Чхэлсунын пикаондаго сенкакхетта.

Чхэлсу подумал, пойдет ли дождь.

/3/ Повелительные предложения

В повелительном предложении в прямой речи тоже могут быть использованы разные формы категории вежливости. В косвенной речи, передающей содержание повелительного предложения, сказуемое чужой речи оформляется показателем *-ра*. Рассмотрим примеры.

3а) “ ? ” (. . .)

Абочжинын наэге “Нонын хаккёэ кара” раго(хаго) марссымхасиотта.

Отец сказал мне: “ Поезжай в школу”.

3а)
Абочжинын наэге хаккёэ караго марссымхасиотта.
 Отец сказал мне, чтобы я поехал в школу.

3а-1) ()
Абочжинын наэге “Нэнын хаккёэ кагора”раго(хаго) марссымхасиотта.
 Отец сказал мне: “Поезжай в школу”.

3а-1')
Абочжинын наэге хаккёэ караго марссымхасиотта.
 Отец сказал мне, чтобы я поехал в школу.

Предложения (3а) и (3а') различаются стилистически; предложение типа (3а) чаще употребляются молодыми, а предложения, подобные (3а'), – людьми старшего возраста.

б) ()
Чхэлсунын наэге “Нонын хаккёка”раго(хаго) мархетта.
 Чхэлсу сказал мне: “Поезжай в школу”.

3б)
Чхэлсунын наэге хаккёэ караго мархетта.
 Чхэлсу сказал мне, чтобы я поехал в школу.

3в) ()
Абочжинын “Чаненын хаккёэ каге”раго(хаго) марссымхасиотта.
 Отец сказал ему: “Поезжай в школу”.

3в')
Абочжинын кыэге хаккёэ караго марссымхасиотта.
 Отец сказал ему, чтобы он поехал в школу.

3г) ()
Абочжинын кы намчжаэге “Касио”раго(хаго) марссымхасиотта.
 Отец сказал ему: “Поезжайте!”.

3г')
Абочжинын кы намзаэге караго марссымхасиотта.
 Отец сказал ему, чтобы он поехал.

3д) ()
Чхэлсунын омоникке “Абочжиэге Касеё”раго(хаго) марссымтырётта.
 Чхэлсу сказал маме: “Поезжайте к отцу”.

3д')
Чхэлсунын омоникке Абочжиэге касираго марссымтырётта.
 Чхэлсу сказал маме, чтобы она поехала к отцу.

3е) ()
Кы намчжанын йэхенькекдырэге “Палли оссипсио”раго(хаго) мархетта.

Он сказал туристам: “Входите побыстрее”.

3е)

Кы намчжанын йэхенькекдырэге палли оссираго мархетта.

Он сказал туристам, чтобы они входили побыстрее.

/4/ Пригласительные предложения

Как в рассмотренных выше повествовательных, вопросительных и повелительных, в пригласительных предложениях в составе прямой речи возможны формы сказуемого, выражающие различия степени вежливости. При переводе прямой речи в косвенную в качестве окончания глаголов-сказуемых используется показатель **-чжса**.

Рассмотрим примеры.

4а) “ ” (. . .)

Омонинын наэге “Хаккёрэ качжса”раго(хаго) марссымхасиотта.

Мама сказала мне : “Давай поедem в школу”.

4а)

Омонинын наэге хаккёрэ качжсаго марссымхасиотта.

Мама предложила(букв. 'сказала') мне поехать вместе в школу.

4б) “ ” (. . .)

Хённын наэге “Хаккёро ка ”раго(хаго) мархетта.

Старший брат сказал мне: “Давай поедem вместе в школу”.

4б)

Хённын наэге хаккёро качжсаго мархетта.

Старший брат предложил(букв. 'сказал') мне поехать вместе со мной в школу.

4в) “ ” (. . .)

Кёсунимын хаксеньэге “Хаккёрэ касе”раго(хаго) марссымхасиотта.

Профессор сказал студенту: “Давай поедem в школу”.

4в)

Кёсунимын хаксеньэге хаккёрэ качжсаго марссымхасиотта.

Профессор предложил (букв. 'сказал') студенту вместе поехать в школу.

4г) “ л | ” (. . .)

Абочжинын кы сарамэге “Хаккёро касицида”раго(хаго) марссымхасиотта.

Отец сказал ему: “Давайте поедem в школу”.

4г)

Абочжнын кы сарамэге хаккёро касичжсаго малссымхасиотта.

Отец предложил (букв. 'сказал') ему вместе поехать в школу.

4д) “ ” (. . .)

Нанын хённэге “Хаккёро каё ”раго(хаго) мархетта.

Я сказал старшему брату: “Давайте поедem вместе в школу”.

одна форма каждого типа предложения(см. таблицу №2 на стр.21). При передаче чужой речи, представляющей собой предложение со сказуемым, выраженным прилагательным или существительным в сочетании со служебным глаголом *хада*, прилагательное и существительное оформляются такими же показателями, как и самостоятельные глаголы(ср. таблицы № 2, 3 на стр. 21-22).

В прямой речи, как было показано, могут использоваться морфемы *раго* и *хаго*. Между ними существует следующее тонкое смысловое различие. Если в предложении выражается значение результата(независимо от того, в какой момент он достигнут), то чаще всего используется *раго*. Однако, чтобы описать наблюдаемое явление, происходящее в настоящий момент, предпочтительнее использовать *хаго*. Ср:

(1и) ■ ■ ■ “ ■ ■ ■ ” ■ ■ ■ ■ ■ .
Чхэлсунын “ Пика воа ”раго мархетта.
 Чхэлсу сказал : “Идет дождь”.

(1к) ■ ■ ■ “ ■ ■ ■ ” ■ ■ ■ ■ ■ .
Чхэлсунын “ Пика воа ” хаго вечотта.
 Чхэлсу кричал : “ Идет дождь”.

Предложение (1и) выражает то, что говорящий сообщает об известном ему ненаблюдаемом или наблюдаемом факте (‘идет дождь’), а предложение (1к) передает то, что говорящий видит (‘идет дождь’).

В частности, если говорящий имеет “личный допуск” к фактам, если в форме прямой речи передается высказывание с показателями, явно свидетельствующими о наблюдаемости сообщаемого (звукоподражаниями, междометиями, обращениями), то используется *хаго* [Ли Фил Ен1995:44]. Например:

■ ■ ■ “ ■ ■ ■ ” ■ ■ ■ ■ ■ .
Чхэлсунын “ Мансе! ”хаго вечотта.
 Чхэлсу кричал: “Ура ! ”.

■ ■ ■ “ ■ ■ ■ ” ■ ■ ■ ■ ■ .
Кега “ Монь Монь ! ”хаго чиннында.
 Собака лает: “Гав, гав! ”.

Следует отметить, что чужая речь может передаваться корейским языком и без помощи специальных морфем. В том случае, когда сказуемым авторской речи является глагол *хада* (‘делать’), соответствующий при передаче чужой речи глаголу говорения, особая морфема, служащая для передачи чужой речи, не употребляется. Приведем примеры.

■ ■ ■ “ ■ ■ ■ ■ ■ ■ ■ ” ■ ■ ■ (■ ■ ■) ■ ■ ■ ■ ■ .
Чхэлсунын “ Не тонъсенъи катое ”раго(хаго) мархетта.
 Чхэлсу сказал: “ Младший брат ушел”.

■ ■ ■ “ ■ ■ ■ ■ ■ ■ ■ ” ■ ■ ■ ■ ■ .

Чхэлсунын "Не тонъсеъни катое" *хетта*.

Чхэлсу сказал: "Младший брат ушел".

• • • • •

Чхэлсунын чаги тонъсеъни чжоттаго *мархетта*.

Чхэлсу сказал, что его младший брат проиграл.

• • • • •

Чхэлсунын чаги тонъсеъни чжотта *хетта*.

Чхэлсу сказал, что его младший брат проиграл.

В приведенных примерах употребляется *хада* ('делать') в форме прошедшего времени *хетта* ('делал'): это синоним глагола *мархетта* ('сказал').

Если в прямой речи используется глагол *хада* как глагол говорения, то в этом случае не употребляется *хаго*: в таких предложениях в качестве морфемы, служащей для передачи чужой речи, используется только *раго*. Это объясняется тем, что форма *хаго* образована от глагола *хада*. Дважды глагол *хада* не может быть использован. Ср :

• • • " • • • " • • (• •) • • •

Чхэлсунын "Нэил олкке" *раго(хаго)* *мархетта*.

Чхэлсу сказал: "Завтра я приду".

Таблица №2: показатели прямой речи

Примечание: в таблицах № 2 и 3 используются следующие условные знаки:

Г – глагол; П – прилагательное; С — существительное(в именном сказуемом); () – знак стилистического варианта; / – знак варианта на согласный/на гласный.

Типы предложения	Сказуемое, выраженное разными частями речи	Степени вежливости						Морфемы прямой речи
		I	II	III	IV	V	VI	
Повествовательное	Г	-нда	-а	-не	-о	-ё	-пнида	раго(хаго)
	П	/-нында						
	С	— да	-я					
Вопросительное	Г	-ни	-а	-нынга	-о	-ё	пникка	
	П	(-ныня)						
	С	-ни	-я					
Повелительное	Г	-ора (-ара)	-а	-ге	-ыо/-о	-ё	-псио (-псиё)	
Пригласительное	Г	-чжа	-о/-а	-се	-псида	-ё	-чжиё	
Восклицательное	Г	-гуна (-гун) (-умон) (-гурё)						хаго
	П	-гуна (-гун) (-умон) (-ара/-ора)						
	С	-и/-гуна (гун) (-игумон/-гумон)						

Таблица № 3: показатели косвенной речи

Типы предложения	Сказуемое, выраженное разными частями речи			Морфема косвенной речи
	Г	П	С	
Повествовательное	-да/-нда	-да	-ира/-ра	го
Вопросительное	-ныня(-ня)	-ныня(-ня)	-ня	
Повелительное	-ра	---	---	
Пригласительное	-чжа	---	---	

.....
Чхэлсунын “Нэил олкке”раго хетта.
Чхэлсу сказал: “Завтра я приду”

*.....
*Чхэлсунын “Нэил олкке”хаго хетта.
*Чхэлсу сказал: “Завтра я приду”-сказал.

.....
Чхэлсунын нэил ондаго мархетта.
Чхэлсу сказал, что он придет завтра.

.....
Чхэлсунын нэил ондаго хетта.
Чхэлсу сказал, что он придет завтра.

В корейском языке существует еще одна особая форма для передачи чужой речи. Сказуемое слов автора может выражаться существительным в винительном падеже с формантам *-хагирыл*. Подобное существительное соотносительно с глаголами говорения. Его формант *-хагирыл* делится по составу на две части: *-хаги* – субстантивированную форму глагола – *хада* и окончание винительного падежа *-рыл*. Такое существительное предшествует чужой речи и сопровождается дополнительным сказуемым, следующим за чужим высказыванием. В этих конструкциях в качестве сказуемого авторской речи употребляется глагол говорения *хада*. Например:

.....
Чхэлсуга мархагирыл “Нэил нега калкке” хетта.
Чхэлсу сказал: “Завтра я приду”.

.....
Чхэлсуга тедапхагирыл нэил чагига кандаго хетта.
Чхэлсу ответил, что он придет завтра.

В первом предложении существительное, выступающее в роли дополнительного сказуемого (*мархаги*), образуется от глагола *мархада* ('сказать'); во втором предложении аналогичное существительное *тедапхаги* образовано от глагола *тедапхада* ('ответить').

Таким образом, в корейском языке средства, используемые для передачи чужой речи, имеют чрезвычайно разнообразные семантические и стилистические различия. Прямая и косвенная речь различаются не только специальными морфемами, но и особыми глагольными формами, формами местоимений, дейктическими словами, некоторыми другими лексическими единицами, а также показателями вежливости.

3. Вопрос о НПР в корейском языке

В отличие от русистов, при рассмотрении способов передачи чужой речи корейские исследователи не описывают несобственную прямую речь и явление цитации. Впрочем, фрагмент выделенной чужой речи корейцы также называют цитатой. Что касается НПР, то нам кажется, это что понятие для корейского языка не является необходимым.

Как известно, в русской несобственно-прямой речи вообще отсутствует глагол говорения, она может вводиться как самостоятельным, так и придаточным предложением и характеризуется определенными правилами замены личных местоимений и глаголов. Как отмечают исследователи, “несобственно-прямая речь – это прием, с помощью которого сокращается дистанция между повествователем и героями” [Джанджакова 1983: 17]. Корейский язык не позволяет изменять дистанцию между повествователем и участниками речевого акта.

Чтобы показать, как русскую прямую, косвенную и несобственно-прямую речь можно перевести на корейский язык, сравним следующие русские предложения и их корейские соответствия (русские примеры взяты из [Джанджакова 1983: 16-17]).

Брат был против, он сказал: “Как же, так я и согласился на это!”

..... “.....
! ” ()

Оппанын панде хетта. Книн “Оччэсэ нега кыгосе чхансонъхесэя хе” раго(хаго) мархетта.

Брат был против, он сказал, что не согласится на это.

.....
Оппанын панде хетта. Книн кыгосе чхансонъхачжи аннындаго мархетта.

Брат был против. Как же, так он и согласился на это.

.....
Оппанын панде хетта. Оччэсэ нега кыгосе чхансонъхесэя хе.

В корейском переводе “бывшая” русская НПР отличается тем, что личное местоимение 3 -го лица превращается в личное местоимение 1-го лица (*нега* 'я'), а это означает, что в корейском соответствии стирается важнейшее отличие НПР от прямой. При переводе русской НПР ее корейское соответствие сближается к прямой речи: она передается как реплика диалога, как внутренняя речь. По нашим наблюдениям, в переводах русских литературных произведений на корейский язык встречается два варианта передачи НПР. Мы рассмотрели корейские переводы следующих русских контекстов:

(1) *Вот этого-то именно и боялась Арина Петровна, это-то именно и составляло суть того неясного представления, которое бессозна-*

тельно тревожило ее: "Да он явится, ему некуда больше идти- этого не миновать. Он будет здесь, вечно у нее на глазах, клятый, постылый, забитый!. Для чего же **она** бросила ему в то время кусок! Она, думала, что получив "что следует", он канул в вечность, а он возвращается. М.Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы. [Перевод Ли Гю Хоан:2000]

(2) Пашута напрочь забыла о существовании этого платья — и вот оно, во исполнение воли усопшей, сразу же ей под руки... Там было и все остальное: тонкие шерстяные чулки, чунчики, как их называла мать, — что-то вроде мягких низких сапожек с меховым отворотом, темный платок, нижее... Мать готовилась к смерти. В восемьдесят четыре года как не готовиться!.. Но сложено и поднято наверх было недавно, в близком и ясном предчувствии — как для заказанной бани. Невольно начинала всматриваться в то первое, что надо делать. Нет, никому **она** мать не отдаст, вымоет сама. Хотя это вроде не полагается — самой. Бог простит. Богу, похоже, придется прощать ей многое. В. Распутин. В ту же землю. [Перевод Ли Су Конь:1997]

(3) А ведь это только начало. Но она управлялась почти бесчувственно, без страдания, с какой-то стылостью и глухотой, подгоняя себя: далее, далее... Не дочь это хлопотала над матерью, а какое-то неловкое и бездушное обряжающее существо, взявшееся не за свое дело. Ей и самой становилось страшно за свою опустошенность: уж человек ли еще **она**? В. Распутин. В ту же землю. [Перевод Ли Су Конь:1997]

Личное местоимение 3-го лица НПР этих фрагментов текста переводится на корейский язык и как личное местоимение 1-го лица (1), и как личное местоимение 3-го лица — (2) и (3). Таким образом, на корейский язык НПР передается или как внутренняя речь персонажа –при использовании местоимения 1-го лица, или как внутренняя речь, описанная в авторском повествовании, – при использовании местоимения 3-го лица.

* * *

Итак, в корейском языке основные способы передачи чужой речи имеют множество вариантов и стилистических модификаций. Имеются особые морфемы, указывающие на чужую речь. Прямая речь оформляется показателями вежливости, однако при переходе прямой речи в косвенную они снимаются. Корейская прямая и косвенная речь сопоставима с русской прямой и косвенной речью. Русская же НПР не имеет в корейском регулярного соответствия.

Л и т е р а т у р а

1. Джанджакова 1983 — Джанджакова Е.В. Анализ художественного прозаического текста. М., 1983.
2. Джанджакова 1986 — Джанджакова Е.В. Реализация компонента “автор–читатель” в художественном тексте//Научные труды Московского государственного педагогического института иностранных языков. Вып.272. М., 1986.
3. Кожевникова 1994 — Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе XIX-XX вв. М.,1994.
4. Ен Се 1993 – Ен Се. Корейский язык как иностранный. Сеул, 1993.
이은서, 1993.
5. Кан Ин Сен 1977 – Кан Ин Сен. Структуры передачи чужой речи в 15 веке. Сеул, 1977.
이은선, 15세기, 1977.
6. Ким Су Те 1999 – Ким Су Те. Исследование конструкций чужой речи. Вусан, 1999.
김수태, 1999.
7. Ли Ин Ен 1997 – Ли Ин Ен. Русское языкознание. Сеул, 1997.
이은연, 1997.
8. Ли Кан Ло 1968 – Ли Кан Ло. Исследование типа высказывания в современном корейском языке//Ученые записки педагогического университета г. Ин Чона. Ин Чон, 1968, № 3.
이관로, 1968.
9. Ли Сан Вок 1983 – Ли Сан Вок. Исследование конструкций чужой речи в корейском языке//Язык. Сеул, 1983, № 1.
이산복, 1983.
10. Ли Фил Ен 1995 – Ли Фил Ен. Исследование конструкций чужой речи в корейском языке. Сеул, 1995.
이필연, 1995.
11. Нам Ги Сим, Ко Ен Гын 1985 – Нам Ги Сим, Ко Ен Гын. Грамматика современного литературного корейского языка Сеул, 1985.
남기심, 고은근, 1985.
12. Плунгян 2000 — Плунгян В. А. Общая морфология. М., 2000.
13. Холодович 1954 — Холодович А.А. Очерк грамматики корейского языка. М., 1954.
14. Хэ Унь 1983 – Хэ Унь. Корейское языкознание. Сеул, 1983.
허운, 1983.
15. Чжо Нам Син 1997 – Чжо Нам Син. Современное русское языкознание. Сеул, 1997.
조남신, 1997.
16. Kee Dong Lee 1997 – Kee dong Lee. A korean grammar on semantic-pragmatic principles. Seoul, 1997.
17. Suk Jin Chang 1996 – Suk Jin Chang. Korean. Amsterdam/Philadelphia. 1996.
18. Kuh Kih Seong 1998 — Kuh Kih Seong. Koreanisch. Bonn, 1998.

Фразеологический образ в коннотативном аспекте (на примере соматических фразеологизмов русского и корейского языков)

© Чой Юн Хи (Республика Корея), 2001

Проблема внутренней формы (ВФ) фразеологической единицы (ФЕ), или фразеологического образа, неминуемо возникает при рассмотрении вопроса о целостном значении фразеологизма (соотношение компонентов фразеологизма и целостное его значение). "Целостное значение возникает вследствие расшифровки реального или нереального образа, лежащего в основе фразеологизма" [Жуков 1978: 5].

Фразеологический образ связывает фразеологическое значение с реальным значением компонентов, из которых он состоит. В зависимости от пути формирования фразеологического значения отмечено наличие двух различных групп ФЕ. Различие между этими группами состоит в том, что одна из них включает ФЕ, образованные путем метафоризации свободного словосочетания, другая группа включает ФЕ, образованные на базе переносного значения слова свободного употребления, т. е. эти группы ФЕ отличаются друг от друга механизмом формирования фразеологического значения, степенью участия образа в формировании целостного значения фразеологизма.

Фразеологизмы, образованные на базе одного из переносных значений слова в свободном употреблении, имеют прозрачную внутреннюю форму, в них со всей определенностью просматривается тот образ, который послужил основой возникновения нового смысла.

Иначе обстоит дело с фразеологизмами, образованными в результате метафоризации целого словосочетания, которое продолжает функционировать в свободном варианте уже после того, как дало жизнь фразеологической единице. Вместе с потерей словесных качеств компонентов неразложимым становится фразеологический образ (образ не расшифровывается).

Фразеологический образ – это, можно сказать, семантическая основа, на которой происходит формирование фразеологического значения и переосмысление компонентов. При осмыслении образа наблюдается отвлечение, отход от словесной основы внутренней формы, т. е. образ не всегда может быть выведен из значения каждого компонента. В результате этого общее значение фразеологизма может передаваться такими словами, которых нет в составе исследуемого фразеологизма как его компонентов.

Присутствие фразеологического образа ощущается не во всех типах фразеологизмов. Многие обороты давно уже утратили свою внутреннюю форму. Если внутренняя форма слабо воспроизводится, то значение этого фразеологизма становится менее мотивированным и, следовательно, более целостным. Чем слабее осознается внутренняя форма, тем сильнее утрачены словесные качества компонентов. Степень утраты словесных качеств влияет на степень целостности фразеологического значения. Степень целостности фразеологического значения зависит от степени близости понимания образа, положенного в основу данного оборота.

Постепенно образ, положенный в основу наименования фразеологизма, может исчезнуть, и тогда появляются совершенно немотивированные фразеологизмы типа сращений. Например – "сломя голову". С исчезновением образа связь между фразеологическим значением и его формой (словесной оболочкой) становится условнее, и компоненты растворяются в целом. Общее значение фразеологизма, а не образ, выполняет в первую очередь коммуникативную функцию и является единственно актуальным значением" [Жуков 1967: 111].

Нельзя считать, что фразеологизмы типа сращений лишены внутренней формы. Эти ФЕ возникли на основе образа, который с течением времени исчез, но источник возникновения этих фразеологизмов в большинстве случаев можно восстановить путем их этимологического анализа.

Некоторые фразеологизмы сохраняют мотивировку своего значения и в то же время лишены образной основы. Например: "на дружеской ноге", "находить общий язык" и т. д. Значение этих фразеологизмов не опосредовано внутренним образом. Семантика таких фразеологизмов выводится из значения каждого компонента. Компоненты этих фразеологизмов сохраняют в какой-то степени словесные свойства.

Из всего этого следует, что фразеологический образ определяется:

1. степенью целостности фразеологического значения,
2. степенью семантической самостоятельности компонентов.

Наличие или отсутствие фразеологического образа (внутренней формы) влияет на степень целостности фразеологического значения. У фразеологизмов с внутренней формой степень семантической целостности больше, а степень семантической самостоятельности компонентов меньше. У фразеологизмов с отсутствием внутренней формы степень семантической целостности меньше, а степень семантической самостоятельности компонентов больше.

Одна из основных функций фразеологизма – это выражение отношения говорящего к другим людям, к предмету сообщения.

Эти коннотативно-оценочные возможности ФЕ связаны со свойством образности. Образность как объективное свойство большей части фразеологизмов реализуется в наглядных представлениях, предметно-вещественных ассоциациях. В. М. Мокиенко пишет: "Под образностью понимается способность языковых единиц создавать наглядно-чувственные представления о предметах и явлениях действительности" [Мокиенко 1960: 207].

Термин "коннотация", как известно, понимается лингвистами по-разному. "Это – экспрессия, эмоции, оценки, сложная гамма отношений к миру объективных явлений, к предмету речи, к собеседнику, к самой ситуации речи и т. д. Иными словами, все, что обозначено в лингвистике термином "коннотация" [Чернышева 1977: 38]. Большинство ученых относят коннотацию к семантике языковой единицы, но здесь мнения ученых расходятся в том, какие компоненты содержания считать коннотативными. К коннотациям относят обычно экспрессивно-образное, эмоционально-образное, эмоционально-оценочное и морально-оценочное содержание. Иногда как коннотации трактуются также стилистические свойства слов и фразеологических единиц (В. Н. Вакуров, И. А. Стернин, А. М. Мелерович).

В процессе фразеологизации компоненты свободного словосочетания теряют свои первичные значения, они растворяются в новом общем значении ФЕ. Однако слова-компоненты подчиняются общим законам сочетаемости лексем в данном языке, поэтому они и способны создать образ, который оказывается в основе мотивированности ФЕ. Образно-мотивированные единицы более, чем отдельные слова, могут быть выразительным обозначением реалий и входить в обиход именно в этих новых значениях. Появление метафорического переносного значения у слов-компонентов ФЕ не зависит от возникновения новых предметов или понятий, оно связано со "способностью любого носителя языка индивидуально реагировать на окружающий мир и использовать имеющиеся у него средства выражения для передачи своих субъективных ощущений, которые могут стать достоянием всего языкового коллектива" [Черданцева 1977: 14].

Формирование значения фразеологизма аналогично появлению метафорического переносного значения слова. Одной из важнейших особенностей значения ФЕ по сравнению со значением слова является утрата денотативных сем словами, входящими в ее состав. Т. З. Черданцева пишет по этому поводу: "... будучи косвенной номинацией, фразеологизм, обозначая ту или иную ситуацию, пользуется уже готовыми знаками не в их прямом или даже переносном значении, а скорее в связи с теми ассоциациями, которые они могут вызывать у говорящего и слушающего в определенной ситуации... во фразеологизмах на первый

план выступают коннотативные семы компонентов" [Черданцева 1977: 62].

Если одни лингвисты (О. С. Ахманова, Н. Н. Амосова и др.) считают, что во фразеологической единице цельность номинации довлеет, то другие (Е. Н. Толикина) выдвигают на первый план коннотативно-оценочную функцию.

Согласно концепции М. М. Копыленко и З. Д. Поповой, семантическая структура фразеологизма, как и семантическая структура слова это совокупность денотативного элемента и коннотативного. Но преобладание коннотативно-оценочной функции над номинативной утверждают все фразеологи. Коннотативный компонент значения фразеологизма служит для формирования образа, который лежит в основе фразеологизма.

Коннотативный компонент включает экспрессивно-стилистические, образно-экспрессивные, эмоциональные и оценочные возможности ФЕ.

Необходимо также подчеркнуть, что вследствие большой зависимости коннотаций от реальной ситуации, от характера отражения этой ситуации в тексте целесообразно связывать все проявления эмоциональности, оценочности и экспрессивности с объективными условиями их возникновения.

Экспрессивность, понимаемая как компонент коннотаций, семантической функцией которого является усиление содержания, составляющего денотативный и коннотативный аспект значения, присуща большинству анализируемых нами соматических ФЕ (СФЕ). Экспрессивность тесно связана с эмотивностью, трактуемой как выражение эмоционального отношения субъекта к высказываемому.

Каждому исходному сочетанию слов присуща экспрессивность и эмотивность, которые становятся принадлежностью внутренней формы ФЕ и в то же время служат основой экспрессивной и эмотивной окрашенности фразеологического значения.

Понятия экспрессивности и эмотивности находятся в тесной связи с понятием образности. В. Н. Телия считает, что наиболее продуктивным способом создания экспрессивной окраски слов и выражений является ассоциативно-образное переосмысление значений, в основе которого лежат тропы [Телия 1986: 71], причем, чем эмоциональнее процесс мышления, тем он образнее, нагляднее.

Даже в том случае, когда одноименное словосочетание не обладает экспрессивным компонентом значения, соответствующей образной ФЕ присуща экспрессивность.

Функция ВФ в формировании экспрессивных и экспрессивно-эмотивных образных ФЕ не подвергается сомнению, т. к. благодаря ей

обеспечивается наличие двух членов в трехчленной структуре образности. При этом в образовании экспрессивной и экспрессивно-эмотивной окрашенности образных ФЕ участвует всё значение одноименного словосочетания, выполняющее роль внутренней формы ФЕ.

Важную роль в формировании экспрессивности и эмотивности играет прием, выступающий в роли механизма фразеологизации (метафора, метонимия). По свидетельству А. Л. Кораловой, метафора, по сравнению с метонимией, представляет собой более мощное средство создания образности, т. к. вскрывает более глубокие связи между сопоставляемыми явлениями. "Отдаленность сопоставляемых понятий прямо пропорциональна вероятности возникновения образа" [Коралова 1975: 47].

Существенно замечание А. В. Кунина о том, что "одним из фактов, усиливающих экспрессивную и экспрессивно-эмоциональную окраску ФЕ, является необычное сочетание компонентов, непривычное сложение смыслов, не встречающееся в свободных словосочетаниях" [Кунин 1970:19]. Это замечание относится к ФЕ, образованным на базе потенциальных фразеологизмов, минуя стадию переменного словосочетания.

Одной из специфических особенностей потенциальных фразеологизмов является то, что они образуются специально как прототипы ФЕ и уже на стадии потенциального фразеологизма в них целенаправленно заложена коннотация. Этот факт и объясняет, почему подобные образные фразеологизмы обладают высокой степенью экспрессивности и эмоциональности.

Самым сложным считается механизм создания фразеологической оценки через посредство ВФ. Нам представляется, что этот механизм мог бы быть описан следующим образом.

По мнению А. В. Кунина, оценка – объективно-субъективное или субъективно-объективное отношение человека к объекту, выраженное языковыми средствами эксплицитно или имплицитно.

Проблема выражения оценки в языке относится к числу наиболее сложных научных проблем. В современной лингвистике существуют различные подходы к определению сущности категории оценки и ее взаимосвязи с такими категориями, как эмоциональность и экспрессивность. Во-первых, выделяют слова и фразеологизмы с оценочным значением. "Под оценочным значением понимается положительная или отрицательная характеристика лица или предмета со стороны его устойчивых, постоянных свойств, а не случайных и временных" [Жуков 1978: 57]. "Существует множество дополнительных оценочных (аксиологических) смыслов, сопутствующих значению ФЕ или даже составляющих его основу. Характеризующая функция ФЕ – отражение и закрепление в семантике единицы отношения говорящего к сообщаемому

– по своему существу является объективно-субъективной оценкой. Аксиологический компонент отражает человеческий фактор в семантике единицы, входит в структуру значения подавляющего числа идиом и представляет собой важнейшую характеристику фразеологизма" [Диброва 1995: 122].

Во-вторых, выделяются фразеологизмы с оценочным употреблением, когда в одном контекстном окружении фразеологические обороты обладают функциональным свойством оценки, а в другом – нет. Фразеологические новообразования всегда совмещают в себе оценочность значения и оценочность употребления, что определено природой данных речевых явлений.

Объективный (дескриптивный, признаковый) компонент оценки детерминируется собственными свойствами предметов и явлений» на основе которых выносится оценка, в то время как субъективный компонент предполагает положительное или отрицательное отношение субъекта оценки к ее объекту.

Объективный и субъективный компоненты оценки тесно переплетаются и сосуществуют в семантике ФЕ.

Итак, значение ФЕ предполагает обязательное наличие определенного коннотативного компонента. Это значение ФЕ возникает в связи с необходимостью выразить субъективное отношение говорящего к миру объективных явлений. Справедливо отмечает Т. З. Черданцева: "Образ становится тем «промежуточным звеном», благодаря которому лингвисту удастся установить значение особых знаков – ФЕ, которые состоят из слов-компонентов" [Черданцева 1977: 65]. Коннотативный компонент значения ФЕ создается на основе образа. Коннотация, по определению Е. Н. Толикиной, это экспрессия, эмоции, оценки, сложная гамма отношений к миру объективных явлений, к предмету речи, к собеседнику, к самой ситуации речи. Фразеологический образ является одним из основных компонентов плана содержания фразеологизма, ибо с помощью фразеологической образности, с помощью коннотативного компонента значения фразеологизма можно выразить в яркой эмоциональной форме свое отношение к происходящему, к людям.

"Формирование целостного значения у многих фразеологизмов определяется фактором образности метафоризации," – пишет В. П. Жуков [Жуков 1967: 348]. Акад. Б. А. Ларин считает, что решающим условием преобразования простого предложения в идиоматическое было семантическое обогащение, называемое метафоризацией, сущность которого в расширении и обобщении значения в сторону образной типичности. Эту мысль утверждает и С. Г. Гаврин: "Особая яркость, красочность, которую придают речи фразеологизмы, достигается тем, что в их построении удачно использованы самые разнообразные средства образной вы-

разительности: переносное, метафорическое значение, фигуры поэтического синтаксиса, аллитерация, ассонанс и т. д." [Гаврин 1974: 86]. Итак, все исследователи подчеркивают, что тропы имеют большое значение в формировании ФЕ.

Все лингвисты единогласно утверждают, что в процессе образования фразеологизмов происходит семантическая перестройка их компонентов. А. Л. Коралова отмечает, что именно частичная или полная переосмысленность значений компонентов ФЕ является необходимым (хотя и недостаточным) условием наличия в них образности. Фразеологический образ возникает из взаимодействия двух значений. С одной стороны, компоненты фразеологизма утрачивают предметную соотнесенность, и номинативную функцию начинает выполнять фразеологизм в целом. С другой стороны, внутреннее содержание остается мотивированным, т. к. ясна внутренняя форма, которая базируется на соотношении с переменными словосочетаниями такого же лексического наполнения.

Анализ внутренней формы фразеологизма важен не только для изучения номинативной и коннотативно-оценочной функции ФЕ, но и необходим для анализа плана содержания ФЕ. Исследование фразеологизма в единстве плана содержания и плана выражения является более полноценным, т. к. сопоставление актуальной семантики фразеологизма с формами его лексико-грамматической репрезентации дает возможность анализа внутренней формы фразеологизма. Образ, лежащий в основе фразеологизма, исследуется на фоне переменного словосочетания такого же лексического состава. Именно такой тип анализа позволяет выявить как специфику фразеологического значения, так и пути его структурно-семантического моделирования в связи и на основе фразеологического образа.

Многие лингвисты (Б. А. Ларин, А. Ф. Ефремов, А. Н. Гвоздев, Г. А. Дементьева и др.) склонны ограничивать фразеологический корпус русского языка только экспрессивно-образными устойчивыми сочетаниями. Однако образность не является единственным его свойством, хотя считается одним из главных свойств фразеологизма. Фразеологизм может быть безобразным, при этом снижается его эмоционально-экспрессивное воздействие.

Основной предмет исследования в статье – изучение фразеологического образа в соматических фразеологизмах, особенностей его выражения, изучение общекультурных слов-символов в построении фразеологических универсалий.

В нашей статье будет дан ономазиологический анализ в плане сопоставления русских и корейских фразеологизмов, входящих в одну и ту же подгруппу соматических фразеологизмов. Признавая, что все

разноуровневые элементы внешней структуры фразеологизма, т. е. лексический состав компонентов, их морфологическое оформление и синтаксическая организация являются средствами воплощения фразеологической образности, мы исходим из того, что фразеологический образ может носить универсальный характер независимо от специфики грамматического строя конкретных языков. В нашей работе мы рассматриваем только одну категорию плана выражения, т. е. лексический состав для анализа плана содержания. Ономастологическая направленность анализа позволяет увидеть, что вслед за общностью семантики ФЕ, входящих в различные фразеосемантические подгруппы двух сопоставляемых языков, существует близость образной основы этой семантики.

Для сравнительного изучения фразеологизмов двух языков в семантическом плане необходимо учитывать семантическую классификацию ФЕ. Эта мысль вытекает из положения о системности языка и всех его уровней. Справедливо отмечает А. В. Кунин наличие системных отношений ФЕ. Фразеологическая единица не существует вне системы данного языка, она системно связана с другими ФЕ и словами. Одним из путей системного изучения ФЕ является построение семантической классификации методом поля.

Для исследования образной структуры фразеологизмов и для демонстрации коннотативного компонента в семантике ФЕ используется в лингвистике ономастологический анализ. Ономастологический аспект исследования рассматривает любые языковые единицы в направлении от значений и функций к выражающим их языковым формам. Ономастологический анализ направлен от плана содержания ФЕ к плану ее выражения, т. е. от актуальной семантики ФЕ к тому, что именно привело к такому результату. От значения фразеологизма как структуры, возникающей в результате семантической трансформации словесного комплекса – прототипа, к структурообразующим конститuentам: первоначальным лексическим значениям компонентов комплекса и грамматической семантике их взаимосвязи.

В последние годы усилился интерес к фразеологии, содержащей в своем составе имена существительные с исходным значением частей тела человека или животного. Продолжает оставаться актуальной и проблема системного и функционального подходов к изучению выразительных средств.

Соматические фразеологизмы возникают спонтанно, независимо друг от друга в разные периоды и в разных языках, т. к. имеют общую основу в наблюдении человеком самого себя, частей своего тела, в общих физических и психических признаках человека, в общих условиях развития, в наблюдении жизни и поведения животных, наконец, в наблюдении действий и эмоций человека. Эти наблюдения лежат в основе

общих семасиологических законов, по которым в лексемах развиваются переносные значения, становящиеся исходными при образовании фразеологизмов.

Соматические фразеологизмы выражают как физическое, так и разные психологические состояния. По своему содержанию значительная часть СФЕ в сопоставляемых языках связана с выражением состояния человека. Л. И. Ройзензон и Ю. Ю. Авалиани отмечали, что "если лексика в своей совокупности отражает всю сумму явлений, фактов, процессов действительности, то фразеология охватывает в первую очередь сферу переживаний и чувств, психологического состояния индивидуумов, дружбы, конфликта и борьбы, качественную характеристику" (Ройзензон, Авалиани 1967: 75).

Проиллюстрируем теоретические положения примерами фразеологизмов русского и корейского языков.

Соматические фразеологизмы выражают разнообразные психологические состояния человека. Так, русские фразеологизмы терять голову – “безрассудно влюбляться, ничего не замечая вокруг, ни на что не обращая внимания” и по уши – “очень сильно, самозабвенно (влюбиться, втрескаться, врезаться, втюриться и т. п.)” отражают эмоциональное состояние увлеченного, влюбленного, любящего человека. ФЕ терять голову имеет и другое значение “попав в тяжелое, трудное положение, приходиться в волнение, беспокойство и не знать, что делать, как поступить”. Так передается образ “беспокойство, волнение, переживание, тревога”.

Нужно отметить, что многие ФЕ имеют многозначность и отражают разные образы.

Образ “удивление, недоумение, изумление” определяют такие фразеологизмы, как не верить <своим> глазам – “очень сильно удивляться, поражаться и т. п. увиденному (обычно чему-л. неожиданному)”; не верить <своим> ушами – “очень сильно удивляться, поражаться чему-л. услышанному”; разевать [раскрывать] рот – “крайне удивляться, изумляться и т. п.; быть не в состоянии что-л. предпринять от удивления, растерянности”; делать большие [круглые, квадратные] глаза – “выражать крайнее удивление, недоумение”; хлопать глазами – “выражать удивление, непонимание и т. п., проявляя растерянность, смущение.”; не укладывается в голове – “невозможно поверить, понять, удивительно, непонятно”; глаза на лоб лезут – “кто-л. приходит в состояние крайнего удивления, недоумения”.

В корейском языке также есть такие фразеологизмы, как ибиль да-муджи мотхада (букв. невозможно закрывать рот) “удивляться, онеметь (от испуга); восхищаться”; нуни доньгыреджида (букв. делать большие глаза) “удивляться, изумляться”; хёрыль нэдурыда (букв. пора-

зиться язык) “удивляться от неожиданности”; нуни дыньджанманхэджида выражается) “очень удивляться”.

Особенно интересно, что фразеологизм нуни дыньджанманхэджида выражается “очень удивляться” через метафору: слово дыньджан – светильник.

Эти фразеологизмы отражают реакцию человека на то или иное событие, на что-л. неожиданное, необыкновенное, вызывающее удивление (иногда восторженное, связанное с радостью, иногда гневное, связанное с возмущением, негодованием) или недоумение по поводу какого-л. события, явления).

Фразеологизм разевать [раскрывать] рот – “сильно увлекаться, слушая кого-л., заслушиваться” определяет “увлеченность”; “быть крайне рассеянным, невнимательным, неосмотрительным” – “рассеянность, невнимательность, неосмотрительность”; “начинать говорить что-л., высказывать свое мнение” – “начало, начинание”. В этом фразеологизме вариант с глаголом разевать имеет сниженную, просторечную стилистическую окраску.

ФЕ хлопать глазами имеет значение “ничего не понимать, не сообщать; вынужденно молчать, выражая непонимание”, “непонятность, глупость” и значение “бездействие, ротозейство”.

Фразеологизм не укладывается в голове передает ещё другой образ “негодование, возмущение, гнев” по значению “непонятно, невозможно поверить”. ФЕ глаза на лоб лезут также имеет несколько значений: “испуг, страх, ужас” и “боль”.

Есть ФЕ, которые передают образ “насмешку, пренебрежение, презрение, неприязнь”. Такие фразеологизмы отражают пренебрежительное отношение к кому-л. или к чему-л., содержат соответствующую эмоциональную оценку кого-л. или чего-л.

Так, русские ФЕ плевать в глаза, плевать в лицо – “демонстративно пренебрегать кем-л., игнорировать, презирать кого-л.; выражать в самой резкой, грубой форме крайнюю степень презрения, пренебрежения, неуважения к кому-л.”; пропускать мимо ушей – “не обращать внимания, никак не реагировать на то, что говорится, на то, что сказано (иногда демонстративно не обращать внимания на сказанное, не слушать кого-л.)”; крутить носом – “выражать неудовольствие или пренебрежение; выражая неудовольствие или пренебрежение, отказываться от чего-л.”.

Сюда относятся корейские ФЕ ольгульэ чхимыль бетда (букв. плевать слюни в лицо) “нанести кому-л. оскорбление.”; нуныль нэри ккалда (букв. опускать глаза) “игнорировать, пренебрегать”; квирыль пхальда (букв. обращать уши куда-л.) “обращать внимание на другую сторону”; квипакыро дытда (букв. слушать вне ушей) “невнимательно слушать”;

морие [дэгарие] пхидо анмарыда (букв. еще не высохла кровь на голове [башке]) “кто-л. ещё молод и неопытен”. В этом фразеологизме вариант со словом дэгари (башка) имеет сниженную стилистическую окраску.

Понятие “раздражение, досада” определяется такими ФЕ, как русские фразеологизмы режет глаза – “производит неприятное, раздражающее зрительное впечатление чрезмерной яркостью, пестротой, необычностью, несоответствием принятой моде, норме, вкусу, стандарту (о чем-л.)”; ухо режет – “производит резкое, неприятное впечатление на слух; вызывает раздражение своей неуместностью и т. п.”; черт [леший, нелёгкая] дернул за язык – “кто-л. зря, неуместно, не вовремя сказал что-л., выражение крайнего сожаления, досады по поводу сказанного”; из-под <самого> носа – “с самого близкого расстояния от кого-л., в самый последний момент (брать, уносить, уводить, утащить, хватать, уходить, удирать, ускользать)”; как [будто, словно, точно] бельмо в глазу – “как помеха, что-л. раздражающее своим постоянным присутствием, напоминанием, своим поведением”; кровь бросилась [кинулась] в голову – “кто-л. покраснел от возмущения, гнева и т. п.”; колоть глаза – “вызывать раздражение, досаду у кого-л.; быть неприятным кому-л.”. В этом фразеологизме второе значение “попрекать, стыдить кого-л.” имеет значение “смущение, стыд”.

Этот образ соотносится с фразеологизмами, выражающими эмоциональное состояние огорченного, раздраженного человека, которое вызвано его реакцией на какие-л. слова, поступки, поведение кого-л., а также на какие-л. события, явления действительности.

В корейском языке таких ФЕ также много. Так, квиэ гольрида (букв. попадаться на ухо) “запасть в душу (об услышанном); что-л. неприятное, вызывающее беспокойство агенса”; квиэ мотси бакхида (букв. быть прибитым гвоздь в ушах) “больше не хотеть слушать, уже много раз повторялись один и те же слова”; квиэ гочхильда (букв. уши вянут) “запасть в душу (об услышанном); обычно что-л. неприятное, вызывающее беспокойство агенса”; нунэт гаси (букв. бельмо в глазу) “неприятный человек”; хёрыль чхада (букв. цокать языком) “не нравится, быть недовольным”; ибыль нэмилда (букв. надуться рот) “дуться, показать недовольство на лице”; ибыль ппиджугида (букв. надсмехаться рот) “выражать недовольство”; иби ссыда (букв. рот горький) “не нравится, быть противным”.

Есть фразеологизмы, отражающие эмоциональное состояние возмущенного человека, которое вызвано его резко отрицательным отношением к каким-либо лицам, поступкам, действиям, явлениям действительности и т. п., например, нунэ булыль кёда (букв. гореть огонь в

глазах) “сердиться”; нунэ пхитдерыль олрида (налиться кровью в глазах) “сердиться”; нуныль чхикёттыда (букв. закатывать глаза) “не нравиться, сердиться”.

Интересны фразеологизмы корейского языка, ВФ которых не известны в русском языке, также выражающие понятия гнева и возмущения. Фразеологизмы хвага мориккытккаджи (букв. гнев до головы) “в сильном гневе”; гаджаминуныль ттыда (букв. открывать глаза как камбала; прищуренный взгляд) “сердиться”; косо смотреть на кого-л.”; доккинуныль ттыда (букв. глаза делает топором) “злобно смотреть”; нунэ кхальыль сеуда (букв. выступить нож в глазах) “сильно сердиться”.

Обратим внимание на то, что только в корейском языке есть фразеологизм с компонентом “глаз”, связанный не с людьми, а другим живыми существами. Так, гаджаминуныль ттыда (букв. открывать глаза как камбала; прищуренный взгляд).

В отличие от ФЕ со словом лицо, в корейском языке ФЕ с элементом ольгуль более активно выражают эмоциональные психологические состояния. Так, корейские фразеологизмы ольгульыль булкхида (букв. краснеть лицом от злости) “побагроветь от злости”, ольгульи ппальгеджида (букв. лицо краснеть) “сердиться, злиться”, ольгульи булгылак пхульпаг хэджида (букв. лицо то краснеть, то синеть) “очень злиться от оскорбления” определяют понятие “гнев” через цвет лица. ФЕ ольгульыль ччипхурида (букв. хмурить лицо) “не нравится, сердиться” передает движение лица.

Фразеологизм ольгульи пальгеджида (букв. лицо краснеть) используется в ситуации стыда. В основе таких ФЕ лежат метафоры или сравнения. Так, ФЕ ольгульи хоньданьмуга дведа (букв. лицо становится как красная редька) “стыдиться, смущаться”, ольгульи ттыгобда (букв. лицо горячее) “постыдный, позорный”, ольгульи ганджилобда (букв. лицо чесаться) “чувствовать себя неудобно, неловко”, ольгульи дальа орыда (букв. лицо гореть от стыда) “постыдный, позорный” определяются глаголами-метафорами.

Некоторые фразеологизмы служат для выражения предупреждения, предостережения, угрозы и связаны с соответствующим эмоциональным состоянием человека, которое вызвано чьим-л. поведением, какими-л. действиями.

Например, ФЕ не сносить головы – “не миновать наказания, расправы; несдобровать, не уцелеть кому-л.”; не видать как своих ушей – “совсем, никогда не получить кого-л. или чего-л., не завладеть кем-л. или чем-л.”; придерживать язык – “поменьше болтать, говорить, рассуждать; помалкивать, замолчать (выражение предостережения, угрозы)”.

Фразеологизм не попадаться на глаза означает: “избегать встречи с кем-л. из-за возможных серьезных неприятностей, плохих последствий”, а в другом значении – без отрицания “случайно, нечаянно привлечь к себе внимание кого-л.; быть замеченным, увиденным кем-л.” – дается образ “случайность, возможность”.

ФЕ зарубить <себе> на носу – “запомнить крепко-накрепко, сделав на будущее соответствующие выводы” употребляется как выражение предупреждения, предостережения, угрозы, а в значении “запомнить крепко-накрепко на будущее (обычно о чем-л. очень важном, необходимом и т. п.)” передается образ “напоминание, воспоминание, память”.

Фразеологизм пальца в рот не клади – “кто-л. таков, что не упустит возможности воспользоваться оплошностью, промахом другого, каким-л. непродуманным обещанием”. Этот фразеологизм может употребляться как характеристика, оценка человека с целью предупредить, предостеречь кого-л. Другое значение “кто-л. таков, что может постоять за себя” выражает значение “целеустремленности, самостоятельности”.

ФЕ прикусить язык – “замолчать, прекратить говорить что-л. на полуслове” выражается предостережение, угрозу. Значение “испугавшись, замолчать, прекратить говорить что-л. на полуслове” – “испуг, боязнь”, третье значение – “воздержаться от высказывания” – воздержание.

Фразеологизм свернуть [сломать] голову [башку] имеет значение “жестоко наказать кого-л.”. Употребляется как угроза с целью предупредить нежелательные действия кого-л. или в ответ на такие действия. Другое значение “убить, уничтожить кого-л.” передает образ “кончина, смерть”. А вариант свернуть башку имеет сниженную стилистическую окраску.

ФЕ стереть с лица земли также имеет два значения. Первое значение “жестоко наказать кого-л., расправиться с кем-л., полностью устранить кого-л.” выражает угрозу, подчеркивает силу угрожающего. Второе значение “полностью уничтожить, разрушить до основания” – уничтожение, истребление.

В некоторых ФЕ выражается эмоциональное состояние человека, сосредоточившего свое внимание, интерес на ком-л. или на чем-л., а также осуществляющего контроль над кем-л. или над чем. Например, проглядеть [просмотреть] <все> глаза – “пристально с напряженным вниманием, всматриваться, часто безрезультатно, ожидая кого-л., смотреть на дорогу, на улицу, в окно и т. п.”; глаза разгорелись – “страстно захотелось иметь, получить что-л.; кто-л. жадно заинтересовался чем-л.”; глаза разбегаются – “кто-л. не может сосредоточиться, остановить внимание на чем-л. одном, выбрать что-л. одно (из-за разнообразия впечатлений от виденного, из-за того, что все в равной степени заинтересовало, привлекло)”; смотреть [глядеть] во все глаза – “смотреть при-

стально, с напряженным вниманием, с особым интересом, с большой заинтересованностью”; не в силах оторвать глаз – “быть не в состоянии перестать смотреть на кого-л. (часто в состоянии влюбленности) или на что-л.”; смотреть [глядеть] в рот – “очень внимательно, иногда с подобострастием слушать кого-л.”; наострить [насторожить] уши – “с любопытством, напряженным интересом прислушиваться”; бросаться [кидаться] в глаза – “привлекать к себе чье-л. внимание; быть особенно заметным”; не сводить [не спускать] глаз – “1) пристально, внимательно, не отрывая глаз, смотреть на кого-л. или на что-л.; 2) постоянно следя, наблюдая, осуществлять строгий контроль”. В этом фразеологизме первое значение подчеркивает особое внимание, повышенный интерес к кому-л. или к чему-л. и имеет синонимы не отрывать [не отводить] глаз.

К этим понятиям относятся следующие корейские ФЕ: ибэ дангыда (букв. класть в рот) “вызывать интерес”; квига бонччог тгыида (букв. ухо мгновенно открываться) “прислушиваться к чему-л. из-за какой-л. новости”; квига ссольтрида (букв. наострить уши) “внимательно слушать”; нунгва квирыль хаде мойда (букв. направлять глаза и уши в одну сторону) “вызывать интерес что-л.”; нуныль ккыльда (букв. привлекать глаза) “вызывать интерес, внимание”; нуныль банччакгориди (букв. блестящий глаза) “интересоваться”.

Фразеологизм и [даже] глазом [ухом] не повел – “кто-л. не обращает никакого внимания, никак не реагирует на что-л.” выражает “безразличие, равнодушие” или значение “кто-то ничем внешне не проявляет своего отношения к кому-л. или к чему-л., сохраняя спокойствие, проявляя самообладание, сдержанность”.

Корейский ФЕ нуни ппольготта (букв. глаза загорелись) “искать выгоду (прибыль)” в русском языке ФЕ с таким значением антонимичен ФЕ и [даже] глазом [ухом] не повел.

Некоторые ФЕ выражают значения “беспокойство, волнение, переживание, тревога”. Так, ФЕ в глазах темнеет [мутится, зеленеет] – “1) кому-л. становится дурно, плохо от сильного волнения, возмущения и т. п.; 2) кому-л. становится дурно, плохо от усталости, переутомления, слабости”.

Фразеологизм голова кружится – “1) кто-л. теряет способность ясно соображать от волнения, переживаний и т. п.; 2) кто-л. зазнается, теряет способность трезво и правильно оценивать свое поведение, поступки (возомнив о себе под влиянием похвал, лести, успеха и т. п.)”, здесь передается такой же образ, а в третьем значении “3) кто-л. испытывает головокружение (от усталости, переутомления и т. п.)” дается образ “утомление, усталость”.

ФЕ лица нет имеет три значения. Первое – “у кого-л. от сильного потрясения, волнения, беспокойства резко изменилось обычное выражение лица (при этом человек может побледнеть, посереть)” передает значение “беспокойство, волнение, переживание, тревога”, второе – “у кого-л. от страха, сильного испуга, ужаса резко изменилось обычное выражение лица” (причина: “испуг, боязнь, страх, ужас”), третье – “у кого-л. от утомления, усталости, страшной боли резко изменилось обычное выражение” (причина: “утомление, усталость, боль”).

Фразеологизм не смыкать глаз – “совсем не засыпать, даже не самое короткое время” может употребляться для выражения состояния беспокойства, тревоги за жизнь больного или близкого человека, находящегося в опасности, в ожидании каких-л. важных известий, как приятных, так и неприятных. Его второе значение “вовсе не засыпать, даже на самое короткое время от боли, шума и т. п.” выражает значение “бессонница”.

Корейский ФЕ ибэ гопхумыль мульда (букв. с пеной у рта) “очень сильно волноваться; рассказать с волнением” передает “волнение”.

Некоторые ФЕ выражают реакцию человека на какую-л. очень тяжелую, трудную ситуацию, когда он не в силах что-л. сделать, чтобы исправить положение, изменить что-л. в жизни. Образ “отчаяние, бессилие, безнадежность” определяют такие ФЕ нунапхи кхамкхамхада (букв. очень темно перед глазами) “думать о безнадежном”, нунапхи аччильхада (букв. (все) закружиться перед глазами) “думать о безнадежном”, нунэсо пхинунмульи нада (букв. выливаться кровными слезами из глаз) “смертельная тоска на душе”, нуныль ттыго больсуга обта (букв. открыв глаза, не может смотреть) “сильное горе или большая неприятность”. Эти фразеологизмы передают состояние и ситуацию через метафорические выражения.

Есть фразеологизмы, отражающие эмоциональное состояние человека, связанное с неприятностями, неудачами, какими-л. событиями, вызывающими огорчение, грусть, тоску. Так, ФЕ вешать голову – “приходить в уныние, отчаяние; огорчаться”; вешать нос <на квинту> – “приходить в уныние, отчаяние; огорчаться”. Корейский фразеологизм кхога паджида (букв. упасть нос) “повесить нос”.

Фразеологизмы прятать глаза – “избегать смотреть прямо в глаза, в лицо кому-л. от смущения, стыда (опуская голову или отворачиваясь)”; не знать куда глаза девать – “испытывать чувство смущения, неловкости, стыда от чего-л.”; кровь [краска] бросилась [кинулась, ударила] в лицо – “кто-л. покраснел от смущения, стыда и т. п.” отражают эмоциональное состояние человека, испытывающего смущение, стыд за свои или чьи-л. слова, поступки.

Корейский ФЕ морирыль гыкда (букв. чесать голову) “испытывать чувство стыда, неловкости, смущаться”.

Русский фразеологизм язык не поворачивается – “кто-л. стесняется спросить, сказать что-л. от неловкости, смущения и т. п.” или “кто-л. не решается спросить, сказать что-л. тяжелое, страшное, ужасное, боясь обидеть кого-л. или сделать больно кому-л.”.

В корейском языке такое понятие также передается метафорически цветом лица. Например, фразеологизмы ольгульи норэджида (букв. лицо пожелтеть); ольгульи пхарэджида (букв. лицо посинеть); ольгульи хаэджида (букв. лицо побелеть) – “лицо становится белым из-за сильного испуга (ужас, страха), нервного потрясения и т. п.”: несмотря на то, что здесь показывается разные цвета, но определяется один и то же образ – “испуга (ужаса, страха)”.

Понятие “испуг” в фразеологизме ольгульи бекджиджань гатта (букв. лицо как лист белой бумаги) образует сравнение: “лицо становится белым из-за сильного испуга, нервного потрясения и т. п.”.

Фразеологизм мориқычхи чжутппотчжутппотхада (букв. голова (волосы) поднимаются) “очень испугаться от страха, ужаса” содержит метафору.

ФЕ голова <идёт> кругом – “кто-л. испытывает головокружение от усталости, переутомления и т. п., связанных с трудной, тяжелой, непосильной работой или с какими-л. тяжелыми заботами или событиями”. Этот фразеологизм ещё передает значение “кто-л. теряет способность ясно соображать от множества дел, забот, переживаний и т. п.”.

Фразеологизм <и [даже]> глазом не моргнуть – “не задумался, не поколебался сделать что-л. решительное, определенное” передает значение “решимость”, и второе значение – “сохранять полное самообладание, выдержку; не обнаружить никаких зримых признаков волнения”.

Фразеологизмы корейского языка нунэ ноходо апхыджи анта (букв. не болит, если входит в глаза) “миловидный, очень мило”, нунэ джалъ боида (букв. хорошо видно в глаза) “быть признанным; вызвать симпатию”, нунэ дыльо ода (букв. входит в глаза) “нравиться” передают положительную оценку через метафорические выражения.

А фразеологизмы: нунккольи сида (букв. против смотреть на кого-л.) “чувствовать холодный взгляд”, нунбаккэ нада (букв. выходить вне глаз) “кто-то противен или неприятен; потерять веру (доверие)”, нунэ госьльрида (букв. противоречить в глазах) “быть противным, неприятным” – отрицательную оценку.

Литература

1. *Бабайцева В. В.* О выражении в языке взаимодействия между чувственным и абстрактными ступенями познания действительности // *Язык и мышление.* М., 1967. С.

- 55-65.
2. *Гаврин С. Г.* Фразеология современного русского языка (в аспекте теории отражения). Пермь, 1974.
 3. *Диброва Е. И., Касаткин Л. Л., Щеболева И. И.* Современный русский язык. Анализ языковых единиц. М., 1995.
 4. *Копыленко М. М., Попова З. Д.* Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1974.
 5. *Кунин А. В.* Английская фразеология. М., 1970.
 6. *Жуков В. П.* Роль образности (метафоричности) в формировании целостного значения фразеологизма // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1967. С. 103-112.
 7. *Жуков В. П.* Семантика фразеологических оборотов. М., 1978.
 8. *Мокиенко В. М.* Славянская фразеология. М., 1980.
 9. *Ройзензон Л. И., Авалиани Ю. Ю.* Современные аспекты изучения фразеологии // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1967. С. 68-81.
 10. *Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1996.
 11. *Черданцева Т. З.* Язык и его образы: Очерки по итальянской фразеологии. М., 1977.
 12. *Чернышева И. И.* Актуальные проблемы фразеологии // ВЯ, 1977.
 13. *Яранцев Р. И.* Русская фразеология. Словарь-справочник. М., 1997.
 14. Фразеологический словарь русского литературного языка в 2-х томах. / Состав. *А. И. Федоров.* Новосибирск, 1995.
 15. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1987.
 16. Фразеологический словарь корейского языка. / *Пак Ен Джун и Чой Ген Бон.* Сеул, 1997.

Семантический класс предложений, отражающих ситуацию со значением передачи / перехода предмета от одного лица к другому

© Ким Ю Чжин (Республика Корея), 2001

Предметом исследования, которому посвящена настоящая статья, является семантический класс предложений со значением передачи предмета от одного лица другому.

Задачей работы является раскрытие характера системных содержательных отношений между предложениями класса, выявление иерархии передаваемых ими смыслов и тех особенностей плана выражения, которые в восприятии носителей языка служат показателями расхождения значений, позволяют выделить варианты того общего инвариантного значения, которое присуще всем предложениям класса.

Для решения поставленной задачи необходимо выделить те предложения, которые обозначают данную ситуацию, определить особенности семантики каждого из предикатов, передающих это значение, в сопоставлении с близкими по значению, описать формальную устроенность этих предложений и взаимодействие в них формы и содержания.

Семантический класс предложений рассматривается в работе как совокупность предложений самой различной формальной устроенности, служащих номинацией одного определенного типа положения вещей (Володина 1989: 7).

Исследуемый класс предложений отражает такое положение вещей, в котором участвуют два лица и тот предмет, который переходит от одного лица другому.

Суть этой ситуации заключается в том, что предмет, который в исходный момент находится у одного лица, в результате действия в конечный момент оказывается у другого лица.

В данной ситуации мы можем различать два вида отношений.

В одном случае в исходный момент события предмет находится у субъекта, в конечный момент у контрагента: *Я дала ему книгу; Я подарила подруге красивую рамку для фотографии; Фагот... вручил гражданину две пары шелковых чулок, кот от себя добавил футляричик с помадой* (Булгаков); *Я вложила ему в книгу открытку; Солдаты отняли его [нож] у меня, когда вводили сюда, ... вы мне его верните, мне надо отдать его хозяину* (Булгаков); *Мой друг прислал мне посылку; Он заплатил 50 руб. за книгу.*

В другом случае предмет в исходный момент ситуации находится у контрагента, в конечный момент – у субъекта: Я взяла книгу у Андрея; Я получила письмо от мамы; Фирма просит вас принять это на память (Булгаков); Там шли молча некоторое время, пока она не вынула у меня из рук цветы... (Булгаков); Мама отняла у ребенка спички; Человек спереди мгновенно выхватил из рук Иуды кошель (Булгаков); Она... купила на дорогу красок, кистей, холста и новую палитру (Чехов).

Основное значение ситуации первого типа передает глагол **дать**, а основное значение ситуации второго типа – глагол **взять**.

Используя эти глаголы, говорящий дает самую общую характеристику основной особенности данной ситуации: названные предикаты не осложнены никакими дополнительными смыслами.

Каждая из этих двух ситуаций может быть представлена говорящим более конкретно, когда основное значение осложнено дополнительными смыслами.

В данной работе будут рассмотрены языковые средства обозначения ситуации второго типа и специфические особенности семантики передающих этот тип отношений предикатов.

В группу предикатов, имеющих инвариантное значение **взять**, входят следующие:

1) получить (а), принять: Пересчитав деньги, председатель получил от Коровьева паспорта иностранца для временной прописки (Булгаков); Примите от нас этот подарок;

2) извлечь, вынуть: Он извлек шарф у меня из рюкзака; Так или молча некоторое время, пока она не вынула у меня из рук цветы... (Булгаков);

3) вытянуть, выхватить, вырвать, выдрать: Он вытянул шарф из рук у меня; Человек спереди выхватил из рук Иуда кошель (Булгаков); Я его умолял: сожги ты, бога ради, свой пергамент! Но он вырвал его у меня из рук и убежал (Булгаков); Тем самым гнусавым голосом, что был слышен в телефоне, крикнул второй и выдрал портфель из трясущихся рук Варенухи (Булгаков);

4) снять, сорвать, стащить (а): Мама сняла с головы ребенка шапку; Он... левой рукой сорвал с иностранца шляпу... (Булгаков); Он стащил у меня шарф;

5) собрать, избавить, освободить, отнять (а), отобрать (а), одолжить: Экскурсовод собрал с нас деньги на билеты в театр; Учительница собрала тетради учеников; Рюхин, обремененный полотенцами, был встречен Арчибальдом Арчибальдовичем очень приветливо и тотчас избавлен от проклятых тряпок; Он освободил меня от тяжелой сумки; Мама отняла у ребенка спички; Мой пропуск просрочен.

Когда я входила в университет, его отобрали; Я одолжила у него 100 руб.; Одолжи мне соли;

6) купить, выкупить, раскупить, накупить, закупить: Она купила на дорогу красок, кистей, холста и новую палитру (Чехов); Она выкупила заложенные вещи; Книга была раскуплена; Все это накупил мне отец (Гоголь); Сосед закупил продукты на праздники;

7) украсть, стащить (б), похитить, угнать, утащить: ... он украл из дупла кольцо, папенька, прикажите отдать кольцо (Пушкин); Стащили у меня часы; Когда мокрый Иван проплясал по ступеням к тому месту, где осталось под охраной бородача его платье, выяснилось, что похищено не только второе, но и первый, то есть сам бородач (Булгаков); У соседа угнали новую машину;

8) отнять (б), отобрать (б), изъять, забрать: (Дубровский) хотел меня повесить, да сжалился и опустил, зато всего отобрал, отнял и лошадей, и телегу (Пушкин); Все, что он приносит с собой, отбирает у него Никита в свою пользу (Чехов); Старые книги из собрания библиотеки изъяли; Забрали у меня все вещи;

9) обокрасть, ограбить, разграбить, обобрать: Мой человек, которого я любил как сына обокрал меня (Островский); Вчера ограбили мою квартиру; Разграбили город; (Дубровский) хотел меня повесить, да сжалился и опустил, зато всего обобрал... (Пушкин).

10) выиграть, отыграть: Он выиграл у меня 1000 руб. в карты; Он отыграл все проигранное;

11) вычесть, взыскать: ... когда я пошла за его жалованьем, они... вычли из его жалованья двадцать четыре рубля тридцать шесть копеек! (Чехов); С него взыскали долг;

12) получить (б), содрать: Всякий раз он получал за свои труды копеек двадцать-сорок (Чехов); Содрали с меня 150 руб. за эту книгу.

Без включения каких-либо дополнительных смыслов факт передачи предмета от лица лицу, когда предмет сначала находится у контрагента, а потом оказывается у субъекта, передает только предикат **взять**.

Предикат **брать / взять** функционирует в структуре предложения $N_1 - V_f - N_4 - у N_2$ (кого).

Она **взяла** (у мужа) деньги, но, заказывая бальное платье, ни с кем не советовалась, а поговорила только с отцом и постаралась вообразить себе, как бы оделась на бал ее мать (Чехов).

Позицию N_1 занимает имя лица, позицию N_4 занимает имя предмета, и позиции у N_2 занимает имя лица, у которого был предмет.

Все остальные предикаты включают дополнительные компоненты смысла.

I. Родержательная иерархия предложений класса.

1. Мы можем разделить их на несколько подгрупп в зависимости от особенности дополнительных смыслов, которые осложняют основное значение.

Исследуемые предикаты, прежде всего, могут быть противопоставлены друг другу по признаку “что передается”.

Могут передаваться **(I) какие-либо предметы**: *Пересчитав деньги, председатель получил от Коровьева паспорт иностранца для временной прописки* (Булгаков); *Так или молча некоторое время, пока она не вынула у меня из рук цветы...* (Булгаков); *Человек спереди мгновенно выхватил из рук Иуды кошель* (Булгаков). Ситуации данного типа могут быть обозначены следующими предикатами: *получить (а), принять, вынуть, извлечь, вытянуть, одолжить, собрать, освободить, избавить, купить, выкупить, раскупить, накупить, закупить, отнять (а) (б), отобрать (а) (б), снять, сорвать, украсть, стащить (а) (б), похитить, угнать, обокрасть, ограбить, разграбить, обобрать*.

Могут передаваться **(II) деньги и их эквиваленты**: *... когда я пошла за его жалованьем, они... вычли из его жалованья двадцать четыре рубля тридцать шесть копеек!* (Чехов); *Он содрал с меня за книгу 150 рублей*. Ситуации этого типа могут быть представлены следующими предикатами: *одолжить, выиграть, отыграть, содрать, выцест, выискать, получить (б)*.



Предложения, обозначающие ситуации первого типа, могут быть разделены на две группы. Предикаты одной из этих групп содержат указание на то, как говорящий рассматривает передаваемый предмет: **(I.1) как просто физический объект** или **(I.2) как некоторую собственность**.

Ситуации первого типа передаются предложениями с таким предикатами, как *получить (а), принять, вынуть, извлечь, одолжить, собрать, освободить, избавить, отнять (а), отобрать (а), вытянуть, выхватить, вырвать, выдрать, снять, стащить (а), сорвать*: *Пересчитав деньги, председатель получил от Коровьева паспорт иностранца для временной прописки* (Булгаков); *Фирма просит вас принять это на память* (Булгаков); *Обыскали всю его повозку, обшарили всего батеньку и даже сапоги с него сняли* (Чехов); *Мать отняла у ребенка спички*.

Ситуации второго типа обозначены следующими предикатами: *отнять (б), отобрать (б), изъять, забрать, купить, выкупить, раскупить, накупить, закупить, украсть, стащить (б), похитить, угнать, утащить, обокрасть, ограбить, разграбить, обобрать: (Дубровский) хотел повесить меня, да сжалился и опустил, зато всего обобрал, отнял и лошадь, и телегу (Пушкин); Новую книгу раскупили; Он украл из дула кольцо, папенька, прикажите отдать кольцо (Пушкин).*

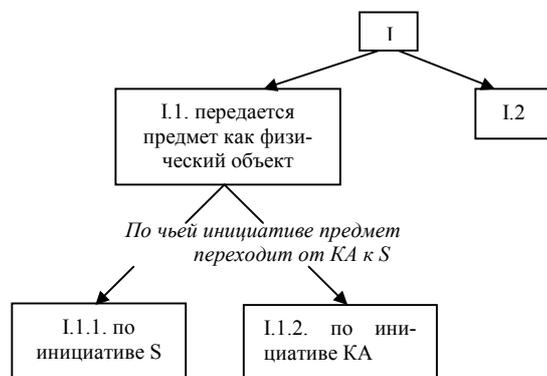


1.1. Рассмотрим иерархию смыслов предложений, в которых сообщается о передаче / переходе предмета как физического объекта.

В этом случае предикаты могут быть противопоставлены друг другу по признаку **“по чьей инициативе предмет переходит от КА к S”**.

В семантике предикатов одной из этих групп указывается на то, что предмет переходит к S **по инициативе S (I.1.1)**: *Он вырвал из рук крайнего музыканта тарелку...* (Булгаков); *Он избавил меня от тяжелой сумки; Учительница собрала тетради учеников; Мама отняла у ребенка спички.* В эту группу входят следующие предикаты: *вынуть, извлечь, одолжить, собрать, освободить, избавить, снять, сорвать, стащить (а), отнять (а), отобрать (а), вытянуть, выхватить, вырвать, выдрать.*

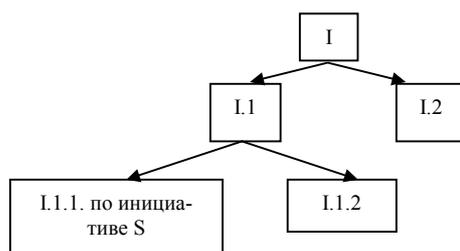
В семантике предикатов другой группы указывается на то, что предмет переходит к S **(I.1.2) по инициативе КА**: *Пересчитав деньги, председатель получил от Коровьева паспорт иностранца для временной прописки* (Булгаков); *Фирма просит вас принять это на память* (Булгаков); *Пугачев принял бумагу и долго рассматривал с видом значительным* (Пушкин). К данной группе относятся лишь предикаты *получить (а), принять.*



Предложения, отражающие факт перехода предмета к субъекта по его инициативе, содержательно противопоставлены друг другу по признаку “**есть ли указание на местоположение объекта в исходный момент ситуации**”.

В предложениях одной из групп (**I.1.1.1**) **есть такая информация**: *Выведа арестованного из-под колонн в сад, Крысбой вынул из рук у легионера, стоявшего у подножия бронзовой статуи, бич...* (Булгаков); *он... левой рукой сорвал с иностранца шляпу...* (Булгаков). Такой смысл выражают такие предикаты, как *извлечь, вынуть, снять, сорвать, стащить (а), вытянуть, выхватить, вырвать, выдрать*.

В предложениях другой группы (**I.1.1.2**) **данный смысл не выражен**: *Учительница собрала тетради учеников; Он освободил меня от тяжелой сумки; Мать отняла у ребенка спички; Одолжи мне чайник на час*. Такой смысл выражается предикатами *одолжить, собрать, освободить, избавить, отнять (а), отобрать (а)*.



(продолжение схемы)



Когда в предложениях есть указание на местоположение объекта в исходный момент ситуации, можно конкретизировать местоположение объекта.

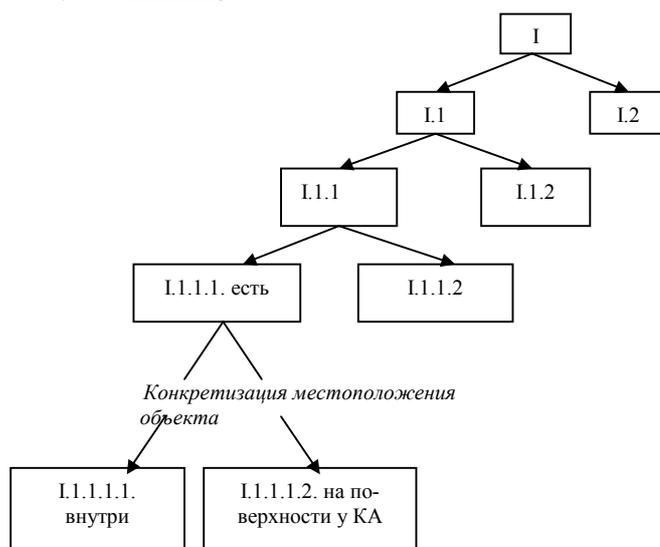
(I.1.1.1.1) объект находится в руках КА или в какой-то емкости, находящейся у него: *Так шли молча некоторое время, пока она не вынула у меня из рук цветы...*(Булгаков); *Хозяин бросился к величавому дворецкому, выхватил из рук у него поднос, сам наполнил золотую чарочку* (Пушкин); *... второй вырвал портфель из рук у Варенухи* (Булгаков). Данная ситуация представляется в предложениях с предикатами *вынуть, извлечь, вытянуть, выхватить, вырвать, выдрать*.

Надо отметить, что когда данная ситуация отражена предложениями с предикатом *вынуть*, в предложениях должно быть конкретизировано, откуда извлечен предмет (*из рук, из кармана, из сумки* и т. д.): *Вынь у меня из кармана (из сумки) ключи; Так шли молча некоторое время, пока она не вынула у меня из рук цветы...*(Булгаков).

Когда в предложениях не эксплицируется, где находился предмет в исходный момент ситуации (предикаты: *выхватить, вырвать* и *выдрать*), мы понимаем, что предмет был в руках КА, так как в семантике этих предикатов есть сема, указывающая на то, что объект был в его руках: *... второй вырвал портфель (из рук) у Варенухи* (Булгаков); *Хозяин бросился к величавому дворецкому, выхватил (из рук) у него поднос, сам наполнил золотую чарочку* (Пушкин).

Используя предикат *взять*, также можно обозначить подобную ситуацию, но в этом случае обязательно эксплицировать в предложении все компоненты структуры. Ср.: *Я взяла у нее книгу. – Я взяла у нее книгу из рюкзака; Я взяла записку у нее из рук*. В первом случае не эксплицирован компонент, указывающий на местоположение данного предмета, и мы не видим самого факта передачи, а видим только его результат, а во втором случае этот компонент эксплицирован (*из рюкзака, из рук*) и мы представляем ситуацию в ее течении, видим сам процесс перехода предмета к другому лицу.

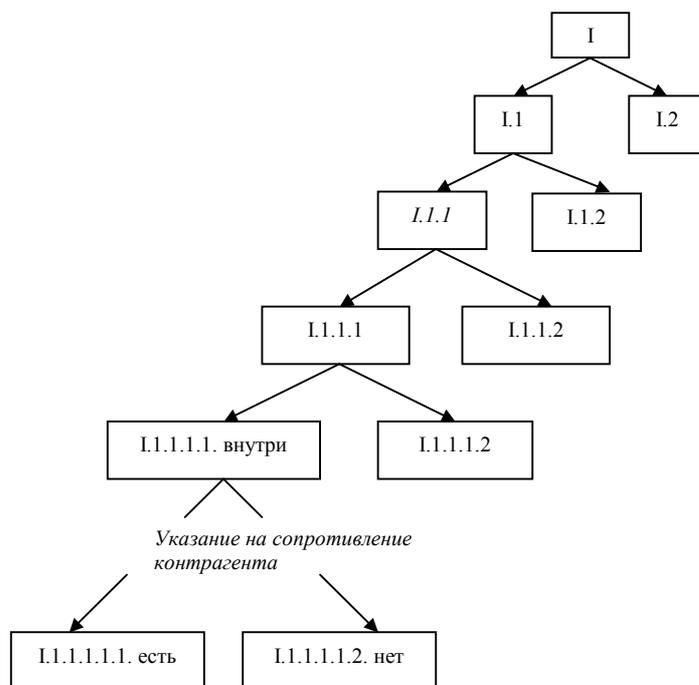
(I.1.1.1.2) объект может быть на какой-либо поверхности (на голове / на плечах и т.п.) – *снять, сорвать, стащить (а):* Мама сняла с головы ребенка шапку; Он... левой рукой сорвал с иностранца шляпу... (Булгаков); Он стащил у нее с плеч тяжелое пальто.



В том случае, когда в семантике предикатов указывается на то, что объект находится в руках или какой-либо емкости, находящейся у КА, предложения противопоставляются по признаку “**есть ли указание на сопротивление КА**”.

В одной из этих групп по этому признаку действие **охарактеризовано (I.1.1.1.1.1):** Я вытянула книгу из рук Николая; Человек спереди мгновенно выхватил из рук Иуды кошель (Булгаков); Он... вырвал из рук крайнего музыканта тарелку... (Булгаков). Данный смысл обозначают предикаты *вытянуть, выхватить, вырвать, выдрать*.

В предложениях другой группы действие по этому признаку **не охарактеризовано (I.1.1.1.1.2):** Так или молча некоторое время, пока она не вынула у меня из рук цветы... (Булгаков); Он извлек шарф у меня из рюкзака. В эту группу входят предикаты *извлечь, вынуть*.



1.2. Вернемся к рассмотрению предложений группы I.2.

Как отмечено выше, объект может переходить к другому лицу **как собственность (I.2)**: У него отняли дом; Он украл из дуэла кольцо, папилька, прикажите отдать кольцо (Пушкин); У меня похищены важные документы.

Когда в предложениях указывается на то, что объект становится собственностью, **по условиям передачи** эти предложения делятся на две подгруппы.

В предложениях одной из этих групп (**I.2.1**) есть информация о **передаче предмета с компенсацией**: Она купила на дорогу красок, кистей, холста и новую палитру (Чехов); Раскупили билеты в театр; Мама накупила продуктов на праздник. Эти ситуации передаются предложениями с такими предикатами, как *купить, выкупить, раскупить, накупить, закупить*.

В предложениях другой группы (**I.2.2**) указывается на **передачу предмета без компенсации**: У моего отца отняли дом; У соседа угнали машину; У меня часы стащили; (Дубровский) хотел меня повесить, да

сжалился и опустил, зато всего обобрал... (Пушкин). Ситуации этой группы отражаются предложениями со следующими предикатами: *отнять* (б), *отобрать* (б), *изъять*, *забрать*, *украсть*, *стащить* (б), *похитить*, *угнать*, *утащить*, *обокрасть*, *ограбить*, *разграбить*, *обобратить*.



В том случае, когда предмет передается без компенсации, предложения противопоставлены друг другу по признаку **“есть ли указание на количество изъятых объектов”**.

В предложениях одной группы (I.2.2.1) **есть такая информация**: *(Дубровский) хотел меня повесить, да сжалился и опустил, зато всего обобрал, отнял и лошадь, и телегу* (Пушкин); *В первом городе объявите, что вы были ограблены Дубровским* (Пушкин); ... *разграбили у меня один амбар...* (Пушкин).

Данный смысл передают предикаты *обокрасть*, *ограбить*, *разграбить*, *обобратить*.

В предложениях другой группы (I.2.2.2) **этого указания нет**: *(Дубровский) хотел меня повесить, да сжалился и опустил... отнял и лошадь, и телегу* (Пушкин); *Забрали у меня все вещи; Похитили ребенка; Все, что он приносит с собой, отбирает у него Никита в свою пользу* (Чехов).

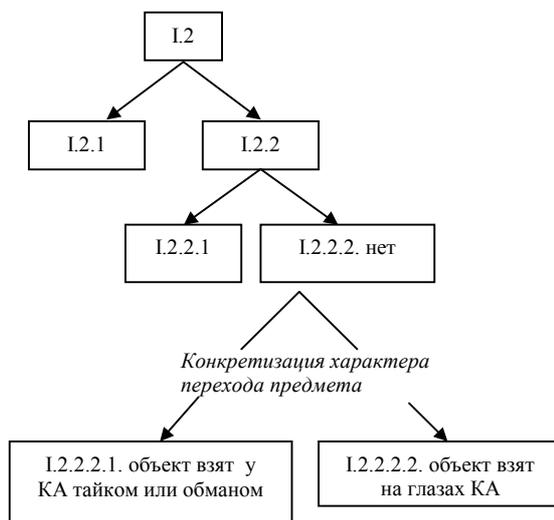
Эти ситуации могут быть представлены в предложениях с такими предикатами, как *отнять* (б), *отобрать* (б), *изъять*, *забрать*, *украсть*, *стащить* (б), *похитить*, *угнать*, *утащить*.



Предикаты группы **I.2.2.2** могут конкретизировать **характер перехода объектов** от контрагента к субъекту еще по признаку:

(I.2.2.2.1) Объект взят у контрагента тайком или обманом: *Он украл из дупла кольцо, папенька, прикажите отдать кольцо (Пушкин); Стащили у меня часы; Похитили у меня важные дискеты; У меня велосипед угнали.* Этот смысл может быть обозначен такими предикатами, как *украсть, стащить (б), похитить, угнать, утащить.*

(I.2.2.2.2) Объект взят в открытую на глазах контрагента: *(Дубровский) хотел повесить меня, да сжалился и опустил, зато всего обобрал, отнял и лошадь, и телегу (Пушкин); Скорников... отобрал у него за долги избу и пчельник (Горький); При домашнем обыске у преступника были изъяты все вещественные доказательства.* Ситуации данной группы отражаются в предложениях со следующими предикатами: *отнять (б), отобрать (б), изъять, забрать.*



2. Второй тип ситуаций, отражаемых предложениями класса – это ситуации передачи денег или их эквивалента.

Предложения, отражающие эту ситуацию, могут быть разделены на две группы в зависимости от того, **“отражают ли они в какой функции передаются деньги”**: передаются деньги как компенсация или просто сами по себе (деньги как деньги – как выигрыш, долг и т.п.).

Могут передаваться **только деньги или их эквиваленты (II.1)**: *Он одолжил у меня 500 руб.;* *Представьте, выиграл у него в пикет шесть с полтиной (Чехов);* *Он проиграл все, что было у него, но потом отыграл весь проигрыш.* Передают данные ситуации предикаты *одолжить, выиграть, отыграть.*

Могут передаваться **деньги как компенсация за что-либо (II.2)**: *У него деньги вычли из жалования;* *деньги за прогульные дни;* *С него взыскали плату за квартиру;* *Он содрал с меня 150 руб. за книгу;* *Он получает за уроки 1000руб. в месяц.* Этот смысл обозначен такими предикатами, как *вычесть, взыскать, содрать, получить (б).*

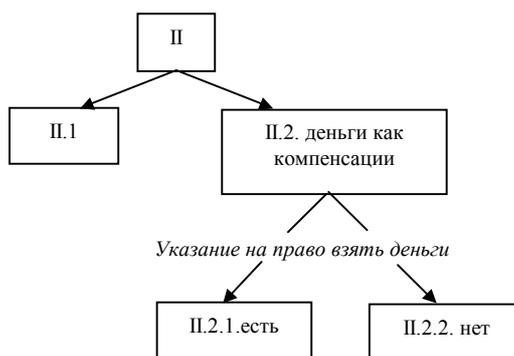


Предложения, отражающие факт передачи денег в качестве компенсации, также могут быть разделены на две подгруппы по признаку “**есть ли у S право взять деньги**”.

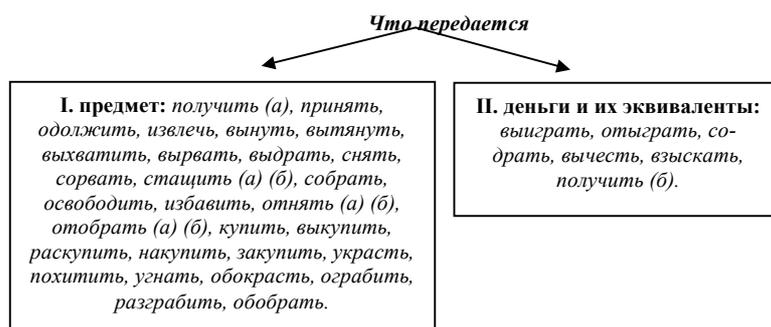
В одной из этих групп **есть соответствующее указание (П.2.1):** *Его деньги вычли из жалования за прогульные дни; С него взыскали долги* – данные ситуации отражают предложения с предикатами *вычесть, взыскать*; а в другой – **нет этого указания (П.2.2):** *Всякий раз он получал за свои труды копеек двадцать-сорок (Чехов); Продавец содрал с меня за продукты 50 руб.*

В первом случае надо отметить, что в самом глаголе *получить* не указывается на право взять деньги. Передает этот смысл не глагол *получить*, а компонент *за что* – *за свои труды*.

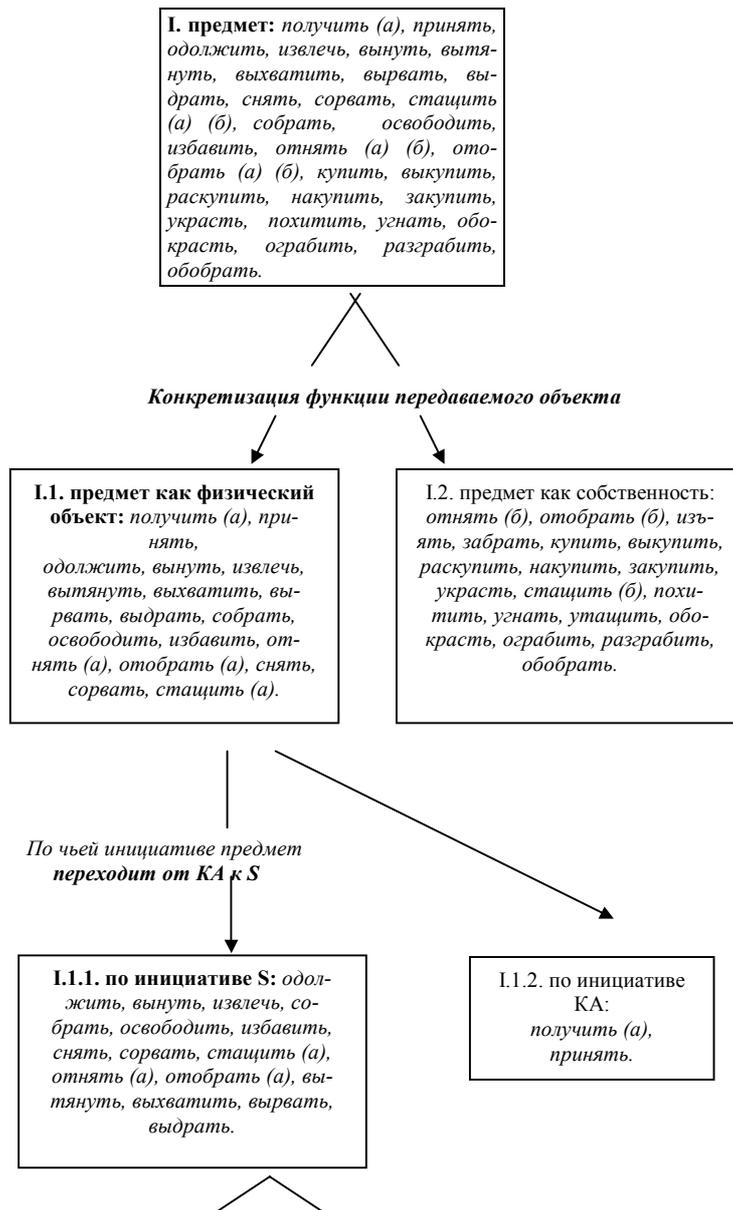
Ситуации второго типа обозначаются предикатами *получить (б), содрать*.



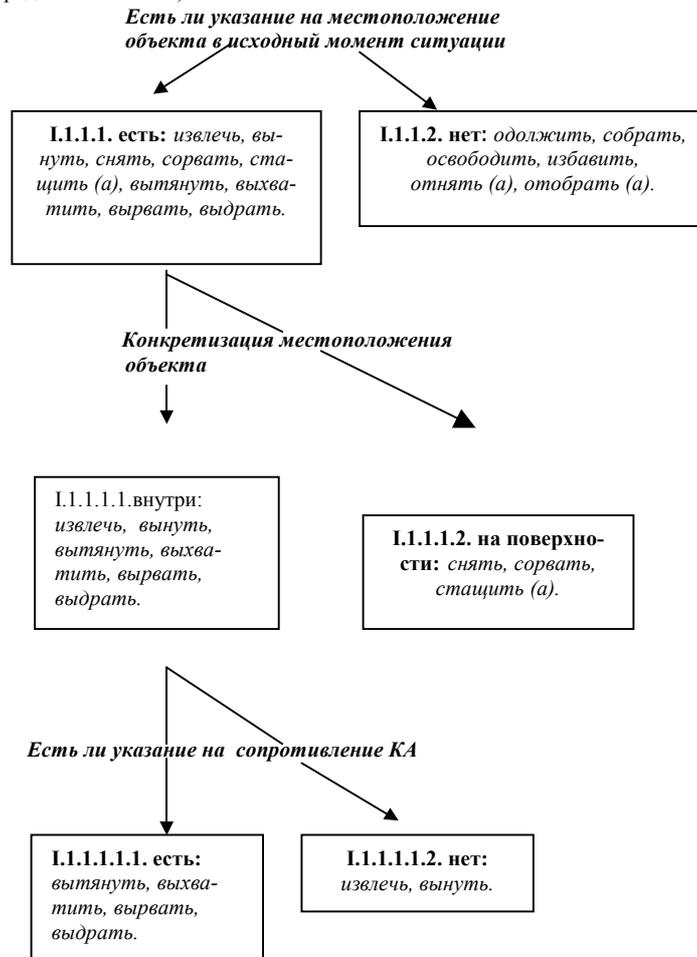
Таким образом, иерархия смыслов предложений класса может быть представлена следующей схемой.



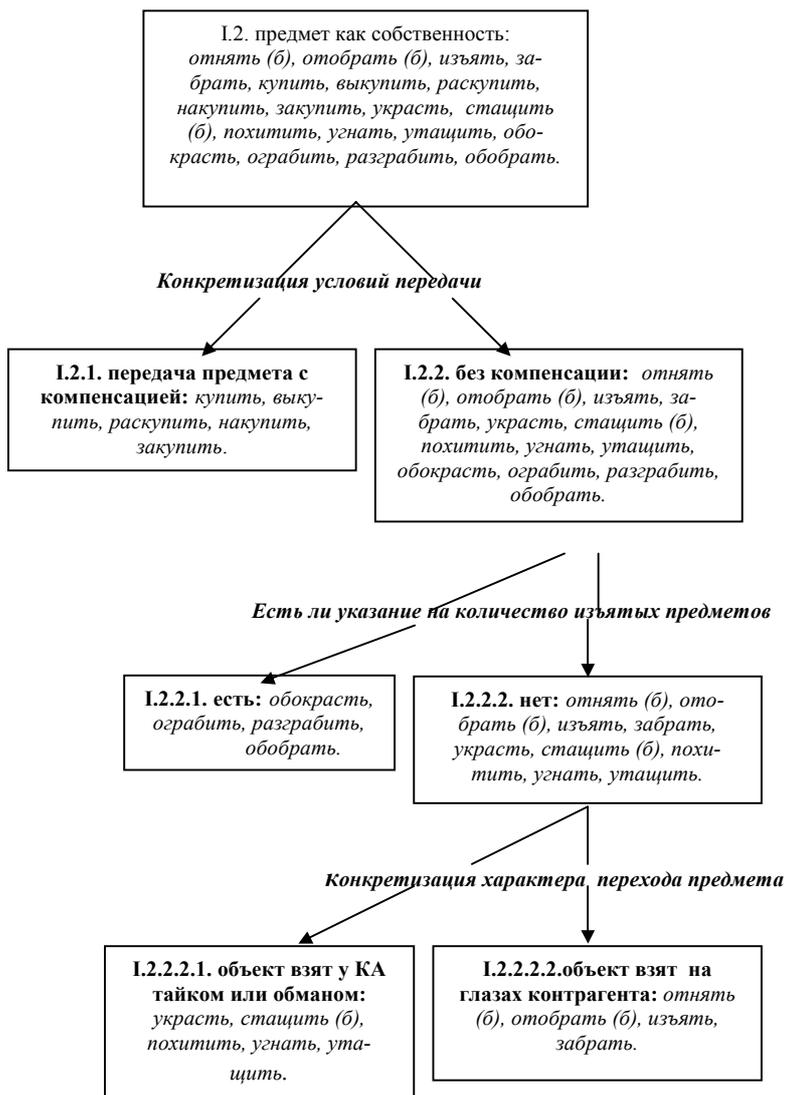
(продолжение схемы)



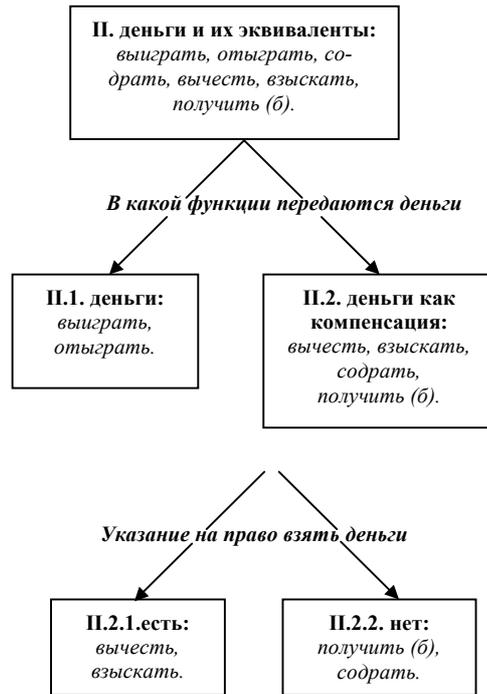
(продолжение схемы)



(продолжение схемы)



(продолжение схемы)



II. Особенности семантики предикатов класса и структура предложений, в которых они функционируют.

Рассмотрим более подробно каждую из выделенных подгрупп.

Вытянуть, выхватить, вырвать, выдрать¹ [I.1.1.1.1]

Структура предложений, в которой позицию предиката занимают названные глаголы: $N_1 - V_f - N_4 - [из N_2 (чего)] - у N_2 (кого)$.

В структуре предложений с предикатом *вытянуть* компонент *из N₂* обязателен.

Позицию N_1 занимает имя лица, у которого окажется передаваемый предмет, позицию $у N_2$ – имя лица, у которого был этот предмет. При этом позицию *из N₂* занимает слово “руки”. Компонент $у N_2$ может

¹ В квадратных скобках указано, какое место группа занимает в “иерархическом древе смыслов”.

быть замещен притяжательным местоимением. Я вытянула книгу из его рук.

Предикаты с приставкой “вы-” – *вытянуть, выхватить, вырвать, выдрать* – указывают на то, что предмет находился непосредственно в руках у контрагента, в результате названного действия он оказывается в руках у субъекта.

По степени интенсивности сопротивления, мы можем представить такую последовательность: *вытянуть, выхватить, вырвать, выдрать*.

Данные предикаты указывают на сопротивление контрагента.

В предикате *вытянуть* есть сема, указывающая на некоторое затруднение действия, на легкое сопротивление контрагента: Он вытянул пальто у меня из рук; Я вытянула книгу из его рук.

Предикат *выхватить* указывает на резкость, стремительность действия и его неожиданность для контрагента: Человек спереди мгновенно выхватил из рук Иуды кошель (Булгаков); Он выхватил у меня письмо; Хозяин бросился к величавому дворецкому, выхватил из рук у него поднос, сам наполнил золотую чарочку (Пушкин).

В предикате *вырвать* более ярко выражено сопротивление контрагента: Я его умолял: сожги ты, бога ради, свой пергамент! Но он вырвал его у меня из рук и убежал (Булгаков); Он... вырвал из рук крайнего музыканта тарелку... (Булгаков); Мама вырвала у меня ковш.

Предикат *выдрать* представляет сопротивление контрагента как очень интенсивное: Тем самым гнусавым голосом, что был слышен в телефоне, крикнул второй и выдрал портфель из трясущихся рук Варенухи (Булгаков).

Извлечь, вынуть [I.1.1.1.2]

Эти предикаты функционируют в структуре $N_1 - V_f - N_4 - \text{из } N_2 - \text{у } N_2$.

Данные предикаты, как и предикаты *вытянуть, выхватить, вырвать, выдрать*, указывают на то, что в исходный момент события объект был в руках или внутри какой-либо емкости, находящейся у контрагента. Однако в отличие от предикатов *вытянуть, выхватить, вырвать, выдрать*, предикаты *вынуть, извлечь* не имеют семы, указывающей на сопротивление контрагента.

Предикат *вынуть* по своему смыслу самый нейтральный: Выведа арестованного из-под колонн в сад, Крысобой вынул из рук у легионера, стоявшего у подножия бронзовой статуи, бич... (Булгаков); Так или молча некоторое время, пока она не вынула у меня из рук цветы... (Булгаков).

Предикат *извлечь* указывает на то, что действие затруднено: Он извлек шарф у меня из рюкзака.

Одолжить, собрать, освободить, избавить, отнять (а), отобрать (а), стащить (б) [П.1.1.2]

Предикаты *одолжить, собрать, отнять (а), отобрать (б), стащить (б)* функционируют в структуре $N_1 - V_f - N_4 - у N_2$ (кого). Позицию N_1 занимает имя лица, у которого в конечный момент будет объект, позицию N_4 – имя передаваемого объекта, позицию $у N_2$ – имя контрагента. Позиция имени контрагента при предикате *собрать* факультативна.

Структура предложений с предикатами *освободить, избавить* – $N_1 - V_f - N_4 - от N_2$ (чего). В этом случае позицию N_4 занимает имя лица, у которого был передаваемый объект, позицию *от N_2 (чего)* – имя предмета, от которого контрагент хотел освободиться.

Предикат *одолжить* указывает на обязательство возвратить передаваемый объект.

Надо обратить внимание на то, что предикат *одолжить* в зависимости от синтаксических связей, может обозначать действия подобные тем, которые обозначаются предикатами *дать*, или *взять*. Чтобы предикат *одолжить* был синонимичен предикату *дать*, он должен функционировать в структуре предложения $N_1 - V_f - N_4 - N_3$ (к ξ му), синонимичен предикату *взять* – в структуре $N_1 - V_f - N_4 - у N_2$ (кого). Ср.: *Он одолжил мне ручку. – Я одолжила у соседа чайник на час.*

Предикат *собрать* указывает на то, что к субъекту переходят предметы от многих лиц или из разных мест. При этом передаваемые предметы однотипны, однородны. Они нужны субъекту для определенной цели. Они должны быть у субъекта. *Учитель собрал тетради учеников / у учеников.* При этом *тетради* не присваиваются субъектом.

Предикаты *отнять, отобрать* отражают две ситуации:

1) предмет переходит от одного лица к другому именно как физический объект, субъект берет этот предмет, т. к. он не должен остаться у контрагента (*отнять (а), отобрать (а)*). При этом предмет не присваивается субъектом, но и не должен оставаться у контрагента: *Мама отняла у ребенка спички; Мой пропуск просрочен. Когда я входила в университет, его отобрали;*

2) передаваемый предмет становится собственностью субъекта (*отнять (б), отобрать (б)*). О втором значении этих предикатов будет сказано далее.

Предложения с предикатом *отнять (а)* отражают ситуацию, когда субъект не хочет, чтобы предмет оставался у контрагента. Кроме того, в семантике этого предиката всегда указывается на сопротивление контрагента, но предмет не присваивается субъектом. Цель действия субъекта

– “сделать так, чтобы в руках у контрагента этого предмета не было”: Мама отняла у ребенка спички; Солдаты отняли его [нож] у меня, когда вводили сюда, ... вы мне его верните, мне надо отдать его хозяину... (Булгаков). В первом случае мама отняла у ребенка спички, потому что в руках ребенка спички опасны. Во втором – солдаты отняли нож не потому, что хотели иметь этот нож, а потому, что нельзя, чтобы к прокуратору шел человек, у которого есть оружие.

Предикат **отобрать (а)** обозначает ситуацию, сходную с той, которую обозначает предикат **отнять (а)**, но в семантике предиката **отобрать (а)** иногда нет информации о сопротивлении контрагента, есть информация о нежелании отдать. Обычно в этом случае используется не сила, а права или закон: *Мой пропуск просрочен. Когда я входила в университет, его отобрали* (пропуск больше не действителен, и поэтому его взяли у меня).

В предложениях с предикатами **освободить**, **избавить** отражается ситуация, когда объект, который был у контрагента, причиняет ему какие-либо неудобства (мешал, был слишком тяжелым для контрагента и т. д.): *Рюхин, обремененный полотенцами, был встречен Арчибальдом Арчибальдовичем очень приветливо и тотчас избавлен от проклятых тряпок* (Булгаков); *Он освободил меня от тяжелой сумки.*

Предложения с предикатом **стащить** отражают две ситуации:

- 1) объект, переходящий к субъекту, находится на поверхности что-либо (**стащить (а)**): *Он стащил у меня с плеч тяжелое пальто;*
- 2) в предложениях указывается на присвоение объекта субъектом (**стащить (б)**): *У меня стащили часы.*

Во второй ситуации часы украли, то есть, их присвоили.

Снять, сорвать, стащить (а) [1.1.1.1.2]

В предложениях с данными предикатами отражается ситуация, когда объект, переходящий к субъекту, находится на поверхности что-либо.

Предикаты **снять**, **сорвать**, **стащить (а)** функционируют в структуре $N_1 - V_f - N_4 - с N_2$ (чего) – у N_2 (кого) или $N_1 - V_f - N_4 - с N_2$ (кого). Позицию N_1 занимает имя лица, у которого окажется объект, N_4 – имя объекта. Позицию $с N_2$ (чего) занимает название части тела или предмета, одежды (с головы, с пальца, с плеч, с пальто). Позицию $с N_2$ (кого) может занимать непосредственно имя лица, у которого был предмет (с ребенка, с меня).

Предикат **снять** по своему смыслу самый нейтральный: *Мама сняла с головы ребенка шапку / с ребенка шапку.*

Предикат **сорвать** подчеркивает, что действие совершилось рывком, резким движением, которое даже может причинить контрагенту боль. Этот предикат употребляется, прежде всего, в обиходно-бытовой речи, имеет отрицательный смысл: *Он сорвал у меня с головы шляпу; ... Кузьма... привязывался ко всем встречным. С одного он сорвал шапку, другому ткнул кулаком в живот, третьего потрогал за бороду* (Чехов); *Он... левой рукой сорвал с иностранца шляпу...* (Булгаков).

Предикат **стащить (а)** подчеркивает затрудненность действия: *Он стащил у меня с плеч тяжелое пальто; Я помог ему раздеться, стащил с него сапоги.*

Эти предикаты акцентируют внимание на том, что предмет удален, а где он находится в результате действия, информации нет: в руках или уже не в руках субъекта.

Получить (а), принять [I.1.2]

Предикаты **получить, принять** функционируют в структуре $N_1 - V_f - N_4 - от N_2$ (кого). Позицию N_1 занимает имя лица, у которого в результате действия окажется предмет, позицию N_4 – имя предмета, а *от N_2* (кого) – имя контрагента.

Предикат **получить** передает две ситуации:

1) предмет переходит от одного лица к другому именно как физический объект: *На пасхе Модест Алексеевич получил Анну второй степени* (Чехов);

2) передаются деньги как компенсация.

Предикат **получить (а)** указывает на то, что передача предмета происходит по инициативе контрагента. С этим предикатом могут сочетаться имена любых предметов, названия денежных единиц или названия какой-то награды (орден, премия, диплом и т. д.): *Сильвио получил письма, адресованные в наш полк...* (Пушкин); *Пересчитав деньги, председатель получил от Коровьева паспорт иностранца для временной прописки* (Булгаков).

Значение второго типа рассмотрено далее.

Предикат **принять** отражает социальные роли участников события. В нем указывается на то, что сам контрагент относится к субъекту как лицу более значимому, субъект берет предмет от контрагента в качестве подарка.

Фирма просит вас принять это на память (Булгаков). Смысл предиката может быть интерпретирован как: ‘я не могу заставить вас взять, прошу вас взять’.

Ср.: Я хочу тебе подарить эту книгу; Мне хотелось бы, чтобы ты взял эту книгу на память. – Примите от нас этот подарок / эту книгу / эти цветы; Он принял награду из рук президента.

Купить, выкупить, накупить, закупить, раскупить [I.2.1]

Предикаты *купить, накупить, закупить* функционируют в структуре $N_1 - V_f - N_4 / N_2$, а предикаты *выкупить, раскупить* – в структуре $N_1 - V_f - N_4$.

Предложения с данными предикатами отражают ситуацию, когда в результате действия участников ситуации объект становится собственностью субъекта, но субъект должен заплатить за этот предмет.

Предикат *купить* является самым нейтральным из этих предикатов.

В предикате *выкупить* есть сема, указывающая на то, что раньше предмет принадлежал субъекту, отдав деньги или залог, он получает его обратно от контрагента: Она выкупила заложенные вещи; Он выкупил имущество.

Предикат *накупить* указывает на большое количество купленного: Все это накупил мне отец мой (Гоголь); Мама накупила фруктов и пирожных.

Предикат *закупить*, как и предикат *накупить*, указывает на большое количество купленного. Значение предиката осложнено дополнительным смыслом. Он обычно используется, когда производят закупку в запас: Президент этой фирмы решил закупить всю продукцию завода; Сосед закупил продукты к празднику.

Значение предиката *раскупить* осложнено указанием на то, что в том месте, где были покупаемые предметы, их не осталось: Книга была раскуплена.

Украсть, стащить (б), похитить, угнать, утащить [I.2.2.2.1]

Данные предикаты функционируют в структуре предложений $N_1 - V_f - N_4 - y N_2$.

В семантике всех этих предикатов присутствуют дополнительные компоненты значения.

Как уже было сказано, предложения с предикатом *стащить* отражают две ситуации. Отражение первой из этих ситуаций было рассмотрено в группе предложений I.1.1.1.2.

Вторая из этих ситуаций – это ситуация, когда предмет становится собственностью субъекта. Ср.: Стащили у меня часы. – Он стащил у меня с плеч тяжелое пальто.

В предикате *стащить* (б) есть сема, выражающая оценку украденного предмета, как не очень значительного, ценного: *Стащили у меня часы; Кто стащил мой карандаш?; Я стащил у нее месяц тому назад связку ключей и, таким образом, получил возможность выходить на общий балкон* (Булгаков).

Предикат *утащить* по смыслу вполне совпадает с предикатом *стащить* (б).

Предикаты *утащить* и *стащить* характерны для обиходно-бытовой речи.

Отличие от предикатов *стащить* (б) и *утащить*, предикат *похитить*, наоборот, включает сему, указывающую на то, что, с точки зрения говорящего, объект, который исчез, представляет значительную ценность: *Похитили у меня важные дискеты / документы; Похитили ребенка.*

Когда мокрый Иван проплясал по ступеням к тому месту, где осталось под охраной бородача его платье, выяснилось, что похищено не только второе, но и первое, то есть сам бородач (Булгаков). В данном случае Булгаков подчеркивает, насколько предмет важен для контрагента.

Она догадывалась, что сурьма и белила были похищены из ее комода... (Пушкин). Используя глагол *похитить*, Пушкин иронизирует над тем, что произошло, подчеркивает необычность самого поступка барышни, и для Лизы в этот момент те предметы, которые она брала, представляли очень большую ценность.

Предикат *украсть* является самым нейтральным из предикатов группы, указывающей на присваивания чужого предмета без компенсации. С этим предикатом может сочетаться название любого предмета: – *А что ты делал в моем саду? – Малину крал, – отвечал мальчик с большим равнодушием* (Пушкин); *Он украл из дупла кольцо, папенька, прикажите отдать кольцо* (Пушкин); *Украл у меня все деньги.*

Употребление предиката *угнать* ограничено. Он используется, только когда речь идет о краже скота или транспортного средства: *У соседа лошадь угнали; У меня велосипед угнали; У соседа угнали новую машину.*

Отнять (б), отобрать (б), изъять, забрать [I.2.2.2.2]

Данные предикаты функционируют в структуре $N_1 - V_f - N_4 - y N_2$.

Как уже было сказано, предложения с предикатами *отнять* и *отобрать* отражают две ситуации. В одной из них предмет передается просто как физический объект, а в другой – объект переходит к субъекту как собственность. Ср.: *Мама отняла у ребенка спички; Мой пропуск был просрочен, его отобрали у меня* (спички и пропуск не присваивают-

ся субъектом); У него отняли дом; Все, что он приносит с собой, отбирает у него Никита в свою пользу (Чехов) (дом и все, что он приносит, присваивается субъектом).

Как мы видим, предикат **отнять (б)** указывает, что тот объект, который берут, представляет определенную ценность, и его отнимают именно как ценность: (Дубровский) хотел меня повесить, да сжалился и опустил, зато всего обобрал, отнял и лошадь, и телегу (Пушкин). Этот смысл формируется в том случае, если позицию N_4 занимают имя недвижимой собственности (отнять землю / дом / мастерскую и т. д.) или название какого-либо предмета, который представляет ценность (деньги, машина и т. п.), его берут, и он становится собственностью субъекта. В нашем примере некоторые объекты (лошадь, телега) были у контрагента, он не хотел отдавать их другому человеку, а субъект ситуации (Дубровский) берет этот предмет, не считаясь с желаниями контрагента, действует вопреки этим желаниям и применяя силу.

Предикат **отобрать (б)** обозначает ситуацию, сходную с той, которую обозначает предикат **отнять (б)**, но обычно в этом случае субъект действует, опираясь на какие-то права, на закон. Ср.: Когда они ворочались к себе домой, то прослышали дорогой, что начальство хочет у них отобрать все золото и серебро (Чехов); Лесовладелец Скорняков, окружной богатей и воротила, отобрал у него за долги избу и пчельник (Горький). И в первом, и во втором случаях в результате взаимодействия участников ситуации предмет (золото и серебро / изба и пчельник) станет собственностью субъекта. Разница между этими двумя ситуациями заключается в том, что в первом случае не указывается на применение силы закона, а во втором – указывается. Говорящим действие субъекта воспринимается как несправедливое.

Предикат **изъять** также близок по значению предикату **отобрать (б)**, но если предикат **отобрать (б)** используется в обиходно-бытовой речи, то предикат **изъять** используется подчеркнуто при описании официальной ситуации: При обыске было изъято много ценностей; Изъяли старые книги при продаже.

Предикат **забрать** близок по значению предикату **отнять (б)**, но он используется в разговорной речи: Забрали у меня все вещи.

Обокрасть, ограбить, разграбить, обобрать [1.2.2.1]

Предикаты **обокрасть**, **ограбить**, **разграбить**, **обобрать** функционируют в структуре предложения $N_1 - V_f - N_4$ (что / кого), предикат **разграбить** функционирует $N_1 - V_f - N_4$ (что), а **обобрать** – $N_1 - V_f - N_4$ (кого). Имя в позиции N_4 обозначает то место, где был объект или лицо, у которого был

объект: *Воры обокрали квартиру; Магазин обокрали; Месяц назад меня обокрали.*

Предложения с данными предикатами сообщают о количестве изъятых объектов.

Предикат **обокрасть** является основным для выражения этого значения: *Мой человек, которого я любил, как сына обокрал меня (Островский).*

В предложениях с предикатом **ограбить** отражается ситуация, когда тот, кто берет объект, применяет угрозы или насилие, даже разбой. Этот предикат используется, когда речь идет о крупной краже: *В первом городе объявите, что вы были ограблены Дубровским (Пушкин); Вчера ограбили мою квартиру.*

Предикат **разграбить** отражает ситуацию, сходную с той, которая обозначается предикатом **ограбить**, но включает дополнительный смысл: место, где находились взятые объекты, полностью опустошено, там совсем ничего не осталось, и все взяли без компенсации: *Разграбили город; Разграбили монастырь.*

Предикат **обобрать** характерен для разговорной речи. Он обозначает ситуацию, когда подчеркивается, что у человека очень много взяли, используя обман, хитрость. В нем нет указания на применение физического насилия: *Обобрали меня до нитки; ... сам Дубровский был тут, хотел повесить меня, да сжалился и отпустил, зато всего обобрал, отнял и лошадь и телегу (Пушкин).*

Выиграть, отыграть [П.1]

В предложениях с этими предикатами указывается на то, что передаваемый объект – денежные единицы.

Предикаты **выиграть**, **отыграть** функционируют в структуре предложения $N_1 - V_f - N_4 - у N_2$ (кого), предикат **содрать** (б) – $N_1 - V_f - N_4 - с N_2$ (кого).

Позицию N_4 занимает имя денежных единиц (сколько денег), а позиции $у N_2$ (кого) и $с N_2$ (кого) – имя лица, у которого были эти деньги.

Предикаты **выиграть** и **отыграть** используются при отражении ситуации игры.

Предложения с предикатом **выиграть** отражают ситуацию, когда в результате участия в игре, чаще всего, в карты, субъект получает определенную сумму от контрагента: *Он выиграл у меня 1000 руб. в карты; Представьте, выиграл у него в пикет шесть с полтиной (Чехов).*

В семантике предиката **отыграть** есть сема, указывающая на то, что в результате игры субъект получает проигранное: *Он проиграл все, что было у него, но потом отыграл весь проигрыш; – А ведь будь толь-*

ко двадцать рублей в кармане, – продолжал Ноздрев, – ... я отыграл бы все (Гоголь).

Вычесть, взыскать [П.2.1]

Предикат *вычесть* функционирует в структуре $N_1 - V_f - N_4 - у N_2$ (*кого*) – из N_2 (*чего*). Компонент N_4 обозначает часть денег, а компонент $у N_2$ (*кого*) – лицо, у которого взяты деньги, а позицию из N_2 (*чего*) – общую сумму, из которой берется часть.

Структура предложения с предикатом *взыскать* – $N_1 - V_f - N_4 - с N_2$ (*кого*).

Позицию N_4 могут занять только слова типа *долг, штраф, налог*, т. е., то, что контрагент обязан передать, позицию $с N_2$ (*кого*) – множество людей, или имя групп людей.

Данные предикаты указывают на то, что деньги передаются в качестве компенсации. В предложениях с данными предикатами отражается ситуация, в которой у субъекта есть права взять эти деньги.

Предложения с предикатом *вычесть* отражается ситуация, когда субъект берет часть денег из суммы, принадлежащей контрагенту: ... *когда я пошла за его жалованьем, они ... вычли из его жалованья двадцать четыре рубля тридцать шесть копеек!* (Чехов); *Его деньги вычли из жалованья за прогульные дни.*

Предикат *взыскать* относится к официальному стилю речи. Тот, кто берет деньги, имеет законные права это сделать, заставляет кого-либо уплатить: *С него взыскали долг / штраф / плату за квартиру.*

Получить (б), содрать [П.2.2]

Предикат *получить* функционирует в структуре $N_1 - V_f - N_4 - от N_2$ (*кого*) – за N_4 (*что*). Позицию N_4 занимает имя денежных единиц, позицию *от N_2* (*кого*) занимает имя лица, от которого переданы деньги, а N_4 (*что*) – имя действия, компенсацией за которое являются деньги.

Структура предложения с предикатом *содрать* – $N_1 - V_f - N_4$ (*сколько денежных единиц*) – за N_4 (*что*) – с N_2 (*кого*). Позицию N_4 занимает количественно-именное сочетание типа: *X рублей*, позицию за N_4 (*что*) – имя предмета, за который заплачено.

Предикаты *получить (б), содрать* так же, как предикаты *вычесть, взыскать*, указывают на то, что деньги передаются как компенсация.

В том случае, когда предикат *получить* сочетается с названием денег, то мы можем понять, что речь идет о компенсации за какую-то работу, службу и т. д.

Ср.: *Всякий раз он получал за свои труды копеек двадцать-сорок* (Чехов); ... *председатель получил от Коровьева паспорт иностранца для временной прописки* (Булгаков).

Предикат ***содрать*** указывает, что с точки зрения говорящего, тот человек, у которого окажутся деньги, взял слишком много: *Содрали с меня 150 руб. за эту книгу.*

Таким образом, чтобы точно эксплицировать значение предиката, точно интерпретировать тот смысл, который передает определенный предикат, очень важно раскрыть те особенности обозначаемой им ситуации, которые релевантны для носителя русского языка. Такими признаками, с опорой на которые можно проводить дифференциацию предиката, являются признаки обозначаемого положения вещей.

Специфика значения предиката раскрывается только через объяснение особенности той ситуации, которую этот предикат называет. Особенности ситуации получают отражение в лексическом значении предиката.

В процессе преподавания русского языка носителям других языков важно проводить семантическую дифференциацию близких по значению предикатов с опорой на объективные признаки отражаемой ситуации, а также на особенности субъективного восприятия этой ситуации говорящим.

Л и т е р а т у р а

1. *Володина Г. И.* Описание семантических классов предложений в целях преподавания русского языка как иностранного. М., 1989.
2. *Евгеньева А. П.* Словарь синонимов русского языка в 2-х тт. Л., 1970-1971.
3. Словарь русского языка в 4-х тт. 3-е изд. М., 1985-1988.
4. *Кузнецов С. А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000.
5. *Кхун Тэ Мен* Новый корейский словарь. Сеул. 1996.

Эмономы в контекстуальном употреблении: анализ экспериментальных материалов

© С. Ю. Перфильева, 2001

Эмономы (слова – названия эмоций), являясь частью лексикона, образуют эмотивикон (наряду с грамматиконом, лексиконом, семантиконом – составляющими языкового сознания, см.: Караулов 1994). «Не вызывает возражений мнение о том, что мы говорим не словами, а предложениями и текстами. ... Можно согласиться и с тем, что если предложение – мост между значением и представлением, то текст – мост между реальностью и Homo Loquense» (Шаховский и др. 1998: 37).

При чтении текстов – продуктов эксперимента создавалось впечатление (далее подтвержденное статистически), что эмономы обозначают что-то, балансирующее между двумя «агрегатными состояниями»: активность / процессуальность / изменчивость / энергетичность и т. д., с одной стороны, и (versus?) пассивность / стабильность / устойчивость / вещьность и т. д. – с другой (характеристики разграничения эмономов подробнее см. Перфильева, 2001). По результатам эксперимента можно сказать, что оба состояния характерны для всех названных эмоций.

Следующая таблица представляет собой одновременно подсчет и сравнение употреблений эмономов в текстах ии. в ситуации «активности» и «пассивности» (жирным выделены те эмономы, перевес одного из состояний / свойств которых составил 10 и более пунктов):

активность/энергетика	пассивность/вещность
волнение 36	волнение 6
гнев 32	гнев 14
<i>гордость 26</i>	<i>гордость 19</i>
горе 7	горе 27
зависть 32	зависть 19
<i>желание 27</i>	<i>желание 22</i>
жалость 37	жалость 10
<i>любопытство 24</i>	<i>любопытство 15</i>
<i>любовь 34</i>	<i>любовь 43</i>
<i>ненависть 35</i>	<i>ненависть 20</i>
отвращение 31	отвращение 13
<i>радость 26</i>	<i>радость 17</i>
страх 33	страх 15
стыд 37	стыд 10
удивление 21	удивление 11

Таким образом, «активность» свойственна эмонамам ВОЛНЕНИЕ, ГНЕВ, ЖАЛОСТЬ, ОТВРАЩЕНИЕ, СТРАХ, СТЫД, УДИВЛЕНИЕ, а «пассивность» характерна только для ГОРЯ и ЛЮБВИ. Самым амбивалентным в этом отношении оказалось ЖЕЛАНИЕ.

Метафоры, часто используемые ии. в текстах: «путь к ненависти», «пришли в гнев», «гнев уступил место», а также «период горя и ненависти» – указывают, что сердце (душа) – это локус переживания и нахождения (хранения?) эмоций; глаза – микро-локуса радости и любви (кстати, сердце, душа, грудь, глаза – частотные ассоциации – см. Перфильева 1997), а осанка – проявление горя.

Необходимо сказать и о часто наблюдаемом явлении группировки эмонамов («слипание» эмоций?). Наиболее частотные из них НЕНАВИСТЬ + ОТВРАЩЕНИЕ (21 употребление), СТРАХ + ВОЛНЕНИЕ (13), ГНЕВ + НЕНАВИСТЬ (11), ЛЮБОВЬ + НЕНАВИСТЬ (8), СТРАХ + СТЫД (8), менее часто, но встречаются ЛЮБОВЬ + ЖЕЛАНИЕ, ЛЮБОВЬ + РАДОСТЬ, ЛЮБОВЬ + ВОЛНЕНИЕ. Но в русских словарных дефинициях такое «слипание» подтверждения не находит (кроме пары СТРАХ + СТЫД, и совершенно неупотребляемых вместе ОТВРАЩЕНИЕ + ВОЛНЕНИЕ). Дефиниции английских толковых словарей, в противовес русским, указывают на связь таких вышеупомянутых эмоций, как ОТВРАЩЕНИЕ + НЕНАВИСТЬ; СТРАХ + ВОЛНЕНИЕ; ГНЕВ + НЕНАВИСТЬ; ЛЮБОВЬ + ЖЕЛАНИЕ. Но для того, чтобы с какой-либо долей уверенности говорить о «присвоении» русскими искусственными билингвами этого, присутствующего в английском языке, явления «комплексности» эмоций, необходимы более специализированные эксперименты.

Показатели употребительности всех эмонамов, полученные при шкалировании (см.: Перфильева 1998) довольно низки (по сравнению с оценками по другим параметрам); наиболее частотны, по мнению ии., ЛЮБОВЬ + 1,5; РАДОСТЬ + 1,4; ЖЕЛАНИЕ + 1,4. Отрицательные эмоции оцениваются очень низко. Но данные шкалирования косвенно согласуются с результатами эксперимента на контекстуальное употребление эмонамов: перечисленные эмонамы действительно наиболее часто употребляются и повторяются, а названия отрицательных эмоций игнорируются. Это происходит, возможно, неосознанно. Результаты эксперимента с эмонамами по методике «free listing» (см.: Перфильева 2001) говорят о значительном преобладании употребления названий положительных эмоций. Называя (тем более записывая!) положительные эмоции, ии. не только указывает на некие психологические состояния, но, осознавая их (моделируя их в сознании?), автоиндуцирует их переживание (в латентной форме). Отрицательные эмоции не употребляются при перечислении и избегаются в текстах (да и называются так)

именно потому, что они отвергаются человеком интуитивно – их переживать не приятно. Это косвенно подтверждает предположение А. М. Эткинда о том, «что самооценка является не столько отражением реального состояния эмоциональной сферы, сколько оценкой «социальной желательности» данного свойства» (цит. по: Хомская, Батова 1998: 30). То есть тексты, полученные в эксперименте на контекстуальное употребление эмонимов русского языка, при всей индивидуальности их сюжетов, стилей и объемов, возвращают эмонимы на уровень национальной культуры (закрепленный в словарях), т. к. описывают «социально желательные» формы переживания эмоций и употребляют эмонимы в «социально желательных», и потому грамматически, синтаксически и т. д. верных сочетаниях.

Л и т е р а т у р а

1. *Караулов Ю. Н.* Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. Кн.1. М., 1994. С. 190 – 218.
2. *Перфильева С. Ю.* Экспериментальное исследование названий эмоций // Психолингвистические исследования слова и текста. Тверь, 1997. С. 104 – 108.
3. *Перфильева С. Ю.* Исследование слов – названий эмоций методом шкалирования // Семантика слова и текста: психолингвистические исследования. Тверь, 1998. С. 121 – 127.
4. *Перфильева С. Ю.* Лексикон и его эмонимические составляющие. Курск, 2001. (В печати.)
5. *Шаховский В. И., Сорокин Ю. А., Томашева И. В.* Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград, 1998.
6. *Хомская Е. Д., Батова Н. Я.* Мозг и эмоции. Нейропсихологическое исследование. М., 1998.

ЛИНГВОПОЭТИКА

Одна из закономерностей стандартной и нестандартной речи в основных вариантах английского языка

© кандидат филологических наук Е. Н. Малюга, 2001

Сопоставляя различные жанры литературы, можно прийти к выводу о том, что для сравнения английских вопросительных форм, такой вид художественного произведения, как пьесы наиболее приемлем. Особенно это прослеживается в пьесах современных английских и американских писателей, где наиболее полно и адекватно отражен современный английский разговорный язык. Принципиально важным при этом является обращение к произведениям нескольких авторов, поскольку, как совершенно справедливо утверждает Н. Теплицкая (1975), “диалогический текст каждой пьесы по существу является монологом ее автора и несет на себе отпечаток его стиля”.

Разумеется, не любой автор способен отразить в своих пьесах подлинность живой разговорной речи. На это обращали внимание такие всемирно известные писатели, как Вольтер и Голсуорси. “Искусство диалога, — писал Вольтер, заключается в том, чтобы заставить беседующих говорить то, что они сказали бы и на самом деле”.

“Писать хороший драматический диалог, — отмечал Голсуорси, — это суровое искусство, здесь автор не дает себе ни малейшей поблажки. Он стонет от каждой фразы” (Голсуорси).

Учитывая все это, для написания данной статьи были отобраны тщательным образом драматурги, пьесы которых обладали бы не только высокой художественной ценностью, но и были в достаточной мере реалистичны, отражали бы закономерности живой английской речи. Другими словами, были проанализированы пьесы только тех авторов, имена которых прочно утвердились, как в британской, так и в американской драматургии. Поскольку нас интересуют расчлененные вопросительные предложения, то мы рассматриваем их употребление в речи образованных и необразованных персонажей британских и американских пьес.

Говоря об отборе материала для исследования, необходимо подчеркнуть, что основным критерием было представление утвердительной и вопросительной части высказывания в виде одного предложения.

Таким образом, последовательности утверждения (повелительных или восклицательных предложений) и кратких вопросов были исключены из нашего анализа.

Обратимся к нашему материалу с точки зрения образовательного ценза персонажей пьес. В другой терминологии можно было бы говорить о грамотной и неграмотной речи. Характеристике неграмотной речи персонажей пьес уже уделялось достаточно много внимания в современной лингвистической литературе. Однако в интересующем нас аспекте никаких исследований пока не проводилось.

Следует сразу отметить, что материал неграмотной (или малограмотной) речи оказывается гораздо меньшим по объему, чем материал речи грамотной. Это обусловлено, с одной стороны, тем, что они чаще оказываются на вторых ролях.

Анализ речи образованных и необразованных персонажей пьес представляет собой интерес и с точки зрения преподавания английского языка как иностранного.

Обратимся к пьесе “Шеппи” С. Моэма. Интересно, что в речи героя этой пьесы парикмахера Шеппи расчлененные вопросы встречаются довольно часто. Гораздо более часто, чем у какого-либо другого мужского персонажа.

Ernie: D’you think a hairdresser’s the right man to start it?

*Sheppy: I don’t know why not: **Jesus was only a carpenter, wasn’t he?***

Florrie: I think it’s awful comparing yourself to Jesus, dad. (Maugham W. S., Sheppy, 60-61).

По реакции дочери можно прийти к заключению, что Шеппи говорит пренебрежительно. Пренебрежительность сквозит и в таких ситуациях, как:

Mrs. Miller: I’ll draw the blind. (She goes to the window and does this ...)

*Sheppy: Come in ... **Oh, it’s you, is it?** I thought I’eard a knock.*

Bessie: I don’t knock. (Maugham W.S., Sheppy, 96).

Miss Grange: He was in this morning, Sheppy.

*Sheppy: **Well, it wasn’t my fault, was it?** (Maugham W.S., Sheppy, 18).*

Bessie: I felt I couldn’t walk up and down and round for hours if I didn’t have my beer.

*Sheppey: **You must be pretty peckish, aren’t you?***

Bessie: Yes. ... (Maugham. Sheppy., 26).

Небрежный и даже фамильярный тон присутствует в речи Шеппи, когда он говорит не только со своими друзьями и родными, но и со своими клиентами.

Bolton: I daresay you're right.

Sheppey: I know I'm right. I mean, if you was vain you wouldn't want to look any older than you need, would you?

Bolton: I'm only just over forty, you know.

Sheppey: Is that a fact, sir? Of course, being so grey over the temples makes you look more. (Maugham W.S. Sheppy, 18).

Таким образом, можно прийти к заключению, что форма РВ обычно ассоциируемая с дружеским расположением, в устах Шеппи как бы теряет свою выразительность, становится чем-то формальным, скорее фамильярным, чем истинно дружеским.

Разумеется, наблюдались и случаи употребления РВ с теми или иными положительными коннотациями, однако их было крайне незначительное количество. Так, например, Шеппи явно выражает сочувствие своей жене в следующей сцене:

Mrs. Mi Her: Oh, I do hate doctors.

Sheppey: Why, you're not anxious, are you?

Mrs. Miller: Yes. (Maugham W.S., Sheppy, 88).

Sheppey: That's silly. There's nothing the matter with me.

Sheppey: 'Ere take it. (He hands the snuff-box to Cooper.)

Cooper: What do you mean?

Sheppey: I'm giving it to you.

Cooper: Why?

Sheppey: You want it, don't you?

Cooper: No. (Maugham W.S., Sheppy, 85).

Шеппи не спрашивает своего собеседника, а побуждает его сделать то, что ему хочется. Привлекает внимание предельная краткость РВ.

Sheppey: She's going to stay and 'ave a bit of supper with us.

Mrs. Miller: Oh, dad, you might 'ave warned me.

Sheppey: You don't mind pot-luck do you? Bessie: Me? A pleasure, I'm sure.

Sheppey: There's always plenty and my wife's a wonderful good cook. You'd surprised 'ow tasty she makes things. (Maugham W.S. Sheppy, 64).

В этом случае так же, как и в предыдущем, Шеппи не столько спрашивает, сколько предлагает в довольно небрежной, даже безапелляционной форме.

Подытоживая использование расчлененных вопросов в речи Шеппи, следует обратить внимание также на структуру соответствующих высказываний. За редким исключением эти высказывания предельно кратки. Кроме того, целый ряд этих высказываний носит характер своего рода клише. К числу таких расчлененных вопросов принадлежат,

например, *"Oh, it's you, is it?", "it is not my fault, is it?", "You don't mind, do you?"* и т.д.

Эта особенность расчлененных вопросов Шеппи довольно ярко проявляется в его диалоге со Смертью. Здесь мы вновь встречаемся с клише-образными выражениями типа *"that's funny, isn't it?"* Так, например:

Death: Why do you do that?

*Sheppey: I was only pinching my arm. I wanted to see if I was awake. I'm dreaming. **That's funny, isn't it?***

Death: What makes you think you're dreaming?

Sheppey: Well, I know I am ... (Maugham W.S., Sheppy, 98)

Bessie: I'm afraid you must take as I am.

*Sheppey: Oh, go on speak natural ... **You are , Bessie Legros, aren't you?**
You're just like her ...*

Woman: No. (Maugham W.S., Sheppy , 97)

Death: ... The world will get on quite well without you. You man, you find it hard to realize that. (There is the sound of the street door being closed.)

*Sheppey: There's my wife just come in. **I'll call her, shall I ?***

Death: She wouldn't hear you if you did. (Maugham W.S., Sheppy, 102-103).

Обратимся теперь к речи другого мужского персонажа — Стэнли Хэрингтона из пьесы "Упражнения для пяти пальцев" ("Five Finger Exercise") П. Шеффера.

В отличие от Шеппи Стэнли сумел выбиться в люди, однако отсутствие образования его весьма беспокоит. Вот почему он всячески старается дать своему сыну Клайву самое хорошее образование. Из-за различного социального положения нельзя ставить знак равенства между Шеппи и Стэнли: неграмотность Шеппи очевидна уже на уровне фонетическом (*"ere bake it", "ave anything on the race today"*), в то время как у Стэнли она проявляется в основном на синтаксическом уровне (*"Now we've got a tutor we must be"*). Но тем более интересно сопоставить эти два персонажа и попытаться обнаружить общие для них черты.

Мы начнем наш анализ речи Стэнли Хэрингтона с той ситуации, где данный персонаж совершенно прямо заявляет своему собеседнику, что не имеет должного образования.

Walter: I do not think people drink for good. reasons.

Stanley: Sit down.

(Walter sits uneasily right of the table.)

You don't think much of me, do you?

Walter: Mr.Harrington.

*Stanley: Why? Because I'm. not educated. **Is that it?***
Walter: Of course, not., (Shaffer P., Five Finger Exercise, 156)

Обратимся, например, к следующим ситуациям в начале пьесы:

Clive (nervously): I promised to review something. It's going to be printed. ...
Stanley: In a paper?
Clive: Sort of a paper.
*Stanley (sarcastically): **Oh, The Times., I suppose?***
Clive (unhappily): Well, it's more of a magazine, actually. (Shaffer P., Five Finger Exercise, 41-42).

Стэнли вполне намеренно использует словесную формулу "I suppose", он как бы подражает той высокопарности речи, которую на самом деле глубоко презирает. Но авторская ремарка "sarcastically" характеризует не только эту особенность расчлененных вопросов, но и его проудию.

Аналогичную ситуацию мы имеем и в следующем диалогическом единстве:

Walter: ...Mr. Harrington, your son needs help. Will he get it?
Stanley: He can always come to me. He knows that.
Walter (raising his voice slightly): And will he come? Does he come?
*Stanley (gathering dignity about him): As a matter of fact, we had a very frank talk last night. **You didn't know that, did you?** (He pauses.)
What are you thinking?
Walter: You know you are very like your son, Mr. Harrington.
*Stanley (sarcastically): Oh, yes. **In education, I suppose?***
*Walter: I say too much always. (Shaffer P, Five Finger Exercise, 137).**

Не только во втором случае (при наличии авторской ремарки), но и в первом случае персонаж выражает свое саркастическое отношение к собеседнику.

Как видим, формула "I suppose" повторяется в речи Стэнли неоднократно. Приведем еще прием такого оформления расчлененного вопроса:

Stanley (brusquely): You know who we are? We're millionaires
Clive: What?
*Stanley: Now, we've got a tutor we must be. We don't send our girl to anything so common as a school. **You like the idea, I suppose?***
Clive (eager to agree): As a matter of fact, I think it's ridiculous — I mean, well-unnecessary, really. (Shaffer P, Five Finger Exercise, 40).

Поскольку Стэнли говорит с тем же самым персонажем по отношению к которому он проявлял сарказм, то вполне допустимо предпо-

ложить по аналогии, что и в данном случае его отношение к собеседнику будет таким же.

Даже в тех случаях, когда нет авторских ремарок, есть все основания полагать, что в разговоре с Вальтером — учителем дочери Стэнли постоянно придерживается саркастического тона.

Stanley: He's my son. How can he think that?

Walter: ... When you look at him, he sees you are thinking, "How useless he is"

Stanley: And when he looks at me — what's he thinking? Ah, that's a different story, isn't it? (Bitterly.) "How common he is!"

Walter: Oh, no ... (Shaffer P., Five Finger Exercise, 137)

Хотя автор и пишет о тоне говорящего — "с горечью" ("bitterly"), на самом деле даже на основании микроконтекста видно, что речь идет об энантиосемии высказывания: Стэнли не видит большой разницы между тем, как он относится к сыну, и тем, как сын относится к нему. Для выражения энантиосемии, как известно, саркастический тон является наиболее типичным.

Когда же Стэнли говорит с членами своей семьи, то саркастический тон исчезает из его речи.

Stanley: ... Do you think if we went away it would help? Just the two of us, alone together. We could go back to Monte.

Louise: You know I can't stand the place. ...

(Pamela comes into the living-room.)

Clive? Oh, it's you, Pam. ...

Pamela: Good night. ...

Stanley (crossing and sitting on the sofa): It's worth a try isn't it Louise?

Louise: Yes, Stanley. It is worth a try. (Shaffer P., Five Finger Exercise, 133).

В диалоге Стэнли с женой, на первый план выходит ФФ. Когда же Стэнли обращается к сыну, то он также стремится расположить его к себе, он всячески уговаривает сына продолжить образование.

Clive (with a final spurt of energy): I'm talking about care. Taking care. Care of people you want to know. ...

Stanley: Well, that's given me something to think about, old boy. It's getting late, now. Why don't we go on with it in the morning? What?

(Clive is silent.)

Well, I'll say good night. (He moves to the hall door and opens it.) I said "good night, Clive. ... What's the matter boy?

(Clive shakes his head.)

You _can tell me, can't you? (He pauses.) Now, that's a silly attitude to take isn't it? I'm your father. That's what; I'm here for.

(Clive twists to face up stage from the thought of Stanley's touch.)
 (He rises.) **I say, there's _some thing really wrong, isn't tere?**
 Clive (whispering): No. (Shaffer P., Five Finger Exercise 95-96).
 Clive: ... Look, education — being educated — you just can't talk about it in that way. ...
 Stanley: Be that as it may ...
 Clive: You don't see.
 Stanley: Clive, I'm not talking about education. ... Everyone doesn't get to Cambridge. ... What you do now, will influence the rest of your life.
You know that, don't you?
 Clive: I suppose it will. (Shaffer P., Five Finger Exercise, 71).

Отношения между Стэнли и дочерью носят теплый характер, о чем, в частности, говорят авторские ремарки. Так, например:

Pamela (moving to right of Stanley): Daddy, can I borrow your red jacket?
 Please say "yes".
 Stanley (quietly): **Of course — it'll be a bit big, though, won't it?**
 Pamela: Nonsense — I shall wear it as a cape. (Shaffer P., Five Finger Exercise, 71)

Сопоставляя речь Шеппи и Стэнли, не трудно заметить тот факт, что и у Стэнли расчлененные вопросы, как правило, предельно коротки. У него также встречаются клишеобразные расчлененные вопросы типа : **"That's a different story, isn't it?", "You know that, don't you?"**

Вместе с тем характерной особенностью речи Стэнли является использование расчлененных вопросов, которые завершаются словесной формулой **"I suppose"**, в речи Стэнли их нельзя рассматривать, как признак гиперурбанизма, однако по отношению к неграмотным персонажам в целом такое предположение представляется не лишенным смысла.

В пьесе "Корни" ("Roots") А. Уэскера мужские персонажи также довольно часто употребляют краткие клишеобразные расчлененные вопросы. Приведем несколько примеров:

Mr. Bryant: When we gonna eat that?
 Beatie: You ent ! It's for Jenny Beales.
 Mr. Bryant: **You aren't making; that for Jenny are you?**
 Beatie: I promised, her. (Wesker A. Roots, 195).

Отец упрекает дочь, что она отказывается его покормить, хотя он болен.

Stan: You bin courtin' three years. Why ent you married. yit?
 Beatie (slightly embarrassed.): We ent sure yit.

*Stan: You ent sure you say? What ent you sure of? **You know how to do it don't you?***

Jenny: Yo on wi' you to bed Stann Mann.

Stan: Tell your boy he don't wanna, waste too much time ... (Wesker A. Roots, 173).

Подвыпивший сосед иронизирует по поводу смущения соседки.

Jenny: Look at her. No sonner she's in than she's at them ole comics. You still read them. ole things?

*Jimmy : **She don't change much do she?** Beatie: Funny that I (Wesker A. Roots, 155).*

В этом случае РВ лишен какой-либо отрицательной коннотации, но в целом в указанной пьесе в речи мужчин преобладают отрицательные коннотации.

Перейдем теперь к описанию женских персонажей. Достаточно обширный материал оказалось возможным извлечь из пьесы "Шеппи" С. Моэма, поскольку сам главный герой принадлежит к соответствующей социальной прослойке.

Остановимся сначала на речи Бэсси — подружки Шеппи. Как у других необразованных персонажей, речь Бэсси отличается определенными отклонениями от стандартной английской речи. В частности, на уровне морфологии и синтаксиса: "*But gentlemen think it is and when they ask me name and I tell them Bessie Legros, they get all excited. Paris and all that. That's way I took the name. When I had me little flat in Kennington I used to call myself Mrs. Gloucester, because my first situation when I come to London was in Gloucester Place. Very nice lady» she was, not like some I could name, and. I thought I owed her something.*" (Maugham W.S., *Sheppy*, 57).

Именно у Бэсси впервые появляется специфическая разновидность, которая характерна только для неграмотной речи. Например:

Cooper: You have to be pretty smart with all the competition there is nowadays.

Bessie D'you find that in your business?

Cooper: There's always room at the top.

Bessie: Swank.

Cooper: Besides, what is my business?

*Bessie: **Petty thieving, ain't it ?***

*Cooper: Oh, and who do you think you are? You've got no cause to despise me. (Maugham W.S., *Sheppy*, 81).*

Как видим, у Бэсси РВ также предельно кратки, как и у мужских персонажей.

Интересно, что в тех случаях, когда расчлененные вопросы Бэсси оказываются более протяженными, это происходит за счет введения придаточного предложения условия, а главное предложение, содержащее расчлененный вопрос остается по-прежнему коротким. Например:

Miss Grange: I must say, I like a glass of champagne.

Bessie: It's class. That's what it is.

Miss Grange: Mind you, I wouldn't want it every day.

*Bessie: **Oh, no, I mean if you drank it every day jt wouldn't be a treat, would it?***

Albert: Ah, Sheppey. Reminds me of the fizz we 'ad at my sister's wedding. (Maugham W.S., Sheppy, 33).

Bessie: ... if you'd bold me eighteen months ago I'd come to this, I'd have said, Why, you're dreaming.

Sheppey: ... You can talk sensibly.

Bessie: I'm not a fool. I know that.

Sheppey: Seems funny you should be doing this if you understand what I mean,

Bessie: ... I had a nice little flat in Kennington. And I had three or four gentlemen used to visit me regular. ... And they liked me because they knew they could trust me. If you're a married man and in a good position, you have to be careful, don't you?

Sheppey: Yes, I suppose so. ... (Maugham W.S., Sheppy, 36).

В речи мисс Грейндж — маникюрши из салона, в котором работает Шеппи, выявляется еще одно понимание клишеобразности расчлененных вопросов.

Дело в том, что объем речи мисс Грейндж в целом весьма невелик. Мы встречаемся с ней в пьесе только в первом действии, но и за этот короткий промежуток времени она успевает употребить несколько расчлененных вопросов. Например:

Albert: Very good, sir. All I meant to say' is it can't 'elp but do the 'air good; Mr. Bradley makes it 'imself. It's made of the very best materials. I can guarantee that.

Customer: Shut up.

Miss Grange: You don't want a high polish on them, do you?

Customer: Just ordinary. (Maugham W.S., Sheppy, 10).

Miss Grange: I never like to see a gentleman's nails too highly polished.

Customer: I dare say, you're right.

Miss Grange: I mean to say, I always think it make one look like a foreigner.

Customer: Oh, do you think it does?

Miss Grange: I'm positive of it. And one doesn't want to look like one of them Argentines, does he?

Customer: They look terribly rich, you know. (Maugham W.S., Sheppy, 10).

Как нетрудно заметить, оба вопроса задаются с контактоустанавливающей целью, т.е. это вопросы, характерные для данной профессии. Подлинно дружески звучит РВ, когда мисс Грейндж обращается к Шеппи.

Sheppey: Well, I'll tell you, I'm lucky. I always 'ave been.

Miss Grange: They say it's better to be born lucky than rich, don't they?

Bolton: Did you have a ticket for the Irish Sweep?

Sheppey: Yes, I wouldn't miss that for anything. (Maugham W.S., Sheppy, 17-18).

Необходимо также указать еще одну особенность речи мисс Грейндж, а именно построение РВ с помощью словесной формулы "I suppose".

Reporter: Well, you don't mind if I say it's the first time you ever had one. I mean, it makes a "better story.

Sheppey: No, I don't object to that.

Bradley: We were just treging to get on to your paper when you came in.

Reporter: Oh, what about?

Miss Grange: It's one of the hundred-pound prizes, I suppose?

Reporter: D'you mean to say you didn't know? It's one of the residuary prizes. ... (Maugham W.S., Sheppy, 27).

Интересно, что мисс Грейндж прибегает к этому виду расчлененных вопросов вслед за репортером, который также пользуется расчлененными вопросами:

Reporter: Paper sent me along to get brief interview.

Sheppey: You've come in time. Another five minutes and you'd have found us gone.

Reporter: Feeling pretty good, I suppose?

Sheppey: Not so bad.

Reporter: Ever one anything before?

Sheppey: Never.

Reporter: I suppose you've had tickets?

Sheppey: Never missed since they started. (Maugham W.S., Sheppy, 26).

Этот случай лишний раз доказывает, что расчлененные вопросы с "I suppose" носит более официальный характер, нежели обычный расчлененный вопрос. Мисс Грейндж, следовательно, как бы подстраивает

ся к торжественности момента. Аналогичную ситуацию мы видели в речи Стэнли, однако он напускает на себя официальность с целью на-смешки.

В пьесе "Корни" А. Уэскера женские персонажи преимущественно обмениваются краткими расчлененными вопросами, причем, как правило, эти вопросы выполняют фатическую функцию. Приведем несколько примеров:

Beatie: Is he gonna die?

Mr. Bryant: Wouldn't surprise me, that it wouldn't. Blust, he look done in.

Mrs. Bryant: Poor ole fellah. Shame though ent it?

Mr. Bryant: When d'you arrive Beatie?

Mrs. Bryant: She come in the half-past ten bus. (Wesker A., Roots, 191).

На первый взгляд, расчлененный вопрос используется с отрицательной коннотацией, однако даже микроконтекст позволяет установить, что на самом деле расчлененный вопрос выражает сочувствие.

Beatie: Not many men'd marry you after you had baby.

Jenny: No.

Beatie: He didn't ask you any questions? Who was the father? Nor nothing?.

Jenny: No.

Beatie: You hev'n't told no one her you Jenny?

Jenny: No, that I haven't. (Wesker A. Roots, 165).

И в данном случае расчлененный вопрос передает дружеское расположение Бити к своей сестре.

Mrs. Bryant: ... An' he were just here look, just here along side o'he not more'n hour past.

*Mr. Bryant: **Rum ent it?***

Beatie (weakly): Oh, hell, I hate dying ... I was talkin' with him last night. ...

Mrs. Bryant: I can remember that ...

Beatie: Seem like the whole world gone suddenly dead don't it?

*Mr. Bryant: **Rum ent it?***

Mrs. Bryant: You say young Healey tell you that? He is a nice man Mr. Healy. ... (Wesker A. Roots, 194).

В этом случае Бити сама уже ищет сочувствия у своего отца.

Пьеса "Корни" А. Вэскера (и некоторые другие пьесы) особенно наглядно продемонстрировала тот факт, что оппозиция "образованный — необразованный" на материале британской драматургии довольно часто сводится к противопоставлению речи стандартной и диалектной. В английском обществе роль диалектов, именно территориальных, а не социальных, по-прежнему остается весьма высокой.

Итак, если брать расчлененные вопросы в целом, то из приведенного выше материала выявляется определенная разница в использовании этих вопросов людьми высокообразованными и людьми, которые говорят на нестандартном английском языке. Последние склонны употреблять более простые по структуре расчлененные вопросы, которые к тому же часто функционируют как клише. Интересно также отметить, что расчлененные вопросы с формулой "I suppose" встречались практически у всех говорящих на нестандартном языке, в то время как у многих высокообразованных людей такого рода вопросы отсутствовали. В этом проявляется своеобразный гиперурбанизм, когда говорящие предпочитают пользоваться несвойственными им формами выражения, считая, что тем самым они повышают свой социальный статус.

Следует отметить и еще одно отличие образованных персонажей от необразованных. Дело в том, что говорящие на нестандартном английском языке тоже могут выражать восхищение или восторг, но эти восклицания не приобретают форму расчлененных вопросов.

Л и т е р а т у р а

- Теплицкая Н.И. Теплицкая Н.И. Некоторые проблемы диалогического текста: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 1975. – 31 с.
- Голсуорси Д. Несколько триумфов по поводу драматургии // Собр. соч. в 16-ти т. – М., 1962. – Т. 16. С. 299-507.
- Maugham W.S. Sheppy // W.S.Maugham. Selected. Plays. – Penguin Books, 1963, Maugh. Sh.
- Shaffer P. Five Finger Exercise // Modern English Drama, Moscow, 1984. – Shat. F.
- Wesker A. Roots // Modern English Plays. – Moscow, 1966. – Wesk. R.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

«Московский бедекер», или «Путешествие с классиком» (русская культура в иностранной аудитории)

© О. И. Судиловская, 2001

На кафедре русского языка для учащихся гуманитарных факультетов филологического факультета МГУ создается программа и апробируются материалы первой книги серии “Московский бедекер. Путешествие с классиком” – издания негерметичного, где будут нетрадиционно синтезированы традиционные жанры – хрестоматия, биографический очерк, историческая справка, комментарий к документальным фотоматериалам, топографическим картам, художественным иллюстрациям, информационный справочник по современной Москве. Цели данного проекта (программы и серии книг “Московский бедекер. Путешествие с классиком”) обусловлены теми прикладными задачами, которые актуализировались в методике преподавания РКИ в последние годы вследствие теоретических исследований проблем межкультурной коммуникации (МКК), взаимодействия языка и культуры [1, 2]. В рамках Программы предполагается коллективное решение актуальных научных и научно-методических проблем, разработка учебных курсов по аспекту “Московское культуроведение” для различных контингентов учащихся, подготовка соответствующих учебных пособий и других средств обучения.

Один из возможных методических подходов к решению прикладных задач в сфере МКК – разработка стратегии соединения виртуальной и не виртуальной реальностей в ходе аудиторных и внеаудиторных занятий по аспекту “Московское культуроведение”. Не только литература, но “история как наука”, по остроумному замечанию В. В. Красных, “представляется... во многом виртуальной дисциплиной. Факты, события, имевшие место в определенном месте в определенное время суть объективная действительность и в этом смысле должны бы быть элементами ДР (действительной реальности – О.С.). Однако они не существуют в сознании как “вещь в себе”, вне отношения к ним субъекта сознания, они включают оценки, трактовки, интерпретации, “вычитанную” из них или “вчитанную” в них логику, т. е. составляют ВР (виртуальную реальность – О.С.)” [3: 7]. Интенционально изучение (чтение и анализ – лингвостилистической либо литературоведческой направлен-

ности) художественного текста инофоном, пребывающим в стране изучаемого языка, является актом дискурсивным. На занятиях по аспекту “Московское культуроведение” предполагается обращение не только к тексту, но и к эпохе его создания, эпохе аутентичной креативно-витальной активности реального автора текста, если таковой имеется, и эпохе виртуальной активности героев рассматриваемого произведения. Для русского менталитета, как мы полагаем, Москва является *поливалентным прецедентным гиперфеноменом* как сама по себе в целом, так и территориально локализованная (Тверская, Таганка, Замоскворечье, Марьино Роща и др.). У носителя русского сознания, даже у не имеющего определенных знаний в историко-культурной сфере, существует индивидуальная “московская” “когнитивная база” (различной степени адекватности и редуцированности), и при упоминании об этих районах Москвы у него возникает цепь концептуальных ассоциаций. В связи с изначальным отсутствием у инофонов ориентации на русскую культуру как родную для них эти места не могут являться стимулами, активизирующими концепт. Поэтому в рамках занятий по москововедению расширяется пропедевтическая установка на ознакомление учащихся с этими феноменами как памятниками чужой / чуждой культуры, то есть преподаватель должен не просто констатировать их наличие и эстетические достоинства, а раскрыть их прецедентный смысл. Без этого нельзя считать занятия по москововедению полными, логически и методически завершенными. Ранее в рамках традиционных экскурсий “по местам жизни и творчества” таких задач не ставилось.

Проект “Московский бедекер” предпринимает следующий шаг на пути формирования в иноязычном сознании определенным образом структурированной индивидуальной картины, соответствующей фрагменту когнитивной базы, включая в нее прецедентные феномены, приоритет которых обусловлен сдвигами в российском лингво-культурном сообществе. Учащемуся предоставляется возможность знакомиться с авторским (автор – российский классик) вариантом фрагмента той или иной “московской истории” и параллельно наблюдать “декорации” исторических драм, пройдя по тем же улицам, заходя в те же дома, дворцы, храмы, куда заходили герои вымышленных или реальных московских происшествий. Проще говоря, будет предпринята попытка формирования необходимого уровня культурной компетенции учащихся, углубляя их представления о российской конкретике проникновением в яркие фоновые детали мира русской культуры.

Мы не можем не воспользоваться той возможностью, которую нам предоставила не виртуальная реальность в виде уникальных особенностей модерн-хронотопа. Целенаправленно осуществляемый в последние годы римейк старой Москвы (особенно реконструкция, материальная и

духовная, православных храмов) усиливает эффект присутствия на исторической сцене, что значительно расширяет возможности жанра традиционной экскурсии. Реконструкция как феномен обретет значимость символа перманентного возрождения, имманентно присущего России и Москве: взлеты и падения, пожары и широкий размах строительства, убоицы и соборность. Приглашая учащихся на прогулку по Москве, мы пойдем уже не по Большой Коммунистической улице, не по проспекту Калинина, а по Большой Алексеевской, Воздвиженке и пр. Как свидетельствует московская топонимия, «самым важным объектом в городе был храм – монастырь или церковь. Группа городских топонимов по храмам самая большая из числа названий по важным объектам. Среди «церковных» московских топонимов есть несколько разновидностей. Это в первую очередь названия по именам святых, мучеников, чудотворцев и т. п., в честь которых был основан храм, давший свое имя улице или переулку, на котором находился» [4: с.3].

Большая Якиманка (название дано по приделу Иоакима и Анны при церкви Благовещения в Голутвинской слободе, храм известен с XV века), Варварка (название дано по церкви великомученицы Варвары, воздвигнутой в 1514 году), Васильевский спуск (по церкви Василия Блаженного при соборе Покрова Божьей Матери, что на Рву, XVI век), Ивановский тупик (по церкви Ивана Воина, храм известен с 1625 года), Елисеевский переулок (по приделу Пророка Елисея при церкви Воскресения Словущего на Успенском Вражке, XVII век) – подобных агониимов много, и сами по себе они уже являются основой для лингводидактического осмысления.

Но, рассматривая эти факты как экстралингвистические феномены в контексте изменения культурной и духовной ситуации в России, мы сталкиваемся с необходимостью разрабатывать новые стратегические подходы оптимизации обучения для тех иностранных учащихся, у которых желание познакомиться с русской культурой создает основную мотивацию для изучения русского языка.

Первые выпуски издания «Московский бедкер. Путешествие с классиком» территориально герметичны. Авторы сосредоточили свое внимание на *Terra Zamoscworechje*, что позволяет ввести учащихся в мир, где они сами найдут ответы на многие онтологические вопросы русской ирреальной и реальной ментальности – например, чем объяснить тягу героев Островского к Замоскворечью; почему лермонтовский герой, «удалой купец» Калашников, жил именно здесь; какие здания на Большой Ордынке проектировал Василий Баженов; где жил и находил прототипы для своих полотен Николай Неверов; какое здание теперь стоит на месте того дома, из которого отправлялись в Московский университет Алексей Филомафитский (создатель метода внутривенного

наркоза), Федор Иноземцев (врач, который пользовал Гоголя, Языкова, Ермолова), знаменитый Ключевский; как от здания, где теперь находится факультет журналистики МГУ, через Китай-город, Красную площадь и Зарядье пройти на Большую Полянку, по которой ходили и ездили герои русской истории и русской литературы.

В первое “Путешествие с классиком” читатель отправится с Иваном Шмелевым. Эта фигура является знаковой в современном экзистенциальном, православном, литературном и социальном контексте. 22 августа 2000 года на открытии памятника И. Шмелеву в Москве наши соотечественники говорили о том, что Шмелев вместе с Бунинным, Куприным, Струве и многими другими выдающимися деятелями культуры был выдворен из России. Но именно это заставило их совершить великий подвиг – сохранить в своей душе и в своем сердце то великое ощущение России, которое невозможно выдворить из человека.

Материалы, вошедшие в этот выпуск, содержат следующим образом структурированный корпус текстов:

- *информационные* – о Замоскворечье, малой родине Шмелева и его предков, о Донском монастыре, последнем приюте писателя (этнических, топографических, биографических, фотодокументальных);
- *художественные* (главы из романа “Лето Господне”, являющие манифестацию православной направленности творчества Шмелева-художника), дающие возможность экстраполировать их на топонимику современной Москвы.

Повести Шмелева “Лето Господне” свойственна удивительная простота и точность, что делает возможным представление в иноязычной аудитории оригинальных текстовых фрагментов, без дополнительной адаптации. Для этого произведения характерно полное отсутствие “живописных” метафор, образов, сравнений.

Повесть “Лето Господне” состоит из трех частей (“Праздники”, “Радости”, “Скорби”). В “Праздниках” каждая глава посвящена описанию религиозных праздников (от Великого Поста до Масленицы) и эмоциональных, душевных и духовных переживаний ребенка, вызванных этими религиозными событиями и подготовкой к ним. Обращение к теме детства традиционно для русской литературы (“Детство” Л. Толстого, “Детство Никиты” А. Толстого, “Детство Темы” Н. Гарина-Михайловского и др.). В не меньшей степени традиционны в русской литературе историческая и бытописательская линии. Но “Лето Господне” (равно как и повесть “На Богомолье”, сборник “Родное”) не поддаются привычному жанровому определению: “быль-небыль? миф-воспоминание? свободный эпос? [...] путешествие детской души: судьба, испытание, несчастье, просветление” [5: 5]. Важно, что духовное путешествие, становление русской души, воссоздается писателем, вир-

туозно владевшим именно техникой бытописания. В повести рождается особый мир, мир Замоскворечья, до осязаемости материальный, густо населенный, психологически убедительный.

Как известно, И. С. Шмелев родился в Москве, в богатой купеческой семье. Уже в 1812 году прадед Шмелева, по роду деятельности кадаш (мастер-кадочник, бондарь), жил в Кадашевской слободе и торговал посудой. Семья, уклад жизни в доме Шмелевых были традиционными: патриархальными и религиозными. Но основная жизнь проистекала не в доме, а “на дворе” – сперва в Кадашах, а потом на Большой Калужской, куда со всех концов России стекались рабочие-строители. Писатель вспоминал: “Слов было много на нашем дворе – всяких. Это была первая прочитанная мною книга – книга живого, бойкого и красочного слова... Во дворе было много ремесленников – бараночников, сапожников, скорняков, портных. Они дали мне много слов, много неопределенных чувствований и опыта...” [6: с.143]. Этот микрокосм, населенный плотниками, каменщиками, малярами, ломовыми извозчиками и прочим работным людом и наблюдает в течение года маленький Ваня, сюжетобразующий герой повести. Нарисованный рукой мастера, уже сам по себе этот мир стал объектом пристального внимания филологов. На первый взгляд, в практике преподавания РКИ тоже можно было бы найти нишу для цикла занятий на тему “Лингвостилистический анализ повести Шмелева “Лето Господне”” (условно). Можно было бы, преодолевая сопротивление материала, добиться адекватного понимания учащимися таких лексических единиц, как, например, *отонка, подседы, серячок, выносной, азым, семитка, липнячок, бурачок, поголенки* и др. Но вряд ли в этом случае мы далеко продвинемся по пути создания у наших учащихся того уровня предметной компетенции, который необходим для проникновения в глубинный смысл произведения.

Русский философ И. Ильин в своем исследовании “Творчество И. С. Шмелева” [6: 533] указывал, что писатель строит свою фабулу как бы на внешней, эмпирической последовательности времени, а в сущности идет за календарным годом русского Православия. По замечанию исследователя [6: 533], годовое вращение имеет в России свою внутреннюю, сразу климатически бытовую и религиозно-обрядовую связь. “И вот, в русской литературе впервые изображается этот сложный организм, в котором движение МАТЕРИАЛЬНОГО СОЛНЦА и движение ДУХОВНО-РЕЛИГИОЗНОГО СОЛНЦА срастаются и сплетаются в единый жизненный ход. Два солнца ходят по русскому небу: солнце планетное, дававшее нам бурную весну, каленое лето, прощальную красавицу осень и...белую зиму; другое солнце, духовно-православное, дававшее нам весною – праздник светлого, очистительного Христова Воскресения, летом и осенью – праздники жизненного и природного

благословения, зимою, в стужу – обетованное Рождество и духовно-бодрящее Крещение. И вот Шмелев показывает нам и всему остальному миру, как ложилась эта череда двусолнечного вращения на русский народно-простонародный быт и как русская душа, веками строя Россию, наполняла эти сроки Года Господня своим трудом и своей молитвой” [6: 535].

Обратим внимание на эксплицированную Ильиным тему движения, хода, путешествия, выраженную эпически и лирически. Ильин пишет о двуплановости временных отношений в повести, она очевидна, но, как кажется, не предельна. Имплицитно временные отношения более многоплановы, и это выявляется при углублении в семантику прецедентных феноменов Замоскворечья.

Герой повести, шестилетний Ваня, пребывает в постоянном движении, совершая большие и малые путешествия по Замоскворечью и за его пределы. И ни одно из них не обходится без упоминаний (зачастую пространных и многократных) о Кремле. Именно Кремль является центром этого мира, мира православного, именно он виден практически с любой позиции наблюдателя, к нему устремлены восхищенные взоры героев повествования. Вот фрагмент из небольшой главы “Постный рынок”, повествующей о поездке Вани и его духовного наставника плотника-краснодеревщика Горкина (благочестивого, но малообразованного по светским понятиям старика) за постными продуктами.

Они едут по Якиманке к Варварке. Некоторый комизм поездке придает запряженная в повозку лошадь по кличке Кривая, то и дело останавливающаяся у церквей и там, откуда хорошо виден Кремль, потому что именно в этих местах останавливалась в свое время бабушка героя. Горкин с благоговением комментирует открывающуюся панораму: “Гляди, Кремль-то наш, нигде такого нет. Все соборы собрались, Святители-Чудотворцы... Спас-на-Бору, Иван Великий, Золота Решетка... А башни-то каки, с орлами! И татары жгли, и поляки жгли, и француз жег, а наш Кремль все стоит. И довеку будет. Крестись... Самое наше святое место, святыня самая” [6: с.39]. Далее – внутренний монолог героя-повествователя. “Весь Кремль – золотисто-розовый, над снежной Москва-рекой. Кажется мне, что там – Святое, и нет никого людей. Стены с башнями – чтобы не смели войти враги. Святые сидят в Соборах. И спят Цари. И потому так тихо. Окна розового дворца сияют. Белый собор сияет. Золотые кресты сияют – священным светом. Все – в золотистом воздухе, в дымно-голубоватом свете: будто кадят там ладаном. Что во мне бьется так, наплывает в глазах туманом? Это – мое, я знаю. И стены, и башни, и соборы... и дымные облачка за ними, и эта моя река, и черные полыньи, в воронах, и лошадки, и заречная даль посадов... – были во мне всегда. И все я знаю. Там, за стенами, церков-

ка под бугром, – я знаю. И щели в стенах – знаю. Я глядел из-за стен... когда?... И дым пожаров, и крики, и набат... – все помню! Бунты, и топоры, и плахи, и молебны... – все мнится былью, моей былью... – будто во сне забытом” [6: 40].

Здесь – указание на трансцендентность переживаний героя и одновременно на то, что амбивалентность временных отношений в повести усложняется с каждым путешествием, с изменением позиции героя, взирающего за пределы микрокосма. Взгляд, направленный по ту сторону Замоскворечья, обретает напряженность вектора, указывающего на центр вселенной – Кремль. В зоне направленности вектора – православные храмы. Эта тема эксплицируется в “пограничных ситуациях” – путешествиях. (Именно такие фрагменты и войдут в основной текстовый корпус 1-ой книги “Бедекера”, именно на них базируясь, мы пойдём по Замоскворечью в глубь веков, вместе с учащимися рассуждая о той России, которая унаследовала не только предприимчивость Морозовых и Демидовых, но и духовность Третьяковых и Шмелевых).

Глава “Троицын день” повествует о более отдаленном путешествии героев – в Воробьевку (в современной топонимической терминологии – на Воробьевы горы) за березками для украшения храма накануне праздника Живоносной Троицы. Перечисляются (с комментариями Горкина) церкви, мимо которых едут герои.

“Вон Казанская наша, башенка-то зеленая! – указывает Горкин. А вон, возля-то ее, белая-то... Спас-Наливки, Розовенькая, Успенья Казачья... Григорий Неокесарийский, Троица-Шаболовка... Риз Положение... а за ней, в пять кумполочков, розовый-то... Донской монастырь наш, а то – Данилов, в роще-то. А позадь-то, колокольня-то высоченная, как свеча... то Симонов монастырь, старинный! А Иван-то Великой, а Кремль-то наш, а?” [6: 91].

Каждый из этих храмов оставил след в духовной истории России, и в современной Москве они, небольшие в сравнении с новыми зданиями, неожиданно возникая на их фоне, более гармоничны и не виртуальны, чем современные громоздкие архитектурные фантомы.

В зоне направленности вектора оказывается храм святителя Григория Неокесарийского на Большой Полянке.

Храм Григория Неокесарийского – один из важных стратегических пунктов сюжета 1-ой книги “Московского бедекера”. Церковь интересна своей историей. Современный храм святителя Григория Неокесарийского был воздвигнут на месте деревянной церкви, которую построил князь Василий Темный, внук Дмитрия Донского и прадед Ивана Грозного. Предание гласит, что, находясь в татарском плену (в Казани), князь дал обет: если вернется домой, построит в том месте, откуда увидит Москву, храм во имя того святого, память которого совершается в

этот день. Освобождение из неволи произошло 17 (30) ноября 1445 года – в день празднования памяти святого Григория, святителя и чудотворца Неокесарийского.

(В книге “Житиях святых” св. Дмитрия Ростовского епископ Григорий Неокесарийский /213-275/ предстает естественным, простым человеком, прекращавшим наводнения и сдвигавшим горы лишь силой своей непоколебимой веры. Русским православным святым тоже присуща эта глубокая, раз и навсегда данная вера, без мудрствований и логических выкладок. России близок этот тип [7: 66]). Василий Темный, измученный пленом и долгой дорогой домой, увидел, наконец, Кремль (с места, находящегося немного к юго-востоку от нынешнего расположения храма; вероятно, князь ехал по дороге, совпадающей с современным Старомонетным переулком) и заложил на этом месте храм. Первое здание церкви (деревянное) сгорело. Был построен новый храм – сначала деревянный, а затем каменный (заложен в 1667г.). Храм Григория Неокесарийского как один из пунктов виртуальных путешествий в дискурсивном восприятии позволяет использовать прием модульной проекции различных текстов, сюжетов и тем – виртуальных и действительных, исторических и современных (включая и тему преображения и возрождения – от Василия Темного после ослепления до Москвы и России). Соединившись (хотя бы в рамках учебного курса), виртуальная и не виртуальная реальности позволяют ощутить российский мейнстрим: направленность российского вектора на Кремль, что прослеживается от текста к тексту. Возможно, это значит, что со всеми мутациями хронотопа и трансформациями масштаба (сейчас Москва с различных ракурсов видна за многие километры до въезда в нее, а от храма Григория Неокесарийского до Кремля 10 минут езды), Россия остается адекватной самой себе. Возрождаются храмы и возвращаются имена и тексты.

У Ильина читаем: “в таких буднях, озаренных праздниками, русский народ прожил тысячу лет и построил Россию... Показывая... глубокие слои русской протонародно-православной духовности и утверждая их бытие, как подлинное и судьбоносное, Шмелев создает художественное произведение национального и метафорического значения. Он как будто говорит за русский народ и от его лица: мы знаем, что мы были и будем живы; мы знаем источники нашей духовной силы; мы им верны и оторваться от них не можем; все трудности нашей природы, все испытания нашей истории, все невероятные задачи нашей сравнительно первобытной, но мощной государственности – мы снесли и пронесли благодаря тому, что ставили свою душу в трепетную близость к Богу” [6: 540].

Когда Ильин писал эти строки, ему было около 70-ти и он прожил в Берлине почти 40 лет. Писал он о своем друге Шмелеве, который был

старше Ильина на 10 лет, писал свои произведения во Франции и, как и Ильин, покинул Россию в 1922 году. Но в текстах этих авторов документально зафиксировано их присутствие, пусть виртуальное, но постоянное, в России. Они каким-то образом смогли сохранить в своей душе не только “любовь к родному пепелищу”, но и доподлинное, в большом и в малом, знание родины. (Именно эти пушкинские строки о “двух чувствах, дивно близких нам”, Шмелев поставил эпиграфом к своей Книге).

Так каким же образом Ильин и Шмелев, и прочие россияне “рассеяния” сумели сберечь свою когнитивную (патриотическую, хотя и индивидуальную) базу? “Современная наука признает сознание феноменом культурозависимым. Сознание формируется в процессе социализации и, следовательно, не может не нести на себе отпечаток той “матрицы” (по Э. Сепиру), которая создана опытом всех предшествующих поколений” [3: 8].

Вряд ли можно было бы назвать разумной установку на пробуждение в инофоне чувств, аналогичных тем, какие питали к России Ильин и Шмелев. Но мы можем попытаться спроектировать такие обстоятельства процесса социализации наших учащихся, вследствие чего они хотя бы не останутся равнодушными к нашим “пепелищам” и “гробам”.

Кому адресована серия “Московский бедкер. Путешествие с классиком”? Возможно, задуманное издание найдет широкий круг пользователей. Не вызывает сомнений, что серия будет востребована так называемым традиционным контингентом иностранных учащихся: высших учебных заведений РФ и в первую очередь учащимися-гуманитариями. Приобщение этих учащихся к социально-культурной сфере начинается еще на подготовительном факультете, но затем, будучи студентами 1 и 2 курсов, они сосредоточивают свое внимание на освоении научного стиля и языка специальности с целью достижения уровня коммуникативной компетенции, необходимой для адекватного профессионального общения в учебно-научной сфере деятельности. Таким образом, экстралингвистическая реальность лишает этот контингент возможности регулярного общения с социокультурным материалом. Но потребность в приобщении к культуре народа-носителя изучаемого языка у учащихся данного контингента остается, и на старших курсах у студентов-иностранцев гуманитарных факультетов появляется возможность посещать традиционные аспектные занятия по анализу художественного текста, страноведению и москвоведению.

Вторым потенциальным контингентом, которым, безусловно, будет востребован аспект “Московское культуроведение”, является корпус учащихся-стажеров. В последнее время курсорное обучение становится все более привлекательным для иностранных учащихся, спектр его

расширяется (это и традиционные “летние курсы”; и программы, рассчитанные на семестр или на учебный год; включенное обучение и др.). Основные коммуникативные потребности стажерского контингента учащихся, как правило, лежат в области социокультурной и обиходно-бытовой сфер деятельности. Исключение составляют научные стажеры, приезжающие в вузы РФ в основном для подготовки диссертационных исследований, написания монографий и др. Поэтому индивидуальные (либо групповые) программы по русскому языку, для реализации которых стажеры приезжают в страну изучаемого языка, традиционно включают, помимо обычных аудиторных занятий, и богатую экскурсионную программу, которая могла бы быть успешно реализована в рамках аспекта “Московское культуроведение” с использованием учебных пособий серии “Московский бедекер. Путешествие с классиком”. Именно такие особенности текстов пособия, как дискретность, компактность, сюжетность и поливалентность как нельзя лучше соответствуют потребностям организации учебного процесса при курсорном обучении.

В заключении выразим надежду, что разрабатываемая программа и создаваемая серия “Московский бедекер. Путешествие с классиком” в обозримый период позволят успешно решить непростую задачу формирования культурного компонента языковой компетенции у различных категорий иностранных учащихся, стоящую перед теорией и практикой преподавания РКИ.

Л и т е р а т у р а

1. *Красных В. В.* Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст). Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1999.
2. *Гудков Д. Б.* Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2000.
3. *Красных В. В.* Виртуальна или реальна виртуальная реальность? (постановка проблемы) // *Язык, сознание, коммуникация*. М., 2000. Вып. 13.
4. *Бурак Е. Ю. и др.* Названия московских храмов. М., 1998.
5. *Михайлов О. Н.* Об Иване Шмелеве // *Шмелев И. С.* Сочинения. В 2-х тт. М., 1989.
6. *Ильин И. А.* Творчество Шмелева // *Шмелев И. С.* Лето Господне. М., 1997.
7. *Св. Дмитрий Ростовский.* Жития святых. Кн. 3. М., 1905.